

Нелли Шульман

ВЕЛЬЯМИНОВЫ

НАЧАЛО ПУТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нелли Шульман
Вельяминовы. Начало
пути. Том третий
Серия «Вельяминовы -
Начало пути», книга 4

*<https://litres.ru/74159067>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Семья Вельяминовых вступает в XVII век. Первые колонии в Северной Америке и Смутное время в России, арктические путешествия, пиратство в Карибском море и начало торговли с Индией.

Нелли Шульман

Вельяминовы. Начало пути. Том третий

ВЕЛЬЯМИНОВЫ – НАЧАЛО ПУТИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть первая

Москва, 1605

Федор Петрович Воронцов-Вельяминов заколотил рукояткой плети в мощные ворота городской усадьбы на Воздвиженке. Оглянувшись на старшего сына, он усмехнулся.

—Надо было тебя, Петька, сразу сюда отправить. Пока мы с Борисом Федоровичем говорили, нам бы и мыльню истопили и обед собрали.

Ворота, наконец, открылись. Бросив поводья холопу, соскочив на землю, Петя потянул носом.

—Из поварни, батюшка, вкусно пахнет. Не иначе, как и готово все.

— Да я вас с утра ожидаю, — Лиза вышла на крыльцо. Завидев отца, Марья капризно сказала:

—Ногами! Папе ногами!

Федор, наклонившись, подхватил дочку.

—Ты, Марья Федоровна, Великим Постом бойко ходить стала, а?

— Бойко! — согласилась дочка. Потянув отца за рыжую бороду, девочка рассмеялась. Петя пощекотал сестру.

— А Степа где?

— Исует, — ответила Марья, — там, — малышка показала на светелку.

— Как всегда, — рассмеялся Федор. Вбежав на крыльцо, поцеловав Лизу, он велел:

— Так, сначала в мыльню. Готова же она?

— Конечно, — удивилась Лиза, — как гонец из-под Кром прискакал, так вас и ждем. Как там?

— По-разному, — вздохнул муж.

— Я Романа Михайловича, — он тонко улыбнулся, — в Кремле видел. Он на обед приедет. Ксения Борисовна с матерью на богомолье в Лавре и сестра моя с дочкой с ними. Зять мой нынче вдовец соломенный, пусть хоша домашней еды поест, а заодно и поговорим, — Федор поднял бровь.

Оправив на дочке синий бархатный сарафан, Лиза кивнула.

— Посмотрю, чтобы не мешал вам никто. Идите в мыльню. Я Марью мамкам отдам и принесу одежду чистую.

— Да мы бы и сами, — запротестовал Петр и Лиза вздохнула.

— Не каждый день-то вы дома бываете, Петенька, дай хоша поухаживать за вами.

Муж и сын пошли через чистый двор к новой, срубленной прошлой осенью мыльне. Лиза пробормотала:

—Господи, и не скажешь Феде, что не след мальчика на войне держать, Петенька хоша и вымахал, а все равно еще ребенок.

Оторвавшись от огромной карты, расстеленной на покрытом персидским ковром столе, Федор Годунов озабоченно спросил:

—Как вам, Роман Михайлович?

Сэр Роберт Пули незаметно усмехнулся.

—Если в Стамбуле я свыкся с Рахманом-эфенди, то и здесь пора.

Он внимательно осмотрел карту.

—Вы же хотели еще сделать план Москвы, ваше высочество?

— Вы помните, — красивое, еще детское лицо царевича расплылось в улыбке.

—У него уже хороший английский, — понял сэр Роберт, — с акцентом, но хороший. Умен царь Борис, умен и дальновиден, ничего не скажешь.

—Сейчас мы раздавим самозванца, и все успокоится. Теодор говорил, что мой старый знакомец бродит где-то на юге, народ на бунт подбивает, но с ним мы тоже расправимся.

— Конечно, помню, ваше высочество, — мягко ответил сэр Роберт.

В зеленоватом вечернем небе за окном золотились купола кремлевских церквей. Роберт послушал птичьи клики.

—Скорей бы Мэри из лавры вернулась, — вздохнул он, — а то так тоскливо, что и домой идти не хочется.

— Вот он, — царевич потянулся за свернутым в трубку чертежом, что лежал на столе.

—Давайте посмотрим, — одобрительно сказал сэр Роберт, — не зря же мы всю Москву для сего плана изъездили.

Выйдя на кремлевское крыльцо, он отыскал своего невидного, но резвого жеребца.

—Хороши кони у Теодора, — сэр Роберт вскочил в седло, — он вообще молодец. Получив вотчины, он сразу занялся лошадьми. Лучше его деда знатока на Москве не было.

Выехав на шумную, заставленную торговыми рядами Красную площадь, Роберт полюбовался Троицкой церковью.

— Здесь Теодор и встретился со своим учителем, — вспомнил он, выезжая на широкую Воздвиженку, — жаль, что Федор Конь умер. Он был великий архитектор, один Белый Город чего стоит. И Теодор вместо того, чтобы строить, воюет. Он мог сидеть в Италии, никто его на Москву не гнал. Хотя он такой человек, а впрочем любой из нас сделал бы то же самое.

Высокие ворота усадьбы отворились, сэр Роберт въехал на выметенный двор.

День был постный. После бочонка икры, ухи и пирогов с визигой принесли чиненых гречневой кашей лещей.

— По-простому, — сэр Роберт разлил водку, — а в Крем-

ле по десять перемен подают. Пока встанешь из-за стола, и день пройдет, но готовят у вас все равно лучше.

— Холопы еще со времен матушки кое-какие остались, — Федор выпил полстакана, — а она, хоша мягкая, по щекам никого не хлестала, а все равно у нее не забалуешь. Я такой же. Вначале, правда, батогов пришлось кое-кому отведать, зато теперь все знают, кто здесь хозяин.

— Марья как говорит хорошо. На Пасху ей год исполнился? — спросил сэр Роберт.

— Я тоже удивился, — улыбнулся Федор, — когда я после Добрыничей домой приезжал в феврале, она только лепетала, а сейчас и не угонишься за ней.

— Надо было после Добрыничей добить мерзавца, — мрачно сказал сэр Роберт, — и сейчас не пришлось бы терять людей. Тех, что Семен Годунов с ядом в Путивль к нему в ставку отправил, арестовали.

Федор со вкусом выматерился.

— Надо было нам не под Кромами сейчас сидеть, а в Путивль идти. Впрочем, войском не я командую, а князь Мстиславский, — он махнул рукой.

Сэр Роберт потянулся за икрой.

— Что Болотников? Все обещает народу землю и волю?

Федор усмехнулся.

— После Добрыничей мы на юге народ к порядку призывали. Пришлось повесить кое-кого и сжечь деревни переметнувшиеся к самозванцу. Болотникову сие только на руку.

Мол, под незаконным царем вы страдаете, дак идите к законному государю. Он и рабство отменит, и землю даст.

— Возьмет и отменит, — мрачно сказал сэр Роберт, — право, Теодор, что за дикость? Отмени царь Борис рабство, думаешь, народ бежал бы к Болотникову, или к тому авантюристу?

Оглядев стол, Федор пробормотал:

—Вроде наелся, а что до рабства, дорогой мой зять, дак я говорил тебе, что сиди я на престоле царей московских, все стало бы по-другому. Да только не видать мне его. Погоди, велю еще кваса принести и чернильницу с пером.

Сэр Роберт незаметно взглянул на шурина.

—У него прав на престол больше, чем у Бориса, потому что Федор кровный родственник царя Ивана, однако у Марии Старицкой еще больше. Жаль только, что никто не знает, где она. Умерла, должно быть. В первый раз, что ли, царь Иван свои обещания не выполняет?

Закрыв дверь на засов, откинувшись на спинку кресла, Федор стал диктовать.

—И как ты это все запоминаешь? — собирая грамоты, удивился сэр Роберт и Федор улыбнулся.

—Я, дорогой зять, могу все башни Белого Города начертить, хоша сейчас. У меня с детства так и у Стефана тоже. Я тебя водил в мастерскую к нему, показывал иконы, что он сейчас пишет.

— Жаль, что только иконы, — грустно сказал сэр Роберт.

— Я его в Европу увезу, — пообещал Федор, — дай время. Ты завтра донесения отправляешь?

Сэр Роберт кивнул.

—Очень удобно, что все делается через священников, и здесь, и в Новых Холмогорах. Даже Семен Годунов с его проныцательностью, никогда не догадается.

— Н-да, — Федор выпил квасу, — не хотелось бы рядом на плахе лежать. Борис Федорович уже собирался меня туда отправить. И смотри, — хмуро добавил мужчина, — я знаю, что по его приказу Митьку убили, ты сие знаешь, а все равно для России лучше, чтобы Годунов на троне сидел.

Сэр Роберт помолчал.

—Отец нашего общего знакомого когда-то мне сказал: «Ставь благо страны превыше своего». Так и получается, Теодор.

Проводив зятя, он постоял на крыльце, глядя на золотистый серп луны. Поблизости лаяли собаки. Медеянские кобели, которых ночью выпускали на двор, тоже завывали. Поднявшись наверх, Федор заглянул к сыновьям. Те спали спокойно, Степан положил щеку на свой альбом. Улыбнувшись, Федор плотнее укутал сына собольным одеялом.

Марья тоже сопела в колыбели, свернувшись в клубочек. Перекрестив девочку, он устроился рядом с женой. Лиза сонно сказала:

—Завтра спи до обеда. Я детям велю, чтобы не будили тебя.

— Только если ты тоже никуда не уйдешь, — отозвался Федор, — нам обратно на войну через два дня. Но все будет хорошо, Лизавета. Скоро все закончится, — он погладил жену по голове.

Федор проснулся от стука в дверь опочивальни, когда за окном уже сияло полуденное солнце. Топтавшийся на пороге Петр приподнялся на цыпочки. Выслушав шепот сына, Федор быстро оделся. Пора было ехать в Кремль.

Ксения Борисовна Годунова подняла заплаканные темные глаза.

— Как теперь будет-то, матушка?

Вдовствующая государыня, Марья Григорьевна Скуратова-Бельская, потрещала сухими пальцами.

— Молись, дабы батюшка твой, Борис Федорович, в небесных чертогах упокоился, и дабы Господь мудрость твоему брату даровал страной управлять.

Перекрестившись, Марья Григорьевна внимательно осмотрела пустой кремлевский двор.

— Как быстро, — вздохнула вдовствующая государыня, — утром он плохо себя почувствовал, потом кровь из носа пошла, а после обедни и преставился. Ах, Борис, Борис, на шестой десяток едва перевалил, и нет тебя больше. Федор ребенок еще, шестнадцати не исполнилось, а самозванец подметные письма рассылает. Неровен час, на Москву двинется.

Низкая, изукрашенная золотом, резная дверь отворилась. В палаты шагнул, пригнув голову, троюродный брат царя, Семен Никитич Годунов.

— Правое ухо царя, — кисло подумала Марья Григорьевна, — Борису он предан был, но останется ли верен сыну его?

Семен Никитич оглядел женщин.

— Москва присягнула на верность царю Федору Борисовичу, вам, государыня Марья Григорьевна и вам, царевна Ксения Борисовна.

Ксения, высокая, тонкая, с убранными под плат черными косами, положила семипоклонный начал у икон.

— Государыня, — Семен Никитич указал на боковую светелку.

— Иди, Ксеньюшка, — велела Марья Григорьевна, — найди Марью Петровну с дочкой. Почитайте Евангелие за упокой души Бориса Федоровича.

Подойдя совсем близко к государыне, Семен Годунов шепнул:

— Вы зачем из Лавры вернулись?

Марья Григорьевна ахнула:

— Муж мой преставился, Семен Никитич! Где сие видано, чтобы вдова царя на похоронах слезы не лила?

— Полили бы и обратно уехали, — Годунов подошел к окну, — а еще лучше в Ярославль бы отправились, али на реку Шексну. Подальше отсюда.

— Вы сказали, Семен Никитич, — темная бровь госуда-

рыни поднялась, — что Москва нам на верность присягнула. Чего же нам в Кремле бояться?

Марья Григорьевна обвела рукой палаты и Годунов раздул ноздри.

— Нешто вы москвичей не знаете, государыня. Они аки девка срамная, простите такие мои слова, ложатся под того, у кого золота больше. Если в городе, — он указал на Красную площадь, — в набат забьют и крови Годуновых возжаждут, то я вас, Марья Григорьевна, не защищу. Батюшку вашего Григория Лукьяновича не зря Малютой прозвали. Не любили его на Москве, да и вас не привечают.

Красивые губы Марьи Григорьевны изогнулись в презрительной усмешке.

— Никуда я от сына моего, законного царя Федора Борисовича, не уеду, тако же и дочь моя. Защитников у нас достанет и без вашей помощи, Семен Никитич.

— Смотрите сами, — Годунов хотел выругаться, но остановил себя.

— Господи, дура набитая! — он прислонился к расписанной потускневшими фресками стене темного коридорчика.

— Ладно, сейчас Федор Петрович из-под Кром вернется и расскажет, что с войсками. Говорят, что сей Болотников под самой Москвой бродит, а может, он и в городе давно. Федор Петрович умный человек, как царь преставился, дак он семью в ярославские вотчины отвез от греха подальше

— А муж ваш где, Марья Петровна? — спросила царица. Аннушка прервалась, чтобы перелистать страницу Евангелия.

Леди Мэри Пули поправила бархатную куклу.

— С вашим братом, Ксения Борисовна, как батюшка ваш велел.

Тонкая, униженная кольцами рука женщины легла на длинные пальцы царицы. Лазоревые глаза блеснули и Марья Петровна шепнула:

— Не бойтесь, Ксения Борисовна. Я при вас была все это время, да и останусь, не брошу вас.

Аннушка подняла серые, отцовские глаза.

— Дальше читать, ваше высочество?

— Ты устала, бедная, — Ксения ласково потрепала ее по локтям, — принеси мое вышивание, а матушка продолжит.

Приняв от дочери Евангелие, Мэри вспомнила как ночью, после похорон Годунова, Роберт сказал ей:

— Собирайся. Теодор семью на Волгу отправляет. Вы с ними побудете, пока здесь все не закончится.

Мэри приподнялась на локте.

— Я даже с места не сдвинусь. Кто-то должен остаться при Ксении, а ты сего делать не сможешь. И Энни без нас никуда не поедет.

— Это точно, — вздохнул Роберт. Обняв жену, он поце-

ловал маленькое ухо.

—Ты упрямая и я упрямый. Какая еще у нас дочка могла получиться?

— Марья Петровна, — ласково сказала Ксения, — вы поднимайтесь с Аннушкой в палаты, кои я вам показывала. Царь Федор Борисович велел их для вас выделить, чтобы вы и Роман Михайлович всегда оставались рядом.

Проводив глазами стройную фигуру боярыни, девушка прошептала:

—Господи, сделай что-нибудь! Зачем Ты батюшку от нас забрал так быстро? Кто теперь самозванца сего остановит? Уже на каждом углу письма от него читают.

В дверь постучали и Ксения вытерла глаза.

—Я сейчас.

Мать и Семен Годунов стояли на пороге. Внезапно постаревшее, оплывшее лицо вдовствующей государыни исказила гримаса страха. Ксения тихо спросила:

—Что случилось?

—Видь, гонец из-под Кром вернулся, — коротко приказала Марья Григорьевна.

Ксения шагнула под сводчатые потолки крестовой палаты. Огромный мужчина потирал лицо, тяжело привалившись к стене.

— Простите, государыня, — выпрямился он, — я двое

суток в седле провел.

— Сие боярин Федор Петрович Воронцов-Вельяминов,
— сухо сказала царица, — нехорошие вести он привез.

Мужчина поднял смертельно уставшие, голубые глаза.

— Воевода Петр Басманов переметнулся на сторону самозванца, тако же и войско его. Дорога на Москву им открыта,
— он помолчал. — В городе шумно, беспокойно. Лучше бы уехать вам, пока время есть.

— Я сына своего не брошу, — упрямо ответила Марья Григорьевна. Ксения все смотрела на него.

— Так все плохо, Федор Петрович?

— Не слишком хорошо, — он поклонился. — Пойдемте, Семен Никитич, к царю. Будем думать, что дальше нам предпринять.

Они ушли, а Ксения все глядела на закрывшуюся дверь, комкая на груди тонкий черный шелк опашеня.

— Дворню я отпустил. Кого в Ярославль с Лизаветой не отправил, тому велел в тверские вотчины ехать.

Федор обвел глазами пустую, запыленную трапезную. Взяв холщовый ручник, вытерев грубые стаканы, он разлил водку.

— Не обессудь, — Федор указал на стол, — окромя лука и соленых огурцов, ничего более нет.

Сэр Роберт выпил, хрустко откусив половину огурца.

— Я смотрю, коней ты тоже вывез.

— В подмосковной они, где кое-кто из дворни спрятался, — Федор вздохнул. — Место глухое, может, и не заглянут туда. Где он сейчас?

Сэр Роберт погладил светлую бороду.

— Ходят слухи, что из Орла в Тулу отправился, а войско его во главе с князем Голицыным на Москву идет.

Федор выругался.

— Васька Голицын перед тем, как на его сторону перебежать, связать себя велел. Якобы в плен его взяли. Ох, зять, была бы моя воля, дак я бы все там колами уставил, — он указал в сторону Троицкой церкви, — мы зимой народ вешали на юге, на каждом дереве человек по десять. Сразу все забыли, как самозванца сего величают.

— Я вот что подумал, — задумчиво сказал сэр Роберт, — может, вывезти царя Федора отсюда? И семью его тоже, разумеется. Только вот разрешения нам никто не давал, а ждать, дак время потеряем.

Голубые глаза Федора Воронцова-Вельяминова холодно заблестели.

— Знаешь, зять, не всегда разрешения-то спрашивать надо. Попробуй, царь тебе доверяет, — он помолчал, — хотя Семен Годунов на коленях просил государыню с дочерью уехать, дак они отказались.

Сэр Роберт налил себе еще водки.

— Я его отцу покойному обещал царевича не бросать и не брошу. Сие законный царь, не шваль без рода и племени,

которая страну Его Святейшеству продать собирается с потрохами. И Мэри царевну не оставит.

Федор положил руку на саблю:

— Что я тебе могу сказать? Я отсюда не уеду, пока все не успокоится, но сие ты и сам знаешь, дорогой зять. С царем поговори. Если он решится, дак и сестра с матерью за ним отправятся. Пойдем, — Федор поднялся, — провожу тебя до Кремля. Не след одному по Москве ночью ходить, особливо сейчас.

На дворе сэр Роберт вскинул голову.

— Какие звезды крупные. Совсем как зимой, после нашего венчания. Мы охотились целый день, а потом в поместье вернулись, там камин горел. Мэри взяла бутылку вина, на меня посмотрела, улыбаясь, и легла прямо на ковер. Господи, следующим годом мы десять лет как женаты, а каждую ночь все равно, что в первый раз.

— Ты чего улыбаешься? — подозрительно спросил Федор, открывая ворота.

— Так, — сэр Роберт рассмеялся, — сестру твою люблю очень.

— Сие, дорогой мой, видно, — Федор похлопал его по плечу. — Смотри, какая ночь теплая, но в конце мая могут еще и заморозки ударить.

— И правда, — согласился сэр Роберт, — словно в Стамбуле. Ты, наверно, оттуда и не помнишь ничего?

— Какое там, — отозвался Федор, — когда матушка от-

туда бежала, мне и трех лет не исполнилось. Я только с Венеции начал помнить что-то. Когда я туда приехал, то ходил и узнавал все вокруг. Даже удивительно, я совсем ребенком там жил. Хорошо, что Тео нашлась, я больше двадцати лет ее не видел. Матушке лучше, когда Тео при ней, — Федор усмехнулся, — спокойней.

Они двинулись к пустой Красной площади. Незаметно прижавшись к стене монастыря Воздвижения Креста Господня, Болотников пробормотал себе под нос:

— Вот оно, значит, как. Рахман-эфенди здесь и пан Теодор тоже, — Болотников едва слышно свистнул, — посмотрим, как оно дальше пойдет.

— Вот что, — велел он выступившему из-за угла парню, — посади здесь юродивого, не мне тебя учить. Пусть за усадьбой присматривают. Если что, сразу на Язуу бегите. Ты знаешь, где мы обретаемся.

Болотников пошел по Чертольской улице вниз, к Москвереке.

Федор проводил глазами скрывшегося за низенькими дверями кремлевского крыльца зятя.

— Ох, Марья, упряма, ровно матушка. Уехала бы в Ярославль с дочкой, Роберту легче было бы, да и мне тоже. Хотя Ксению она защитит, здесь бояться нечего.

Прислонившись к резному столбику крыльца, он заставил

себя не думать о Ксении.

— Да, — вспомнил Федор, — Басманов тогда к самозванцу перебежал, я из-под Кром приехал. У царя мы долго просидели, я с ног валился. Шел на улицу, и опять ее увидел у женской половины.

— Федор Петрович, — позвала девушка, — что приговорили вы? Меня батюшка с братом воспитывал, я о делах государственных тоже знаю. Скажите, пожалуйста.

Он подошел ближе. От Ксении пахло ладаном.

— Правильно, — подумал Федор, — она на богомолье была, а потом Годунов преставился.

— Приговорили, что не пошлем к нему никого из Думы Боярской, и что присягающие ему, те законного царя враги, — жестко ответил Федор.

Ксения вскинула голову.

— Сие правильно, спасибо вам, Федор Петрович. Вы, наверное, есть хотите, вы столько в седле пробыли?

— Мы у государя потрапезовали, — он рассмеялся, — я спать хочу, с ног валюсь.

Ксения повернула бронзовую ручку двери.

— В светелке вам никто не помешает, а одежду вашу я ве-лю постирать и починить. Спите, пожалуйста.

— Да, — смешливо подумал Федор, — я тогда сутки проспал, а когда проснулся, все на сундуке сложили, чистое и сухое. И обед рядом стоял на подносе.

Он взглянул на закрытые ставнями окна женской полови-

ны. Где-то в палатах горела единая свеча.

— Забудь, — жестко сказал он себе, — кроме Лизаветы, никого тебе не надо. Забудь, Федор.

Он постоял, глядя на парящие над стенами Кремля купола Троицкой церкви, на луну, плывущую в усеянном звездами небе. За его спиной раздался неслышный шепот:

— Федор Петрович?

В ее глазах отражалось сияние Млечного Пути.

— Словно вода, — подумал Федор, — странно, они темные, а прозрачные. Я видел ее в Милане. Синьор да Винчи написал портрет любовницы герцога Сфорца с горностаем. Одно лицо с Ксенией.

Ксения была высокой, но все равно, еле доставала головой до его плеча. Он поклонился.

— Ночь на дворе, Ксения Борисовна, идите почивать с Богом.

— Как тихо, Федор Петрович, — вздохнула она, глядя на кремлевский двор, — что дальше с нами будет?

— Вам бы уехать с матушкой, — он вдохнул тонкий запах ладана. — Правильно вам Семен Никитич советовал, оставайтесь в Лавре, а лучше на Волге. Я жену с детьми в наши ярославские вотчины отправил.

В углу тонкого рта девушки появилась морщинка. Федор вспомнил, что царевне уже двадцать три года. Ксения сжепила длинные, униженные перстнями пальцы.

— Я от брата никуда не двинусь. Ежели что с государем

случится, дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни, то мне на престоле сидеть, тако же и супругу моему. Из Москвы мне бежать не пристало, Федор Петрович. Спокойной ночи.

Девушка поклонилась, лязгнул тяжелый засов на двери. Федор вышел через Фроловские ворота на Красную площадь. Оказавшись на Воздвиженке, он присел на своими руками срубленную ступеньку усадебного крыльца.

— Со мной бы Ксения уехала, куда угодно уехала бы. Но и Лизу я бросать не могу. Господи, — Федор горько усмехнулся, — почему так?

Потянувшись, он понял, как смертельно, до самых костей устал за эти дни.

— Пойду, посплю, — Федор поднялся, — завтра с царем обедню стоять, а потом должны люди вернуться, которых Семен Никитич в тайности в Тулу посылал, в его стан. Хоша узнаем, что у него происходит.

Он вслушался в молчаливую, затаившуюся Москву:

— Хотя по серпуховской дороге уже бежит кое-кто, торопится присягу на верность принимать.

Добавив крепкое словцо, Федор закрыл за собой двери терема.

— Марья Петровна, — Ксения просунула голову в палаты, — не спите вы?

Боярыня устроилась в большом парчовом кресле у тлею-

щей углями печи. Завидев царевну, поднявшись, она поклонилась. Марья Петровна носила лазоревый, расшитом серебром летник и бархатную душегрею. Белокурые косы спускались на стройную спину.

— Нет, Ксения Борисовна, — тонкие губы улыбнулись, — Аннушка почивает, тако же и муж мой, а я все улечься не могу. Больно тихо на дворе, непривычно.

Усевшись в кресло напротив, скинув сафьяновые туфли, Ксения подобрала под себя ноги.

— Я тоже подышать на двор выходила.

Девушка подперла кулаком подбородок.

— Когда жених мой умер, дак я думала, что вы обратно в Данию уедете, Марья Петровна. Что вам Москва, сие же не ваша земля.

Мэри взяла теплую руку Ксении.

— Ах, ваше высочество, да разве в том дело, где кто родился? Люди здесь хорошие. Вот вы, например...

Ксения, покраснев, что-то пробормотала.

— Хорошие, хорошие, — продолжила Мэри, — и семье моей здесь нравится. Не бойтесь, мы с вами останемся. Самозванца разобьют, а вы выйдете замуж. В Европе еще принцев достанет, — женщина рассмеялась.

— А вы замуж по любви выходили? — Ксения спохватилась. — Простите, Марья Петровна, не след о таком спрашивать.

— Отчего не след? — Мэри нежно улыбнулась. — По очень

большой любви, Ксения Борисовна. Мужа я своего всегда любить буду, сколь живы мы.

Девушка помолчала.

—Помните, вы мне переводили повесть из итальянской жизни о влюбленных, чьи родители враждовали?

Боярыня внимательно посмотрела на горящие щеки Ксении.

—Бывает так, — девушка смутилась, — что любишь человека и знаешь, что сие нельзя, грех такая любовь, а все равно любишь?

—Сердцу-то не прикажешь, Ксения Борисовна, — мягко ответила боярыня. Встряхнув косами, девушка решительно сказала:

—Нельзя сие, — Ксения вздохнула, — значит, так тому и быть.

Она отвернулась и стройные, покрытые душегреей плечи вздрогнули.

— Не надо, ваше высочество, — Мэри обняла царевну, — скажите, кто сие? Вам легче станет, может, ничего греховного и нет в сей любви?

— Женат он, — найдя руку боярыни, Ксения прижалась к ней мокрой щекой.

—Ах, Марья Петровна, а я бы за ним куда угодно пошла, оставила бы и царский венец, и почести, и трон московский, только бы вместе нам быть. Да нельзя, не судьба, знать.

Девушка тихо заплакала и Мэри только погладила ее по

голове.

Болотников вытянулся на соломе под сырым сводом подвала.

— Сыро, но безопасно, — хмыкнул он, — на усадьбу князя Масальского соваться не след. Нам здесь осталось пробыть не больше недели. Завтра на Красной площади прочтут грамоту от истинного государя, а потом кликнем народ Годуновых резать. Удавим суку с ее отродьем и останется только открыть ворота царю. Жаль, что Ксению велели не трогать. Я бы потешился, хоша она и вражеское семя, но, говорят, что девка красивая.

Болотников приподнялся на локте.

— Но с Рахманом-эфенди надо покончить, что бы он здесь ни делал, а человек он опасный. Я бы еще с паном Теодором по-свойски поболтал, узнал бы, где жена его, но сие придется отложить. Ничего, я подожду, — он закинул руки за голову.

— Тихо-то как, даже собаки не лают.

Незаметно выбравшись из подвала, он остановился на берегу серебрящейся лунным светом Яузы. Рядом белой громадой возвышались стены Андроникова монастыря. За Москвой-рекой простиралась бескрайняя черная равнина. Взглянув на редкие огоньки, Болотников прошептал:

— Недолго осталось.

— Милый, а что там читают? — выглянувший из-за лотка

торговец поймал за рукав мальчишку, бегущего по Красной площади к Троицкой церкви.

— Грамоту царя-батюшки законного Димитрия Иоанновича! — выпалил парень. Прибрав товар, торговец тоже поспешил к толпе, окружающей Лобное место.

Федор Воронцов-Вельяминов, в простой рубашке и невидном кафтане, приставил ладонь к глазам. Рукоять его сабли, изукрашенная алмазами, сверкала под жарким солнцем. В высоком небе вокруг золотых куполов каркали вороны. С Воздвиженки и Китай-города на площадь стекались люди.

— Кто сие, — прищурился Федор, — ах, Пушкин и Плещеев, шваль худородная и казаков вокруг них две сотни.

Он, было, засучил рукав, но опомнился.

— Сих мы перехватить не успели, — Федор сдержал ругательство, — ишь, как Гаврила Григорьевич надрывается. Видать не понравилось ему воеводой в Пелыме сидеть, под самозванцем кормление лучше выходит. Слушать там нечего, надо делом заняться.

Надвинув шапку на глаза, он широким шагом пошел к Боровицкой башне. На Конюшенном дворе, царила суматоха. Царские сундуки грузили второпях. Семен Никитич Годунов, с плетью за поясом, сорванным голосом кричал:

— Выносите все, ничего им не оставляйте.

— В Лавру вы не уедете, — Федор тряхнул его за плечо, — улицы народом запружены. Возки останоят, вас вытащат и

на части разорвут. Бросьте барахло, — он пнул валяющийся в луже отрез бархата, — выводите царя и семью и везите их в усадьбу Годуновых. Запритесь внутри. Шваль первым делом к винным погребам бросится. Спьяну вас искать не станут.

Годунов кивнул.

— А вы куда, Федор Петрович?

— У меня одно дело осталось, — Федор помолчал, — а там посмотрим. Не с руки мне сейчас по Москве гулять, больно заметен я. Как успокоится все, отправьте их в Лавру. Может, ночью и удастся выехать из Москвы.

Зятя он нашел в оружейной. Сэр Роберт проверял пища-ли.

— Возьми себе одну, — обернулся мужчина.

Федор взвесил на руке красивый пистолет немецкой ра-боты.

— Как царь?

— Бельский на него наседает, чтобы гонцов от Боярской думы в Тулу отправить, — сэр Роберт выругался, — как буд-то сие что-то изменит.

Низенькая дверь отворилась и Марья прислонилась к ко-сяку.

— Ворота Фроловской башни трещат, надо выезжать.

Федор, наклонившись, поцеловал сестру в лоб.

— Если все же удастся уехать, то сидите в Лавре, а лучше в Ярославль их отвезите.

Мэри перекрестила его.

—Ты Шуйского искать будешь?

Федор усмехнулся.

—Хоша его невеста во время оно ко мне сбежала, но князь Василий Иванович человек умный и зла на меня не держит, да и воевал он достойно.

Федор высунулся в окно оружейной.

—И правда, они сейчас во дворце окажутся. На Троицкой церкви все колокола звонят.

Энни, в невидном сарафане, ждала родителей в золоченом коридоре. Федор погладил племянницу по белокурым косам.

—Ничего не бойся, милая.

Девочка, серьезно кивнув, ушла во двор, держась за руку матери. Федор подтолкнул сэра Роберта.

—На Воздвиженку не ходи, от нее сегодня, наверное, и не останется ничего. Помнишь кабак у ручья на Чертольской улице? Целовальник будет знать, где я.

Зять тоже перекрестил Федора.

—Храни тебя Господь.

Воронцов-Вельяминов прислушался.

—Стрельцы оружие бросили, ворота им открыли. Быстро, чтобы духу вашего здесь не было!

Роберт сбежал по узкой каменной лестнице, а Федор, оглядев стены, выбрал себе еще и кинжал. Возки исчезли со двора, только сундуки громоздились у стен дворца. Из-за кремлевской стены доносилось лошадиное ржание. На Красной площади все били в набат. Немного подождав, выскольз-

нув из ворот, Федор пошел к Москве-реке.

Болотников потянулся за флягой с водкой.

— Хорошо Москва погуляла, трупы до сих пор на Красной площади валяются.

Вытерев жирные губы, князь Масальский—Рубец отрезал себе еще кусок поросенка.

— Еще не конец, — он хмуро жевал мясо, — как бы они в Лавру не сбежали. С Богданом Яковлевичем Бельским я встретился, — он выплюнул на стол хрящ, — посольство Воротынского государь к руке не допустил, поздно приехали.

Кривые зубы Рубца оскалились в усмешке.

— Сейчас в Туле Мстиславский со вторым посольством государю присягнет. Надо кончать с сучкой. Димитрий Иоаннович на Москву хочет двинуться, — Болотников рыгнул.

— Истинная правда. Борькино тело из Архангельского собора вынесли, на булыжнике валяется. Всяк прохожий плюнуть не преминет.

— Государь велел потом его с отродьем на кладбище при Варсонофьевском монастыре зарыть, — Рубец тоже выпил водки, — где самоубийц хоронят и трупы, что на улице нашли.

— Им там самое место, — отозвался Болотников, — народу мы скажем, что семья его ядом себя опоила, как раз и

похоронят без отпевания.

— Где Воронцов-Вельяминов, — спросил Рубец, — государь хочет видеть его голову на помосте у Троицкой церкви.

— Пропал, как сквозь землю провалился, — Болотников выматерился, — в усадьбе городской его нет, там хоть шаром покати. Он все, сука, вывез. Никто его не видел с того времени, как Пушкин с Плещеевым грамоту читали.

Рубец потрещал толстыми пальцами.

— Сию Ксению государь велел не трогать.

Болотников усмехнулся.

— Не трону, князь. Разве ж я пойду супротив желаний государя?

— Хорошо, — кивнул Рубец, — потом сюда ее привезем. Пушай государя ждет, а он решит, что с ней делать. О бабах, кои при ней, Димитрий Иоаннович ничего не говорил, то забота наша.

Болотников погладил черную бороду.

— Не нравится мне, Василий Иванович, что Воронцов-Вельяминов сбежал, ох как не нравится. Я еще в Самборе понял, что непростой он человек.

— Ничего, — Рубец поднялся, — на колу они все орут одинаково, Иван Исаевич, что простые, что непростые.

Князь ушел. Оглядев грязный, в объедках стол, Болотников попробовал на ногте кинжал.

— Сие дело не мое, коли пока пани Марина сюда приедет, он голову свою сложит. Только перед этим он мне расскажет

кое-что.

Царь Федор Борисович принял от Богдана Бельского запечатанную грамоту. Быстро просмотрев ее, юноша вздернул черноволосую голову.

—В монахи я постригаться не собираюсь, так пусть ему и передадут.

Ожидая у двери крестовой палаты в усадьбе Годуновых, сэр Роберт вспомнил изящный почерк тещи.

—Нет сомнений, что Бельский и Годунов убили царя Ивана. Борис Федорович меня в Углич не только за тем отправил, чтобы потом, если нужда придет, в смерти царевича обвинить, но и потому, что боялся. Выпусти он меня с Москвы, я рассказала бы, что на самом деле случилось с Иваном.

Бросив письмо в камин их гостиной в Копенгагене, подождав, пока бумага не рассыплется в черные хлопья, Роберт поворошил их кочергой.

Царь Федор Борисович стоял в парчовом, богатом кафтане, на его щеках горели красные пятна.

— Совсем мальчик, — понял Роберт.

Вернувшись с похорон отца, Федор сказал ему:

—Я не думал, Роман Михайлович, что так быстро придется царский венец надевать. Справлюсь ли, один Господь ведает.

Роберт искоса посмотрел на обрюзгшее, тяжелое лицо Бельского. Разозлившись, он напомнил себе:

—То отец, а то сын. Федор не виноват, что Борис Годунов взошел на трон по трупам.

Когда Богдан Яковлевич ушел, Роберт тихо сказал:

—Ваше величество, давайте сегодня ночью я вывезу вас из Москвы. Коли вы, законный царь, окажетесь в Ярославле, там легче будет народное ополчение собрать, чтобы самозванца отсюда выбить. Я вам рассказывал, что так делали многие монархи и ничего стыдного в сем нет.

Федор перекрестился.

—Пойду к матушке и Ксении, велю им складываться. Роман Михайлович, найдите моего дядю. Пусть готовят самый невидный возок.

Сэр Роберт облегченно выдохнул.

—Вроде тихо на улицах, народ еще не проспался. До Лавры бы доехать, все легче будет.

Он прошел к себе в комнаты. Энни сидела у окна, грустно глядя на улицу.

—Батюшка, — обрадовалась девочка, — мама с ее высокочеством и матерью царя, читает им. Когда нам на улицу можно будет выйти, а то здесь скучно? — девочка потерлась головой о руку отца.

— Мы сегодня ночью уедем, милая, — улыбнулся сэр Роберт, — а ты, пока матушка занята, сложи вещи. Много не бери, только самое простое.

Энни серьезно сказала:

—Его величество подарил мне кинжал, когда мы еще в

Кремле были. Смотри.

Порывшись в сундучке, девочка показала отцу маленький дамасский клинок.

— Его тоже уложи, — велел сэр Роберт. Присев, он взглянул в серые глаза дочери.

— Мне сейчас надо уйти, милая, но я скоро вернусь.

— Обещаешь? — Энни обняла его.

— Обещаю, — ответил сэр Роберт.

Выйдя из усадьбы Годуновых, он хмыкнул:

— Может, стоило Энни отправить? Нет, она плохо знает Москву, заблудилась бы еще. Я быстро, вниз по ручью и обратно.

Колокольный звон плыл в зеленоватом сумраке, окутавшем город. Роберт пробирался по подгнившим мосткам вдоль ручья.

— Хорошо на Москве. Дай Бог, все вскоре успокоится. Хотя, — он вздохнул, — сколько у нас Йорки с Ланкастерами враждовали? Долго. Предку моему кто-то из них голову отрубил, сейчас и неведомо кто.

Деревянную галерею кабака перебросили с одного берега ручья на другой. Роберт любовался крепко срубленными башенками.

— Ох, Теодор, — пробормотал он, — вот что ты прошлой осенью строил. Еще шутил, что отвык топор в руках держать.

Низенький седой целовальник дремал за стойкой. Роберт шагнул на порог и целовальник приоткрыл один глаз.

— До Немецкой слободы путь неблизкий, — заметил целовальник, — и опасно нынче на улице.

— Ничего, — ответил Роберт, — с пищалью и саблей не страшно, мил человек.

— Никифор Григорьевич меня зовут, — буркнул целовальник. Не спрашивая, он налил Роберту стакан водки.

— Он вас описывал, боярин. Пейте, я его позову.

Федор приоткрыл пестрядинную занавеску.

— Пойдем.

Маленькое окошко выходило прямо на ручей. Воронцов-Вельяминов улыбнулся.

— Если здесь кто-то появится, дак легко выпрыгнуть будет. Я мальчишкой всю Москву обегал, уйду от них. Что у вас?

Выслушав зятя, Федор удобно устроился на лавке.

— Хорошо, — кивнул он, — Марью Григорьевну и Ксению в Ярославль не тащи, в Лавре оставь. Я Шуйского дождусь, заберу их оттуда и на Волгу привезу. Начинайте народ поднимать, чтобы к следующему лету мы сих мерзавцев выбили отсюда.

Взглянув на зятя, Роберт заметил, что тот немного покраснел.

— А Шуйский где? — спросил он.

— Под Тулой с отрядом своим бродит, — Федор выпил, — братья его самозванцу присягнули. Я к нему надежного человека отправил. Скоро князь здесь окажется и попробуем

город растревожить. Авось и получится.

Федор протянул зятю сложенную грамоту.

—Сие Ксении Борисовне передай, в тайности. Я о Лавре ее предупреждаю, чтобы не сомневались они и не боялись. С Богом, езжайте.

Мужчины обнялись и Роберт ушел.

Высунувшись в окно, Федор полюбовался золотистым закатом. Гулко бил колокол собора Зачатия святой Анны. Опускаясь на широкую, затрепавшую под его тяжестью лавку, он смешливо подумал:

—Ксению бы сюда, под бок. Забрать бы сейчас ее с усадьбы, хоша бы одну ночь вместе побыли. Но что потом? Я головой рискую, незачем ее в сие тащить. Пусть в Лавре сидит, я успею ее своей сделать.

Привалившись к бревенчатой стене, он выругался сквозь зубы.

—И угораздило же тебя, Федор Петрович, на старости лет, а?

Заставив себя не вспоминать Ксению, он потянулся за чернильницей. Закончив, Федор перечитал грамотцу.

—Неплохо получилось, коротко и ясно. С Никифором Григорьевичем мы хоша с пять десятков перебелим. Пушай его мальчишки до рассвета по округе разбросают. Не одному пану царевичу, — Федор выматерился, — подметные письма составлять.

Плеснув в лицо водой, пригладив рыжие кудри, Федор

спустился вниз.

— Жив, значит, Федор Петрович, — тихо спросила Ксения, стоя на крыльце усадьбы Годуновых, — вы же к нему ходили, да?

— Жив, и здоров, — Роберт рассмеялся, — однако же, не след, ваше высочество, о сем говорить кому-то, да вы и не скажете. Он вам насчет Лавры пишет. Потом сожгите, пожалуйста.

Ксения Годунова приняла грамоту.

— Мы уж и собрались, Роман Михайлович. Дядя велел лошадей закладывать.

Взглянув на ночное небо, Роберт прислушался.

— Опять тихо вокруг, не нравится мне сие. Господи, только бы до Лавры доехать без неприятностей.

Он ушел, а Ксения, взбежав в светелку, при свете единой свечи развернула записку. Девушка прижала ладонь к сарафану. Сердце бешено колотилось, она едва дышала.

— Милая моя Ксения! — по щекам потекли слезы.

— Милая моя Ксения! — повторила девушка, пробормотав:

— Господи, за что мне счастье такое!

— Езжай с матушкой в Лавру и ничего не бойся. Закончив дела на Москве, я вас оттуда заберу и отправимся в Ярославль. Один Господь ведает, что случится потом, — его перо остановилось, — но помни, что мне без тебя не жить. Разобьем самозванца и решим, что дальше делать, а пока

жди меня, я за тобой вернусь. Вечно твой, Федор.

— Мне без тебя не жить, — Ксения перекрестилась. — Спасибо тебе, Господи.

Она хотела спрятать грамоту в шелковый мешочек рядом с нательным крестом, однако одернула себя.

— Нельзя! А если в чужие руки попадет? Не след никому знать, что он на Москве остался.

Поднеся бумагу к свече, растоптав серые хлопья по полу, девушка быстро сбежала вниз.

Свесив голову с крыши дома напротив усадьбы Годуновых, Рубец сказал Болотникову:

— Молодец, что юродивого в церковке напротив посадил. У них коней закладывают. Давайте к воротам, их откроют, мы и зайдем. И помни, что Годуновых только руками дуть, а с остальными делайте, что хотите.

— Сделаем, — Болотников спустился по веревке с крыши, — заодно я Рахмана-эфенди поспрашиваю, куда он ходил по вечерней прохладе.

Ворота распахнули изнутри и вооруженные люди обступили два невидных возка.

— Мама, — тихо спросила Энни, — кто сие?

Леди Мэри искоса взглянула на двор. В темных глазах Ксении плеснул испуг. Женщина спокойно сказала:

— Я рядом, ваше высочество.

Дочь потянулась за своим сундучком и Мэри велела:

— Достань кинжал, Аннушка, но спрячь его и никому не показывай.

На дворе трещали факелы. Кто-то из раненых холопов Годуновых катался в пыли, пронзительно визжа. Кровь расплывалась под копытами коней.

— Это князь Масальский, — Ксения взглянула в окошко, — он в прошлом году сдал самозванцу Путивль. Марья Петровна, что с нами будет?

Темные глаза Ксении набухли слезами и девушка вздохнула.

— А Федор? Даже если нам удастся сбежать, как его теперь искать? Роман Михайлович не сказал мне, где они виделись.

Леди Мэри достала изящный, по женской руке сделанный пистолет.

— Ваше высочество, один Господь ведает, что с нами случится, но я сумею вас защитить.

Рывком открыв дверь возка, Масальский грубо велел:

— Вылезайте!

Во втором возке царила тишина. Князь приказал:

— Окружите его и не давайте никому выйти.

— Пропустите законного царя московского, — фальцетом сказал Федор Борисович, — пропустите и я сохраню вам жизнь.

Рубец выругался:

—Всякое отродье Борькино еще указывать нам будет.

Марья Григорьевна только часто, глубоко дышала. Роберт бросил один взгляд на двор.

—Плохо дело. Их по меньшей мере два десятка с оружием, а они боятся пожилой женщины, подростка и девушки. Может, и прорвемся.

Он неслышно шепнул старшему Годунову:

—Стреляйте, Семен Никитич.

Сухо затрещали пищали и Энни отчаянно крикнула:

—Там папа! Матушка, там папа!

Девочка попыталась выбраться из возка, но дверь наглухо закрыли. Энни заколотила в нее кулачками.

—Выпустите нас!

— Марья Петровна, — тихо, как во сне, сказала Ксения, — смотрите.

Царицу с сыном выволокли из возка.

— Кончайте с ними! — зло велел Рубец, зажимая окровавленную руку.

— Матушка! — сорванным голосом крикнула Ксения.

Марья Григорьевна прижала к себе сына.

—Стреляйте, что вы тянете-то.

Кто-то из холопов Рубца хотел сбить ее с ног, но, покачнувшись, упал. Пуля вонзилась ему прямо в глаз.

— Уберите руки, — раздался холодный голос. Сэр Роберт, вытирая рукавом кафтана кровь с лица, вышел из возка, поддерживая раненого Семена Годунова.

— Взять их! — велел Масальский. Высокий чернобородый мужчина остановил его.

— Нет, князь, с ним я сам разберусь.

Роберт осторожно опустил стонущего Годунова на землю.

— Вот, значит, где встретились, Иван.

— Встретились, Рахман-эфенди, — кивнул Болотников. Он зашипел от боли, едва отклонившись от удара сабли. Одним незаметным движением сэр Роберт рассек ему плечо.

— Взять, — повторил Масальский. Роберт успел пожалеть:

— Надо было уехать на день раньше. Только бы девочки ничего не видели. Не надо им на такое смотреть.

Сунув за пояс пустой, бесполезный пистолет, он вынул саблю.

Трое холопов, оторвав Марию Григорьевну от Федора, швырнули женщину в грязную лужу. На шею накинута удавка и царица захрипела, пытаясь вывернуться. Одутловатое лицо посинело, глаза закатились. На губах пузырилась слюна. Федор Борисович выхватил свой клинок.

Ксения, не отрываясь, смотрела в окно возка. Мэри прижала к себе Энни.

— Не надо, доченька, не бойся, пожалуйста.

Масальский со всей силы пнул израненный труп царя. Выматерившись, Рубец плюнул в мертвое лицо.

— Ладно, оденем его и никто ничего не заметит. Поехали, мы и так здесь слишком долго проболтались. Трупы киньте

в бабский возок.

Болотников наклонился к избитому лицу сэра Роберта.

—Мы, Рахман-эфенди, еще с вами потолкуем на усадьбе у князя.

Рассеченные, окровавленные губы задвигались:

—Гори в аду, Иван.

Болотников от души хлестнул мужчину по щеке и тот потерял сознание. Дверь возка открылась. Мэри, наведя на нее пистолет, твердо сказала:

—Не смейте нас трогать.

— Не тронем, — ухмыльнулся Масальский. — Сюда их кидайте.

К ногам Ксении швырнули труп матери, со сломанной шей, в окровавленном сарафане. Засунув пальцы в рот, расклаваясь, девушка громко завывала.

—Не надо, ваше высочество, — Мэри прижала ее голову к своей груди, — не надо, прошу вас.

Изрубленное саблей тело царя бросили поверх трупа его матери.

—Мама, — спросила девочка тихо, — а где папа?

— Не знаю, милая, — неслышно ответила леди Мэри.

Проснувшись рано утром, девочка огляделась. Мать и ее высочество еще спали, измученно вздрагивая. В маленькой голой светлице стояли только две широкие лавки. Ночью

князь Масальский запер дверь на висячий замок и опустил засов.

—Здесь безопасно, — ухмыльнулся он, издевательски добавив:

—Царевна.

Небольшое окошко светелки выходило во двор. Приоткрыв ставни, Энни отшатнулась. Из рассветного тумана выплыло мертвое, покрытое засохшей кровью лицо отца. Один глаз превратился в чернеющий ожог, горло перерезали от уха до уха.

В покрытой мухами ране торчало деревянное острие кола. Опустившись на изуродованную голову, ворона погрузила клюв в глазницу. Вырвав оставшийся глаз, хлопая крыльями, птица хрипло закаркала.

Энни едва смогла прошептать:

—Мама!

Поднявшись с лавки, рванувшись к дочери, Мэри спрятала девочку в своих руках. Она молчала, слушая сдавленные рыдания Энни, сухими глазами глядя на тело Роберта. Стая воронья кружилась над уставленным колами двором усадьбы.

Князь Шуйский, в запыленном армяке, шагнул в крохотную светелку.

— Смотри-ка, — хмыкнул Федор, — ему шестой десяток идет, а седины нет почти. Хотя лицо у него – краше в гроб

кладут.

Василий Иванович, не здороваясь, присел на лавку. Князь налил себе водки.

— Пироги свежие, с рыбой, — Воронцов—Вельяминов подвинул ему мису, — ешьте. Что там? — он кивнул на улицу.

Закрыв глаза, князь тяжело прислонился к стене.

— Там, Федор Петрович, — он горько усмехнулся, — самозванец в селе Коломенском шатры раскинул. Он пиры устраивает, ему хлеб-соль несут, те кто в Тулу не успел приехать. Бориса Федоровича с семьей вчера ночью тайно зарыли на кладбище при Варсонофьевском монастыре.

Князь внезапно улыбнулся.

—Подметные письма ваши народ читает. На Красной площади из рук в руки их передают. Что с людьми у нас?

— Есть кое-кто, — отозвался Федор, — не обессудьте, Василий Иванович, не все бояре. Сами помните, чем я во время оно занимался, дак остались у меня знакомства кое-какие.

— Да все равно, — Шуйский отломил половину пирога, — а в вашей подмосковной все тихо. Коней мы там оставили, дальше пешком шли, — он указал на свое заросшее бородой до глаз лицо.

—Вряд ли меня узнал бы кто-нибудь, — он окинул взглядом Воронцова-Вельяминова, — однако вам на улицу не след выходить. Больно вы человек заметный.

— Говорят, что Масальский за вдовствующей государыней Марией Федоровной поехал.

Федор тоже выпил.

— Она совсем помешалась, — махнул рукой Шуйский, — ей вас покажи, дак она вас своим сыном признает. Что за колы у Троицкой церкви стоят с трупами?

Федор не мог забыть исклеванное птицами до костей лицо зятя. Он пришел на Красную площадь перед рассветом, когда Москва спала. Потом, отыскав захолустную церквушку, Федор долго стоял на коленях перед образом Спаса.

Воронцов-Вельяминов помолчал.

— То люди, что с царем Федором Борисовичем погибли, защищая его. Семен Никитич Годунов, говорят, в Разбойном приказе умер. Пытали его, раненого.

Шуйский покачал головой.

— Ксения Борисовна где?

— С той ночи пропала, — ответил Федор, чуть не добавив:

— Тако же и сестра моя, и племянница.

Князь потрещал грязными, с обломанными ногтями, пальцами.

— Лучше бы ей постричься было, когда жених ее, брат короля датского, умер.

Отодвинув бутылку водки, Федор жестко сказал:

— Вот что, Василий Иванович. О том, кто на престол царей московских сядет, мы подумаем, когда голова самозванца с плахи покатится. Покамест Ксения Борисовна, коли жива она, дай Бог ей здоровья, — Федор перекрестился, — за-

конная наследница трона. Сами помните, — Воронцов-Вельяминов усмехнулся, — как вы Борису Федоровичу помогли державой завладеть. Царевна Ксения дочь его, а не кто-нибудь.

Шуйский побагровел.

— Будь у вас больше ума, — вздохнул Федор, — ничего бы сего не случилось, да только Борису Федоровичу царствовать хотелось. Дак посмотрите, чем все закончилось — колами у церкви Троицкой и страной, которую сейчас всякое отрепье начнет разворовывать. Не тяните пока руки к Москве. Не надо, мой вам совет.

Князь хотел что-то ответить, но сдержался.

— Помыться можно здесь, — мрачно спросил Шуйский, — мы вторую неделю в канавах ночуем. Хорошо, что лето на дворе.

— Мойтесь, — Федор показал на занавеску, — у Никифора Григорьевича одежду возьмите, он краденое скупает. Если девка потребуется, скажите ему, он на ночь пришлет кого-нибудь.

Федор прислушался к звону соборных колоколов.

— Опосля заутрени народ начнет собираться. Приходите, поговорим с ними.

Когда Шуйский ушел, Федор, отворив дверь, тихонько свистнул.

— Что у Масальского на усадьбе, — спросил он чумазого парнишку, взобравшегося по лестнице, — никто не выхо-

дил?

— С тех пор, как сам уехал, все тихо, — прошепелявил мальчик, — там остался толстый, с бородой русой.

— Голицын, — пробормотал Федор.

— А с черной бородой, тоже высокий мужик, — поинтересовался он, — я тебе его описывал?

— Того не видел, — развел руками мальчик.

— Возвращайся туда и следи, — Федор отпустил парнишку с медной денежкой. Высунувшись в раскрытые ставни, он сплюнул в быстро бегущий к Москве-реке ручей.

— Куда же ты, сука, делся? — прошептал Федор.

— Неужели Масальский царицу с Ксенией на Шексну отвез? Вдовствующая государыня там вроде обреталась, в Горницком монастыре? Ладно, — он задумался, — сначала пан царевич, а потом все остальное.

Князь Голицын безглаголиво повертел грамотцу.

— Сие не царь Димитрий Иоаннович, а самозванец, который хочет православную веру истребить и церкви разрушить, — он взорвался:

— Что, сии грамоты с неба падают на Красную площадь и на Китай-город? Государь завтра в Москву въезжает под звон колокольный со свитой боярской, духовенство его во вратах Кремля с образами ждет, и здесь сие.

Голицын перебросил грамоту Болотникову.

—Где он? И Шуйский где? Как он пропал из-под Тулы, дак и не видели его!

—Воронцова-Вельяминова тоже никто не видел, — мрачно сказал Болотников, потирая обросшее бородой, усталое лицо. Посмотрев в серые глаза Голицына, он вспомнил ночь в подполе на усадьбе у князя Масальского.

—Я тогда сказал, что один глаз выжег ему и второй выжгу. Где пан Теодор? Я видел вас вместе ночью, когда ты с усадьбы его выходил. Где он? Только он ничего не сказал. Когда я горло ему перерезал, он прохрипел: «Мэри...». Сие жена его и девка еще у них была, дочь. Велели к приезду государя их в Кремль доставить вместе с Ксенией.

Встряхнув головой, Болотников твердо продолжил:

—Найдем мы его, князь Василий. Человек он видный, не пропустить. И Шуйского тако же. Рядом на плахе улягутся.

— Ну-ну, — процедил Голицын, поднимаясь. Болотников продолжал сидеть.

—Встань! — велел князь.

— Еще чего! — отозвался Болотников и его карие глаза заиграли злыми искрами.

—Я не как некоторые, — усмехнулся мужчина, — я государю еще в Польше поверил и помог ему поболее, чем те, которые потом в Тулу прибежали на верность присягать.

Голицын грубо сказал:

Баб сих сегодня ночью куда надо отправь, и тихо, чтобы не видел никто».

— Да уж понял, — лениво ответил Болотников, ковыряясь во рту.

Присев на лавку, Мэри пристроила голову дочери у себя на коленях. Детские пальчики Энни сжимали кинжал. Девочка подняла запухшие слезами красные глаза.

— Мама, а папу похоронили? Я хочу сходить к нему на могилу. Где она?

— Не сейчас, доченька, — поцеловав льняные локоны, Мэри показала на запертую дверь. — Нам отсюда не выйти и у меня забрали пистолет.

— Почему ты его отдала, — требовательно спросила Энни, — ты ведь смелая, взяла бы и убила их.

Лазоревые глаза матери помрачнели.

— Не след сейчас рисковать, доченька, — Мэри указала на измучено спящую Ксению. — У меня на руках ты и ее высочество, мне нельзя умирать, милая. Папы больше нет и я теперь отвечаю за все.

Мэри поняла:

— И священника нашего не увидеть больше. Я Рубца попросила, а он мне только в лицо рассмеялся и дверь захлопнул. И где Федор, один Господь ведает. Хорошо, что Лиза на Волге. Мы сбежим и проберемся туда. Пойдем нищенками, на нас никто не посмотрит.

Дочь задремала. Укачивая ее, Мэри слышала тихий го-

лос:

—Марья Петровна?

—Поспите еще, Ксения Борисовна, — устало попросила женщина, — все равно здесь делать нечего.

В пустой горнице валялись только кучи соломы и стояло деревянное ведро. Ксения подперла рукой темноволосую голову:

—Мне так жаль, что вы мужа потеряли, Марья Петровна. Простите, пожалуйста.

Осторожно опустив голову дочери на грязную подушку, Мэри присела рядом с царевной.

—Спасибо вам. Сердце у меня по нему болит и сколь я жива останусь, дак рана сия не закроется.

Ксения вздохнула.

—Я знаю, что они у Романа Михайловича выведать хотели. Он тем вечером ходил к Федору Петровичу Воронцову-Вельяминову. Вы его видели, наверное. Они должно быть, и спрашивали о нем. Они Федора Петровича боятся. Батюшка рассказывал, что когда самозванца под Добрыничами разбили, Федор Петрович целые деревни сжигал.

На щеках девушки заиграл румянец и Мэри взяла ее руку.

— О нем вы говорили тогда в Кремле?

Ксения подалась вперед.

—Федор Петрович мне грамотцу прислал и написал, что ему жизни без меня нет, — девушка закусил губу. — Я знаю, что он женат. Мне бы хоша как, но быть с ним.

Марья вздрогнула от скрипа дверного засова. Встав на пороге, Болотников велел:

— Выходите, в иное место повезем вас, удобнее оно.

Ксения робко спросила:

— Куда?

— Увидите, царевна, — Болотников широко распахнул дверь.

Опираясь на косяк, он издевательски рассмеялся.

Федор потянулся за буханкой хлеба. Отрезав кинжалом толстый ломоть, он угрюмо сказал:

— Вы сами слышали, Василий Иванович. Голицын приказал удавить в подвале Тайного приказа каких-то монахов из Чудова монастыря.

— Чтобы не раскрыли самозванца, — Шуйский вытер ладони ручником. Зорко взглянув на Федора, он добавил:

— На Волгу нам надо, боярин. Я сегодня на Красную площадь заглянул. Когда Богдан Бельский на Лобное место взобрался, его аж слеза пробила. Он сказал, что православные должны благодарить Бога за спасение нашего солнышка, государя царя, Димитрия Ивановича. Крест с иконой поцеловал, понятное дело.

Федор молча налил себе кваса.

— Мы все равно должны раскачать город, — ответил Воронцов-Вельяминов, — вы говорили, что Бельскому из толпы свистели. Помяните мое слово, Василий Иванович, я са-

мозванца видел, как вас сейчас. И года не пройдет, как свалим его. Еще и государыня, — Федор витиевато выругался, — к нему приедет, а она точно москвичам не по душе придется. Письма разбрасывать надо, а к зиме мы двинемся в Ярославль.

— Как Лизавета Петровна? — смешливо спросил Шуйский.

— В вотчинах сидит с детьми, слава Богу, — Федор тоже улыбнулся. — Вы говорили, Василий Иванович, что зла на меня не держите за то дело давнее.

— Не держу, — Шуйский широко зевнул. — Федор Петрович, вы о ту пору юношей были, а мне сорок сравнялось. Ясно, кто боле по душе девице пришелся бы.

Какая-то девчонка просунула белокурую растрепанную голову в горницу.

— Никифор Григорьевич меня прислал. Вы вместе будете, али по очереди?

Шуйский поднял бровь.

— Может, Федор Петрович, холостяком оно и лучше. Тебя как зовут-то, милая?

Он обнял девчонку и та покраснев, пробормотала:

— Дуня.

— Пойдем, Дунюшка, — велел Шуйский, — ты только не шуми, человеку выспаться надо.

Подмигнув Федору, он задернул за собой занавеску. Закинув руки за голову, Федор задремал, глядя в бревенчатый

низкий потолок.

Ему снилась Ксения в той самой светелке, где он когда-то спал, вернувшись из Кром. Присев на лавку, девушка ласково погладила его по лбу. Федор, не открывая глаз, поцеловал прохладные пальцы. От нее пахло молоком и немного ладаном.

— Правильно, — вспомнил он, — мальчика крестили Иваном. Иван Федорович.

Он притянул к себе Ксению.

— Как Ванечка?

— Ест и спит, — девушка потерлась щекой о его щеку, — пойдем, посмотришь, только что уложила его.

В богатых палатах царила тишина и Федор мимолетно удивился:

— Где все? Где Петя, Степа, Марья? Они были здесь, когда я засыпал.

Ксения, улыбаясь, отодвинула выброшенное на колыбель меховое одеяло. Внутри никого не было. Темные глаза недоуменно посмотрели на Федора и Ксения прошептала:

— Ванечка.

Бросив один взгляд на кремлевский двор, Федор похолодел. Посиневший младенец вытянулся в петле. Деревянная виселица скрипела под сильным ветром, труп мотался из стороны в сторону. Федор обернулся, но Ксения пропала,

оставив после себя только запах ладана. В пустой колыбели сияла золотом, переливалась алмазами шапка Мономаха.

Открыв глаза, он поцеловал нательный крест.

— Господи, убереги детей моих от всякого зла.

В открытых ставнях серебрился новый месяц и Федор всем телом почувствовал тоску.

— Ах, Лиза, Лиза, — он перевернулся на бок, — что же нам дальше делать? Без Ксении мне жизни нет и без тебя тоже. Совсем как тогда в Польше. Ладно, — он выпил кваса, — хоша бы узнать, где Марья с Аннушкой, где Ксения. Все легче станет.

Он крепко заснул, будто погрузившись в темную воду.

Остановившись у дверей палаты, Мэри низко поклонилась.

— Государь.

— Он похож на царевича, — женщина исподволь разглядывала Дмитрия, — а бородавки могли и позже появиться. Только глаза у него не такие. У Митьки были ореховые, как у дяди Матвея. Впрочем, когда Марья Федоровна его признает, сомнений ни у кого не останется.

Дмитрий носил русское платье. Богатый кафтан переливался камнями, на вороте синей рубашки блестела алмазная

застежка. Погладив кудрявую темную бородку, он ласково сказал:

— Марья Петровна, благодарю вас за вашу преданность царевне после безвременной смерти ее семьи, — государь перекрестился. — Вечная им память. Я сожалею, что они приняли яд. Ваш муж тоже покончил с собой?.

— Да, — прошелестела Мэри, — он отравился.

— Примите мои соболезнования, — еще более ласково сказал Дмитрий. — Я понимаю, что вы хотите уехать из Москвы и не стану чинить вам препятствий.

Он подошел к распахнутому в летний полдень окну.

— Я намерен открыть границы государства. Мы живем в новое время. Местные купцы смогут сами торговать с Европой и я буду поощрять развитие ремесел, — Дмитрий поднял палец. — Надо строить свой военный флот, боярыня, надо выписать из Европы мастеров, — он широко улыбнулся, — работы предстоит много. А что царевна Ксения? — спросил он.

— Ксения Борисовна просит разрешения удалиться в монашескую обитель, дабы возносить молитвы за ваше здравие и за упокой своей семьи, — тихо ответила Мэри.

— Главное, — напомнила себе женщина, — спокойно доехать до монастыря, а там я все устрою. Возьму Ксению, Аннушку и доберемся до Новых Холмогор, где есть человек от нас. Он поможет. Я бы и Лизу с детьми забрала, однако она никуда не поедет отсюда без Феди. Ах, Федор, Федор, что ты

за человек такой? Хотя он взрослый мужик, пусть сам решает, что ему делать дальше. Ксению я увезу, нечего ей здесь сидеть.

— В обитель, — царь сложил кончики длинных пальцев.

— В обитель Ксения отправится, — сказал себе Дмитрий, — но только не сейчас. Зачем рисковать? Еще украдут ее, замуж выдадут, станут под ее знаменами войско собирать. Однако так ее уже никто под венец не поведет и слава Богу.

— Сходите, пожалуйста, за Ксенией Борисовной, боярыня, — попросил он.

Женщина, поклонившись, закрыла дверь. Дмитрий щелчком пальцев позвал ждавшего на лестнице князя Голицына.

— Никого сюда не пускать, всем говорить, что я занят. Шуйского и Воронцова-Вельяминова нашли?

— Ищут, — подобострастно развел руками Голицын.

— Я не хочу, — холодно сказал Дмитрий, — чтобы мое венчание на царство омрачалось неприятными инцидентами. Понятно? — он вздернул бровь.

Голицын покраснел.

— Простите, государь.

— То-то же, — Дмитрий потрепал его по щеке. Легко избежав в палаты, он закрыл на засовы все двери.

В окно вливался поток теплого, пахнущего лугами ветра. На кремлевском дворе звонко распевал жаворонок. Ксения тоскливо пожелала:

— Сейчас бы устроиться с Федей на косогоре у реки. В

Коломенском все цветет, пчелы летают, вода прохладная. Можно туфли пошлепать по ней, а потом положить ему голову на плечо и пусть он меня обнимает, — девушка почувствовала, что краснеет.

— Я уважаю ваше желание принять святые обеты, — мягко сказал государь. Ксения, не поднимая глаз, ответила:

—Спасибо.

Дмитрий внезапно взял ее за руку и девушка вздрогнула.

— Однако я не могу разрешить вам покинуть мир, Ксения Борисовна. Такая красота не должна пропасть за монастырскими стенами.

— Государь, — она попыталась отнять руку, но Дмитрий хлестнул ее по щеке.

—Правильно, я надена венец царей московских. Поэтому все, что здесь есть, мое, — он обвел рукой палаты, — а что не мое, то будет моим. Как вы.

— Нет, — забормотала Ксения, — я прошу вас, не надо.

Вырвавшись, бросившись на колени, девушка разрыдалась. Дмитрий с треском разорвал ее простой сарафан.

— Марья Петровна! — закричала Ксения. Дмитрий ударил женщину по запястью, однако она не выпустила кинжал, только поморщившись от боли. Мэри твердо проговорила:

—Не трогайте Ксению Борисовну, государь.

Дмитрий усмехнулся.

—У вас, Марья Петровна, дочка есть, Аннушка, она в палатах ваших пребывает. Я сейчас велю привести ее сюда.

Взглянув в его холодные темные глаза, Мэри опустила кинжал. Дмитрий сбросил с ее головы бархатную кичу. Белокурые косы, уложенные на затылке, распустились, упав на спину.

Царь все еще улыбался.

—Вы вдова, Марья Петровна, а царица девушка невинная. Покажите ей, что надо делать, пусть поучится.

Его руки потянулись к подолу сарафана Мэри. Дмитрий шепнул:

—Ваш кинжал я себе оставлю, Марья Петровна. Я вижу, что за вами глаз да глаз нужен.

Осторожно постучавшись в дверь светелки, Мэри оглянулась на дочь. Аннушка спокойно спала, подложив под щеку Евангелие. Женщина поморщилась от горячего воска, капавшего ей на пальцы. В Кремле царила тишина. Птицы, в полдень вившиеся вокруг куполов, улетели. Из-за реки на город шла грозовая туча и над Замоскворечьем уже сверкали холодные молнии.

Мэри решительно нажала на массивную ручку. Оказавшись в полутемной каморке, присев на лавку, она погладила Ксению по голове. Сжавшись в комочек, обхватив руками колени, девушка раскачивалась из стороны в сторону.

— Больно, — простонала Ксения, — почему так больно? Мэри обняла ее.

—Скоро пройдет, Ксения Борисовна. Я поискала в вещах

вашей покойной матушки. Сундуки в кладовую побросали, однако травы я нашла и сделала отвар. Выпейте и поспите.

Темные заплаканные глаза взглянули на Мэри. Девушка прошептала:

—Мне бы в петлю сейчас, Марья Петровна, да сил не достанет.

Намочив тряпку в прохладной воде, Мэри приложила ее ко лбу девушки.

—Не надо, Ксения Борисовна, — мягко сказала она, — сие пройдет и забудется.

—Теперь и вправду только постричься, — неслышно сказала Ксения, — кто меня такую замуж возьмет?

Она засунула костяшки пальцев в рот, пряча рыдания.

—Господи, а я так хотела, чтобы это был он! Он и не посмотрит теперь на меня! Марья Петровна, — девушка зарделась, — а у вас тоже так было?

Мэри ласково ответила:

—Нет, Ксения Борисовна. У меня все по-другому было. И у вас еще так случится, обещаю.

Напоив девушку сонным отваром, Мэри уложила ее удобнее на лавке. Ксения попросила:

—Марья Петровна, полежите со мной, пожалуйста. Я глаза закрываю и сразу все опять вижу, — девушка вытерла лицо.

— Вы поспите, — Мэри устроилась рядом.

—Я вам колыбельную спою, хотите? Немецкую песню о

дереве, с которого падают сны.

Она неслышно пела, поглаживая темные косы. Ксения задремала, шмыгая носом. Гроза дошла до Кремля и за окном полил холодный дождь. Перекрестив спящую Ксению, Мэри пошла обратно к дочери.

Расхаживая рядом с разложенным по берегу ручья холстом, Федор Воронцов-Вельяминов намечал углем линии. Обернувшись к целовальнику, он смешливо сказал:

— Пусть твои девки, Никифор Григорьевич, не дрыхнут до обедни, а пошлют нам сие к венчанию на царство. Корзину плетут?

— А как же, — кивнул целовальник, — все сюда принесут вместе с веревками.

Взглянув на рисунок, Василий Иванович Шуйский покачал головой.

— Да невозможно сие.

Воронцов-Вельяминов поднял бровь.

— А я говорю, что возможно. Давайте, Василий Иванович, они сюда, — Федор указал на холст, — палить зачнут, как увидят. Нам сие на руку. Писем в корзину надо положить поболее, пусть на толпу падают. Пойдемте, писать надо.

В светелке Шуйский сказал:

— У Масальского в усадьбе нет никого. Я там кое-кому золота дал, не сам, понятное дело. Царевну Ксению и тех, кто

при ней был, отправили ночью в закрытом возке неведомо куда.

— Она может пребывать в любой обители, — вздохнул Федор, — хоша здесь, хоша под Москвой.

— Я еще в Кремле проверю, — пообещал Шуйский.

Федор похолодел.

— С чего бы ради Ксении Борисовне в Кремле оказаться? — спросил он князя.

Черные глаза Шуйского блеснули льдом.

— С того, что ежели самозванец ее силой возьмет, то на престол ей уже никогда не сесть. За кого она замуж выйдет после такого? Апосля сего он ее в монастырь и отправит, — князь вздохнул.

— Ладно, я у себя буду с грамотами возиться, если что.

Он задернул занавеску, а Федор все сидел, разглядывая рисунок невиданного.

— Шапка Мономаха, — он вспомнил свой сон, — брось, не бывать сему. Да и не престол тебе нужен, Федор Петрович, а только Ксения. Я ее найду, — пообещал себе Федор, — а с тем подонком я еще посчитаюсь.

Потянув к себе стопку бумаги, он занялся перепиской посланий.

Ветер раздувал на кремлевском дворе факельные огни. Дмитрий потребовал:

—Давайте еще раз, Богдан Яковлевич.

— Патриарх Игнатий в Успенском соборе возложит на вас шапку Мономаха, и корону, что вашему батюшке, царю Ивану Васильевичу, прислал в подарок австрийский император Рудольф, — ответил Бельский, — тако же и скипетр с державой вам вручит. Потом в Архангельском соборе у могил вашего отца и старшего брата, государя Федора Иоанновича, патриарх возложит на вас шапку Казанскую. На площади у соборов будут только приглашенные бояре и духовенство, — Бельский указал за кремлевские стены, — народ останется там.

Дмитрий задумался.

—Отправьте надежных людей на Красную площадь, пусть внимательно следят, — распорядился он, — кто-то из них наверняка появится там. Ежели увидят, что подметные письма раздают, дак пусть сразу вяжут мерзавцев и в Разбойный приказ. Что мать моя? — он повернулся к Бельскому.

Тот вспомнил пустые, серые глаза женщины и свой шепот:

—Марья Федоровна, это сын ваш, царевич Дмитрий Иванович. Помните, вам говорили, что он спасся.

Протянув морщинистую руку, инокиня недовольно сказала:

—Он ребенком был, почему он такой большой?

Дмитрий дернул щекой и Бельский поспешно сказал:

—Дак много времени прошло, Марья Федоровна. Он вырос, конечно.

Женщина, откинув полог возка, вскрикнула:

—Сыночек!

Бельский удовлетворенно улыbnулся.

— Инокня Марфа пребывает в добром здравии в Кремлевском Вознесенском монастыре и шлет вам, государь, свое благословение, — отчеканил Бельский.

—Хорошо, хорошо, — пробормотал Дмитрий. — Дворец надо украсить, как положено и выстлать площадь бархатом.

— Разумеется, — вкрадчиво согласился Бельский. — Когда вы появитесь на пороге, бояре осыплют вас дождем из золотых монет, государь.

Дмитрий потрепал Бельского по плечу.

—Пусть на площади тоже раздадут серебро. Есть два способа царствовать, Богдан Яковлевич, — государь улыбался, — милосердием и щедростью или суровостью и казнями. Пока что я избрал первый.

Пожелав Бельскому спокойной ночи, государь вышел из палат и Богдан Яковлевич пробормотал себе под нос:

—Не будь проклятых поляков, заполонивших всю Москву, его даже можно было бы терпеть. Мог бы с Ксенией повенчаться, народу бы сие понравилось. Однако ж нет, еще и пани Марина сюда явится, не приведи Господь.

— Явится, явится, — подтвердил пан Ян Бучинский, личный секретарь царя, появившись на пороге.

—Сегодня доставили письмо от пана Ежи Мнишека. По весне он будет здесь с дочерью.

Бельский почувствовал, что краснеет.

— Ладно, пан Богдан, — отмахнулся Бучинский, — поляков на Москве и правда много.

Богдан Яковлевич усмехнулся.

— Пойдемте, князь Масальский и Болотников в трапезной ждут. Поговорим, как нам сих двоих поймать, потому что не один, дак другой на Красной площади непременно появится.

Спускаясь по узкой лестнице в малую трапезную, Бучинский сказал:

— Вы же понимаете, пан Богдан, что пани Ксения в Кремле надолго не останется. Государь сие мне сам сказал еще утром. Незачем, — Бучинский помолчал, — давать пищу слухам.

— Пусть постригается в Новодевичьем монастыре и дело с концом, — удивленно ответил Бельский.

— Слишком он близко, — пан Ян выпятил губу, — еще подумаем.

Высунув голову из светелки, Федор прислушался. В тихом сумраке предрассветной Москвы едва начали распеваться птицы.

— Южный ветер, как по заказу, — усмехнулся он. Обернувшись, Федор велел:

— Собираемся.

— Может, вам не стоит, — сумрачно проговорил Шуй-

ский, — зачем рисковать?

— Я на Красную площадь не пойду, — расхохотался Воронцов-Вельяминов, — не дурак же я.

Развернув искусно вычерченный план города, окунув перо в чернильницу, он поставил точку.

— Здесь все и сделаем, — улыбнулся Федор, — потом вы по мосту наплавному к Троицкой церкви переберетесь. Толпа из Замоскворечья повалит на Красную площадь, вы в ней затеряетесь, а я в лодку прыгну и сюда вернусь.

На берегу ручья стояла плетеная корзина со сложенным в ней холстом. Федор подмигнул Шуйскому.

— Понимаете, Василий Иванович, сего, насколько я знаю, не делал еще никто. Посмотреть-то хочется.

Шуйский вздохнул.

— Жаль, Федор Петрович, что вы вместо того, чтобы строить али такое придумывать, саблю в руки взяли.

— А что делать? — пожал плечами Федор. — Выгоним сию шваль, Земский Собор царя выберет, дак я меч деда своего на стену повешу, и за старое примусь. Буду месить раствор и таскать камни.

Натянув старый, в прорехах, кафтан, Федор поскреб в рыжей бороде.

— Обросли мы, Василий Иванович, аки святые отцы. Впрочем, оно и к лучшему, не узнают.

Шуйский присвистнул.

— Ваши пятнадцать вершков, Федор Петрович, всей

Москве известны. Да и весите вы, должно быть, больше шести пудов.

— Больше, — согласился Воронцов-Вельяминов, — сия корзина меня бы не выдержала.

Шуйский перекрестился.

— Не приведи Господь, Федор Петрович, туда человека сажать.

— Это пока, — коротко заметил Федор. Отдернув занавеску, он велел появившемуся на пороге мальчишке:

— Зови всех, пора выходить.

Звонили колокола кремлевских соборов, звонили колокола Троицкой церкви. Энни прижалась головой к рукаву материнской душегреи.

— Мама, а мы скоро домой поедем?

— Очень скоро, — Мэри разглядывала запруженный людьми двор.

Фроловские ворота наглухо закрыли, на Конюшенный двор ей было не пробраться. Двери боярского крыла охранялись днем и ночью. Лишившись своего единственного оружия, кинжала, Мэри решила подождать. Рано или поздно их должны были отвезти в монастырь. Женщина очнулась от мечтательного голоса дочери.

— А в Лондоне красиво, — спросила Энни, — там бабушка, да?

Взяв нежную ладонь девочки, Мэри стала загибать пальцы.

— Бабушка, дедушка Виллем, тетя Тео, дядя Майкл, дядя Питер и дядя Уильям. Тетя Полли живет в Риме. У тебя трое кузенов и одна кузина. Дети тети Лизы и дяди Теодора, я тебе о них рассказывала, тоже твои кузены.

— Почему никому нельзя говорить, что дядя Теодор — твой брат? — Энни подняла серые глаза.

— Господи, — горько поняла Мэри, — как она похожа на Роберта. Тоже вроде и неприметная, а как улыбнется, то красавица.

Женщина поцеловала теплый затылок дочери.

— Потому что иначе может быть опасно, милая. Нам и так придется выбираться отсюда пешком.

— Да хоть чем, — мрачно ответила Энни, — только бы никогда больше сюда не возвращаться. Я им никогда не прощу, что они убили папу, — добавила девочка.

Обведя глазами богатые, раззолоченные палаты, Мэри вздрогнула. Низкая дверь приоткрылась.

Ксения, комкая в руках платок, тихонько позвала:

— Марья Петровна!

Темные глаза девушки покраснели от слез.

Мэри нежно сказала:

— Не плачьте, Ксения Борисовна, не надо.

— Такой стыд, — девушка засунула в рот кружево платка, — простите ли вы меня когда-нибудь, Марья Петровна? Это

грех какой!

Опустив голову, она прошептала:

—Сколько буду жить, а не отмолю сие.

Мэри ласково погладила девушку по щеке.

—Оставьте. Его выгонят отсюда, вы выйдете из монастыря, найдете того, кто по душе вам придется, обвенчаетесь, деток родите, и забудете про сие. Ежели хотите, дак я вас заберу в Англию, где жить не в пример спокойней.

Опустившись на выложенный рыбьим зубом сундук, Ксения мрачно сказала:

—Надевши иночество, его уж не скинуть, Марья Петровна. Да и не ужу я никуда, — девушка жарко покраснела, — пока жив Федор Петрович, пока он здесь.

Присев рядом, Мэри положила голову девушки себе на плечо.

—Об иночестве, дак сие как вы сами захотите, так и будет, Ксения Борисовна.

— Он опять сегодня придет, — после долгого молчания шепнула девушка, — так стыдно, что даже в глаза вам смотреть не могу, Марья Петровна.

Мэри твердо сказала:

—Чтобы я больше сего не слышала, Ксения Борисовна.

Девушка только всхлипнула.

—Спасибо!

— Что сие? – Мэри взглянула в окно. —Смотрите, Ксения Борисовна, али птица летит? Дак не бывает таких птиц,

больших-то.

Девушка вскочила с сундука.

—Никак Господь знак послал с небес!

Мэри незаметно усмехнулась.

—Ох, Федор, Федор! Один ты такой на свете, другого нет.

За плечом Дмитрия раздался шепот секретаря:

—Государь, посмотрите, что сие?

За кремлевскими стенами ропотала толпа и кто-то отчаянно закричал:

—Знамение! Сие знамение!

Стоя на паперти Архангельского собора, Дмитрий поднял глаза. Над Троицкой церковью, над Кремлем парило что-то невиданное, непонятное, и оттого еще более страшное. Из него шел дым, а сзади развевался кусок холста с какой-то надписью.

Прищурившись, побледнев, Дмитрий обернулся к Бучинскому:

—Стрелять немедленно!

Пан Ян непонимающе спросил:

—Куда!

—Туда! – взорвался Дмитрий.

На площади кричали:

—Самозванец! Самозванец!

Государь злобно пробормотал:

—Врали, что на Москве грамотных нет. Как поглядеть, так все оными стали.

Затрещали залпы пищалей и холст опал. Из накренившейся корзины на толпу посыпались грамоты.

—Их там сотни, — понял Дмитрий, — даже неграмотные все поняли. Я Воронцову-Вельяминову сам пальцы отрублю и глаза выколю, попадись он мне только в руки.

— Быстро послать стрельцов к Москве-реке, на Варварку и на Воскресенский мост, — велел государь, — чтобы ни одного человека не пропустили, всех осматривали.

Он повернулся к Бельскому и Мосальскому.

—Вы тоже идите туда, вы сих двоих знаете в лицо. И серебра не жалейте, — добавил он вслед боярам.

— Сие всего лишь неприятность, государь, — прошеле-стел Бучинский, — получив достаточно денег, горожане сразу начнут молиться за ваше здоровье.

Дмитрий кисло отозвался:

—Вашими устами, пан Ян, только бы мед пить. Пойдемте, — велел он боярам и патриарху, — я не позволю всяким мерзавцам портить светлый день моего венчания на царство. В трапезной накрыт пир, — государь улыбнулся, — приглашаю всех к столу.

— Хорошо получилось, — князь Шуйский надвинул шапку на глаза, — Москва такое любит и надолго запомнит, еще

и внукам расскажет. Ежели б я своими руками угли в корзине не поджигал и веревки не перерезал, дак тоже не поверил бы, — он оглянулся.

Возбужденная толпа валила на Воскресенский мост над Неглинной рекой. Поперек моста выстроилась цепь стрельцов. Узнав в плюгавом боярине с кривым носом князя Масальского, Василий Иванович решил не навещать своего знакомого на Конюшенном дворе. Пытаясь вырваться из давки, князь заработал локтями.

— Береженого Бог бережет, — напомнил он себе, — хоша меня и не узнать теперь. Кафтан на мне самый бросовый, борода не чесана, кинжал спрятан подальше.

Белокаменные кремлевские стены вздымались над зеленой водой Неглинки. Попытавшись проскользнуть меж стрельцами, князь услышал голос Масальского:

— Здравствуйте, Василий Иванович, мы вас обыскались.

Дюжие стрельцы заломили ему руки за спину. Поймав взгляд замурзанного мальчишки, сидящего с удочкой под мостом, Шуйский незаметно кивнул в сторону Чертольской улицы. Подхватив лубяной короб с бросовой рыбешкой, мальчишка припустил по берегу Неглинки к Москве-реке.

Дмитрий Иванович, сложив длинные пальцы, разглядывал женщин. Государь незаметно усмехнулся.

— Марью Петровну я оставил бы при себе, она не чета царевне Ксении, которая только и знает, что рыдать. Однако

боярыней я бы еще потешился, да нельзя. Мнишек мне отписал, зачем я при себе Ксению держу, и не пора ли ей постригаться.

— Завтра утром вас отвезут в Новодевичий монастырь, Ксения Борисовна, — сухо сказал государь, — вы примете святыя обеты, как и просили меня, и оттуда поедете в обитель.

— Спасибо, — еле слышно ответила девушка, — я буду молиться за ваше здравие и благополучие вашего царствования.

Погладив темную бородку, Дмитрий Иванович подошел к Марье Петровне. Боярыня стояла, опустив ресницы на лазоревые глаза. Вдохнув запах трав, государь шепнул:

— Тако же и вас, Марья Петровна, постригут, а дочь ваша в послушницах будет.

— Я не православная, государь, — она мимолетно улыбнулась, — а лютеранка, как ваш секретарь, пан Ян Бучинский.

— Сие вовсе не препятствие, Марья Петровна, тако же и патриарх Игнатий мне сказал, — легко ответил Дмитрий.

— Ах, вот как, — она все улыбалась. Дмитрий, не отнимая губ от ее уха, четко сказал:

— Я к вам на богомолье приеду, Марья Петровна, да и дочка ваша скоро вырастет.

Боярыня спокойно спросила:

— А ежели я не захочу постригаться?

Подойдя к окну, Дмитрий указал на Троицкую церковь.

—Рядом помост построили. Не сегодня-завтра князь Шуйский на плаху ляжет, а вас мы рядом к столбу привяжем. Говорят, что на Москве заплечных дел мастера с пятого удара человека напополам пересекают, заодно и проверим. Скажем, что вы с Шуйским в сговоре были и меня отравить хотели.

Мэри только кивнула.

—Хорошо, государь.

Ксения все молчала. Дмитрий похлопал ее по щеке и девушка вздрогнула.

—Вы, Ксения Борисовна, сегодня вечером меня навестите вместе с Марьей Петровной, — усмехнулся царь. — Теперь я вас нескоро увижу, только осенью следующей, когда мы с царицей приедем святыням поклониться. Скучать будете за мной? — Дмитрий все еще гладил лицо Ксении.

Девушка опустила голову и царь вытер мокрую руку о кружевной платок.

—Вижу, будете.

Когда он ушел, Ксения разрыдалась, опустившись на ковер. Присев рядом, Мэри рассудительно сказала:

—Он только о Шуйском говорил, Ксения Борисовна. Попадись к ним Федор Петрович, он не преминул бы сим похвастаться, уж поверьте.

Ксения взяла ее руку.

—Но как же весточку передать Федору Петровичу, коли

жив он, в какой монастырь нас повезли?

— Придумаю что-нибудь, — Мэри поцеловала темные волосы девушки, — мы сами о сем только опосля пострижения узнаем, но не думаю, что обитель близкой будет, ино опасно вас рядом с Москвой держать.

Внезапно покраснев, Ксения отвернула голову.

— Ежели жив Федор Петрович, и Господь нам встретиться приведет, дак я все ему расскажу без утайки и пусть он решает, люба я ему, али нет. Он женат, дак я сей грех отмолю. Мэри помолчала.

— Вы, Ксения Борисовна, не девочка уже, за двадцать вам. Подумайте, может, не стоит? Коли жена его узнает, так больно ей будет. Сказано в Писании — не чини ближнему того, чего не хочешь, чтобы тебе причинили.

— Да не узнает она, — отмахнулась Ксения, — а что человек не знает, то не тяжело ему. Сего самозванца свалят непременно. Тогда я из монастыря выйду и буду с Федором Петровичем, хоша в полюбовницах, мне сие неважно, как.

Обхватив руками колени, девушка мечтательно сказала:

— Сына ему рожу, Марья Петровна.

Ксения облегченно, счастливо улыбнулась.

Федор хмуро сказал целовальнику:

— Значит, не врал человек с Конюшенного двора? Зав-

тра с утра ему возок закладывать велели на Девичье поле?

Никифор Григорьевич кивнул.

— Два десятка стрельцов вооруженных при сем возке будут, Федор Петрович. Вы как хотите, а туда сейчас соваться — все равно, что рядом с Василием Ивановичем на плаху лечь.

Федор посмотрел на план Москвы:

— Вот что, Никифор Григорьевич, Дуня твоя спит еще, наверное?

Целовальник помялся.

— Хоша вы, Федор Петрович, меня за сие не похвалите, однако мне девки отродясь столько денег не приносили. Поляки хорошо платят. У нее вчера трое разом побывало, дай Бог, опосля обедни встанет.

Воронцов-Вельяминов рассмеялся.

— Как проснется, одень ее поплоче, и пушай каждый день в обитель ходит, ни одной службы не пропускает. Как увидит девочку, белокурую, сероглазую, годков восьми, дак пушай грамотцу ей передаст, кою я напишу.

Никифор Григорьевич почесал в бороде.

— Точно, остальные-то у меня, как их не наряди, а глаза себя выдают. Дуне шестнадцатый годок еще. Она платочком голову повяжет, дак вроде и девица невинная. Что с Василием Ивановичем-то делать будем?

Федор, помрачнев, оглядев стол.

— Водки мне поставь и поешь чего, о сем поразмыслить

надо. В Разбойный приказ никак не пробраться?

Никифор Григорьевич выматерился:

— Если б можно было, Василий Иванович уже в Ярославль бы ехал вместе с вами. Там сейчас поляк на поляке. Бучинский, что секретарем при самозванце, целую тайную канцелярию, как они ее называют, учинил, и везде своих людей насажал. Но сами видите, князь молчит пока, — целовальник улыбнулся.

— Из них к твоим девкам никто не ходит? — поинтересовался Федор. — Из тех, что в Разбойном приказе?

— Дак разве они бумаги свои показывают? — развел руками целовальник. — У нас деньги на стол клади и все.

Федор вздохнул.

— Принеси мне требухи-то, а то снизу так пахнет, что думать ни о чем другом невозможно. И хлеба каравай. Что-нибудь да устроим.

Никифор Григорьевич пошел за едой. Быстро написав грамоту, Федор наклонился над планом города.

— Кажется, придется со стрельбой из Москвы выезжать, иначе не получается.

Впереди возвышались массивные белые стены монастыря. Наклонившись к уху Мэри, Ксения тихонько сказала:

— Батюшка здесь все отстроил, когда тетя Ирина Федоровна постриг приняла после смерти царя Федора Иоанно-

вича. Он ей и палаты возвел Ирининские. Говорили, что мы там жить будем.

— Будете, будете, — закивала идущая рядом маленькая, сухая игуменья Домника.

— Там церковь домовая имеется во имя Иоанна Предтечи и трапезная особая. Во всем отдельное у вас житье, с другими не соприкоснетесь. Когда постриг примете, вместе с вдовствующей государыней инокиней Марфой поедете в Горицкий монастырь. Там спокойно, не то, что у нас.

— Куда спокойнее, — Мэри обвела глазами караулы стрельцов на стенах, — у вас безопасно, мать Домника, столько охраны.

— Четыре сотни. Для них и палаты возведены за стенами обители, — гордо сказала Домника.

Мэри вдохнула запах цветов. Луг у Новодевичьего монастыря напомнил ей старую подмосковную усадьбу Вельяминовых.

— Можно моей дочери на службы в Смоленский собор ходить? — невинно глядя на игуменью, спросила Мэри. — Аннушка не монахиня, она послушницей будет. Мне говорили, что в соборе есть список с иконы чудотворной, Смоленской Божией матери. Пусть дитя на него посмотрит.

— Конечно, — игуменья сжала морщинистые ручки, — но вас я туда пустить не могу. Не принято сие, да и государь распорядился, чтобы окромя Ирининских палат, вы более никуда не ходили. А дочка что? Пусть молится в соборе.

— Спасибо, матушка, — искренне ответила Мэри.

Она надеялась, что Федор найдет способ с ними связаться. Незаметно пожав руку Ксении, Мэри остановилась. Навстречу им странными подпрыгивающими шагами шла худенькая бледная монахиня.

Что-то недовольно пробормотав, игуменья строго спросила:

— Тебя кто выпустил?

Монахиня затрясла головой и что-то замычала, показывая на общую трапезную. Домника вздохнула.

— Не обессудьте, юродивая это наша, безъязыкая. Обычно она в подземной келье пребывает, как положено.

Взяв монахиню за плечо, Домника громко сказала:

— Скоро на Шексну поедешь. Велено было, как мать твоя преставится, туда тебя отправить!

— Мать ее тоже юродивая была, — Домника кивнула на башню, — ее там держали, да волей Божией она на Пасху померла. Давно у нас жила, двадцать годов, а то и более. Мы даже имени ее не знали. Что с ней, что с дочкой ее запрещено говорить было, хоша они и умалишенные обе. Теперь можно, как мать скончалась, да не умеет она, — игуменья развела руками.

— Сейчас придут, отведут ее в келью обратно. Она тихая, не обидит.

Взглянув на истощенное лицо монахини, Мэри ласково спросила:

—Зовут-то тебя как?

Юродивая задергала губами. Подняв васильковые глаза, она с усилием, разбрызгивая слюну, проговорила:

—Мааааша!

— И меня тоже, — обрадовалась Мэри, — а сие Ксения. Поедешь с нами на Шексну?

Монахиня звонко, по-детски рассмеялась.

—Мааааша!

Мэри нежно взяла ее за тонкие пальцы и девушка слабо улыбнулась.

Мэри завязала платок на голове у дочери. Энни капризно сказала:

—Да не хочу я в собор, я в нашу церковь хочу! Что мне эти иконы!

Женщина поцеловала мягкую щеку девочки.

—Ты больше смотри вокруг. Если кто-то захочет тебе что-то передать, то возьми, но так, чтобы инокини не увидели. Сможешь?

— Смогу, — серьезно кивнула девочка. Энни сбежала на монастырский двор, где собралась стайка послушниц.

— Думаете, Федор Петрович кого-то сюда пошлет? — спросила вышивающая на лавке Ксения.

—Конечно, — Мэри помахала дочери. В Смоленском соборе звонили к обедне. Женщина скрыла вздох.

— Роберта зарыли Господь ведает где, и на могилу не

прийти. Когда мы в Лондон вернемся, надо поехать на север, поставить камень на их кладбище родовом. Он был единственный сын, а я ему сына так и не родила, — Мэри дернула губами.

— Хотели, как Энни четыре годика исполнилось, но потом сюда уехали. Может и хорошо, что так. С двумя детьми на руках сложнее было бы. Королева оставила особым указом и поместье и титул за Энни. За кого бы я замуж потом ни вышла, земли достанутся девочке. Ее бы вырастить, не до замужества.

Мэри опять вздохнула и Ксения осторожно спросила:

—Случилось что, Марья Петровна?

— Я мужа своего покойного вспомнила, Ксения Борисовна, — тихо ответила женщина, — я схожу к юродивой, помолюсь у нее в келье за упокой души его.

Резная дверь закрылась и Ксения повертела пальцы.

—У нее хоть муж был, а я теперь до конца жизни порченная останусь. Еще и не захочет он меня!

Отбросив вышивание в угол, девушка горько расплакалась.

На сырой стене кельи чернели пятна плесени и Мэри поежилась.

—Господи, бедная девочка. Она больше двадцати лет здесь просидела и даже солнца не видела. Сие она, сомнений

нет. Матушка писала, что у нее глаза васильковые, как у матери ее, Марии Старицкой. Царь Иван и вправду свое обещание выполнил, живы они остались.

Худая спина юродивой сгорбилась перед иконой Богоматери. Девушка, раскачиваясь, что-то мычала. Мэри, перекрестившись, опустилась рядом.

— Ммма-маа, — показала Маша на икону. — Ммма-мма!

— Правильно, — Мэри взяла худую ручку с обгрызенными до крови ногтями. Внезапно вскочив, подпрыгивая, Маша порылась в куче соломы.

— Мма-мма! — сказала она гордо, протягивая Мэри простой деревянный крестик.

— Как Федор человека пришлет, — решила Мэри, — надо отписать в грамоте, что Маша жива. Когда мы с Шексны выбираться будем, я увезу ее с собой. Пусть под отцовским крылом поживет. Здоровой она теперь никогда не станет, но дяде Матвею семьдесят этим годом. Пусть он хоша в конце жизни с дитем своим побудет. Потом мы за ней присмотрим, не обидим, все же кровь наша.

Она положила на ладонь крестик. Опустив уголки губ, Маша жалобно замычала. Апостольник сбился, обнажив золотистые, словно копна сена, волосы девушки.

— Она совсем молодая, — вздохнула Мэри, — на год старше Ксении, а все лицо в морщинах, но хоть зубы целы, слава Богу.

— Так поедешь с нами, — нежно спросила Мэри, — со

мной и с дочкой моей, Аннушкой?

Маша затрясла головой. С бледных губ потекла слюна.

—Д-дааа!

Энни попыталась вздохнуть глубже. В соборе удушливо пахло ладаном и девочка натужно закашлялась.

—Зачем все это? Мы в Копенгагене ходили в церковь и здесь, на Английском Дворе, тоже. Там спокойно, прохладно, кроме креста над алтарем нет ничего, а здесь все в золоте и блестит, словно не церковь, а дворец.

Она подергала инокиню за рукав.

—Можно я Богоматери свечку поставлю? За здоровье матушки моей.

— Иди, — разрешила та.

Энни пробралась через толпу к огромному образу, закрытому изукрашенным драгоценными камнями окладом.

—И за папу тоже помолюсь, — решила девочка, — пусть хоть здесь, все равно.

Кто-то тихонько коснулась ее руки. Невысокая, в простом сарафане девушка едва слышно шепнула:

—Матушке своей передай, что я завтра здесь буду, найди меня.

Незаметно спрятав грамотцу за рубашку, Энни облегченно улыбнулась.

Мэри развернула бумагу.

— Жив Федор Петрович, не плачьте, Ксения Борисовна. Просит, чтобы отписали вы ему в кою обитель поедем.

На ступенях трапезной гомонили девочки-послушницы. Ксения шмыгнула носом.

— Что же он отсюда меня не заберет?

Мэри потянула к себе перо и чернильницу.

— Здесь стрельцов четыре сотни, Ксения Борисовна, — сухо сказала женщина, — а князя Василия Ивановича, как вы сами слышали, казнить будут. Да и потом, — Мэри подняла лазоревые глаза, — вы где с Федором Петровичем жить собираетесь? Они самозванца с престола скинуть хотят. Недосуг Федору Петровичу с полюбовницей встречаться. Ради вас он об долге своем не забудет.

Губы Ксении дернулись и Мэри обняла девушку.

— Простите, Ксения Борисовна, коли не про нраву вам сие. Однако хуже нет доли, чем у женатого человека в подхозяйках ходить.

Девушка сжала длинные пальцы.

— Мне хоша как, Марья Петровна, я под него на Красной площади улягусь на глазах у всей Москвы! Вы не любили никогда, коли так говорите так!

— Отчего же, — Мэри вернулась за стол, — любила. Однако окромя любви, есть еще и честь, Ксения Борисовна, и не след о ней забывать.

— Мне все равно, — девушка обернулась на пороге, — чести девичьей у меня нет более. На ваших глазах я ее лишилась, если помните.

Мэри помолчав, заметила:

— Господь вам судья, однако, помните, что мы по воле своей делаем, дак за то у престола Всевышнего и ответ держать придется, а более ни за что.

— Вот и отвечу, — резко сказала Ксения, — а если любишь, дак и чести не знаешь.

Девушка захлопнула за собой дверь светелки.

Приняв от Дуни грамотцу, Федор улыбнулся.

— Молодец. На Английский Двор сбегашь еще, и завтра в монастырь вернешься, а потом все, спи до обедни опять.

Девушка внезапно покраснела.

— Я слышала, что князю Василию Ивановичу голову отрубят. Как же так, Федор Петрович?

Воронцов-Вельяминов отложил перо.

— Да не отрубят, не бойся, иначе зачем я здесь сижу, — он подмигнул девушке. — Что, соскучилась?

Та что-то смущенно пробормотала и Федор велел:

— Иди, трапезничай, да возвращайся. Я записку отдам, что на Варварку надо отнести.

Холщовая завеса задернулась и он откинулся к бревенчатой стене.

— Нашлась, значит, дочка дяди Матвея, — задумчиво

сказал Федор, — она праправнучка Ивана Великого получается. Будь она в себе, дак вот и наследница престола царей московских. Шуйский рассказывал, что Борис Федорович покойный все бумаги царя Ивана пересмотрел вместе с патриархом, но так и не отыскал ее. Мудрено ли, юродивая да безъязыкая. Пусть Марья ее забирает, не хватало смуту из-за нее устраивать. Она долго не проживет, два десятка лет под землей провела. Преставится, и Господь с ней.

Набросав грамоту священнику при Английском дворе, Федор закрыл глаза.

—Ах, Ксения, Ксения, недолго терпеть осталось.

Достав из мешочка рядом с нательным крестом грамотцу, он вчитался в торопливые строки:

—Знай, что я буду тебя ждать, хоша сколько, хоша до конца жизни моей, потому что окромя тебя, Федор, никого другого мне не надо.

— Весной к ней приеду, — решил Федор, — к тому времени я отыщу надежных мужиков. На сей Шексне меня никто не видел и не узнает. В монастыре всегда найдется, что починить, али крыша протекает, али стены надо подновить. Однако забирать Ксению оттуда не пока не след.

—Я к Троице на Москву вернусь, самозванца кончать. Пусть лучше она в обители сидит, так спокойнее.

Задумавшись, Федор потрянул головой.

—Лизавету я оставляю в подмосковной с детьми, а сам заживу здесь с Ксенией, — он сладко потянулся, — посмот-

рим, что из сего выйдет.

Занавесь заколебалась и с порога раздался тихий голос:
— Как вы и сказали, Федор Петрович, Боярская Дума казнить Василия Ивановича приговорила.

— Ты проходи, — Федор убрал со стола грамоты.

Налив себе кваса, неприметный мужичок вытер клочковатую русую бороду.

— Самозванец прямо соловьем разливался. Наши, понятное дело, уши и развесили, — он усмехнулся, — да и кто там сидит Федор Петрович? Али те, кто от государя сего вотчины получил, али те, кого он из ссылки вернул. Остальные, как вы, затаились, али в деревню уехали.

— Ты не поедешь? — зорко взглянул на собеседника Федор.

Михаил Татищев сцепил пальцы.

— Мне и ехать некуда. Мы хоша и Рюриковичи, однако по богатству с вами не сравнимся. Вас уделов лишать будут. Указ о сем готов, как Василия Ивановича на помост возведут, дак прочтут его.

— Ничего, — присвистнул Федор, — я жену с детьми в глухомань отправил, в старые владения воронцовские. Пока туда о сем весть дойдет, мы скинем самозванца.

— Летом следующим, — утвердительно заметил Татищев, — тогда вы с Василием Ивановичем уезжайте, а опосля

Троицы всем и займемся.

— На Пасху-то Маринка, — Федор выругался, — сюда явится с отцом своим и тысячи две поляков с ними приедут. Вчера здесь Бучинский был, Никифор Григорьевич показал мне его. Дак он хвалился спьяну, что на венчание самозванца столько потратят, сколько никто еще не тратил.

— Вы бы не рисковали, Федор Петрович, — озабоченно сказал Татищев.

— Сие кабак хитрый, Михаил, — ухмыльнулся Федор, — во времена царя Ивана жил тать на Москве, Данило Волк. Он все здесь держал, а как голову ему отрубили, дак дело к Никифору перешло. Должен был сын Данилы всем заниматься, Михайло, однако ж парень в Сибирь с Ермаком ушел, да и сгинул там. Сей Данило здесь все разумно устроил. В каждой светелке в стенах дырки есть, все увидишь и услышишь. Сюда люди и важнее Бучинского ходили.

Федор рассмеялся.

—Поэтому ждите нас и пока готовьтесь. Что с площадью Красной?

— Все сделано, — Татищев потянулся за пирогом и Федор одобрительно сказал:

—Рыба свежая, на рассвете в реке плавала. Никифор Григорьевич кухней на всю Москву славен. Ты переселяйся сюда, когда я уеду. На усадьбе не след тебе сидеть, мало ли что, а здесь и кров, и стол, и девки веселые. Конь мой готов?

Татищев усмехнулся.

—Привели из подмосковной вашей, пока там не разорили все. То не конь, Федор Петрович, то, как у купца тверского, Никитина Афанасия, зверь такой индийский, слон.

— Какой меня еще выдержит, — пожал плечами Воронцов-Вельяминов, — и Василия Ивановича ему на себе нести придется до первой подставы на дороге ярославской.

Дуня просунула белокурую голову в горницу.

—Надо на Варварку-то бежать?

— Давай, — добродушно отозвался Федор, — только косы платком повяжи, а то невместно девице по Москве одной ходить, обидят еще.

— Девица, скажете тоже, — расхохоталась Дуня.

Приняв записку, девушка застучала босыми ногами по крутой лестнице.

—Что Ксения Борисовна? — поинтересовался Татищев.

—Постригается и едет в Горицкий монастырь, на реку Шексну, — хмуро ответил Федор, — однако в постригах патриарха Игнатия силы нет. Государь самозванец, тако же и патриарх.

Татищев помолчал.

—Знаете, какие слухи по Москве бродят.

—Знаю, — коротко отозвался Федор, — когда мы его обратно в Польшу трупом отправим, дак и решим об сем. Сейчас у нас другие заботы есть. Ты оружие раздал?

— А как же, — Татищев улыбнулся, — они в воздух палить станут. Не след людей-то ранить, зачем оно нам? А у

вас что есть?

— Сабля да пищаль, — Федор зевнул, — ничего, Михаил, я справлюсь. Коня моего в Китай-городе у Яузы спрячьте. Никифор вам покажет, где. Я по утренней прохладе лодку возьму и появлюсь там.

Татищев ушел. Слушая перезвон колоколов, Федор распахнул ставни в чудный золотой закат над Замоскворечьем. Он пробормотал себе под нос:

— Какие бы слухи не ходили, сие мне нисколько не важно. Окромя меня, ничьей она не будет никогда, пока жив я. Вот и все.

Вернувшись к столу, он налил себе водки.

— Марья пусть по весне в Новые Холмогоры едет. Я их провожу и отправлюсь на Москву. Пусть Земский Собор решает, кому царствовать, хоша бы и Василию Ивановичу. Для сего завтра надо его с плахи снять, но ничего, мы справимся.

Федор вытянулся на лавке.

— Прости, Господи, а ведь Лизавета и умереть может. Я, правда, тоже, даже и завтра, — он невольно улыбнулся, — но все в руке Божьей. Приеду на Волгу, Марья и не узнает меня. Она маленькая была, как уезжали, годик только исполнился. Как самозванца выгоним, надо, чтобы Лизавета еще родила. Двоих сыновей мало, а ежели она родами преставится, дак с Ксенией под венец можно идти.

Он закинул руки за голову.

— Иван Федорович. Так и назовем сына.

В церкви Иоанна Предтечи было сумрачно. Ксения оправила черный апостольник.

— И не скажешь, что лето на дворе, прохладно как.

— Возок заложили, — Аннушка заглянула в притвор, — матушка спрашивает, можно с нами юродивая поедет, Машенька? Она тихая.

Сзади зашуршала ряса и Марья Петровна тихо сказала:

— Государыня вдовствующая, инокиня Марфа, рядом с собой никого не терпит.

— Конечно, — Ксения попыталась улыбнуться, но по щеке девушки медленно скатилась слеза. Мэри велела:

— Беги, доченька, глянь, что с поклажей нашей. Хоша и немного ее, а все одно, вдруг что перепутают, — девочка исчезла и Ксения вздрогнула.

Марья Петровна крепко взяла ее за руку.

— Сами знаете, что патриарх Игнатий самозванцем ставлен. Постриги его гроша ломаного не стоят, — она помолчала, — по весне я придумаю, как с Шексны уехать. Ежели хотите, дак со мной отправляйтесь.

Ксения упрямо помотала головой и Марья Петровна вздохнула.

— Как знаете, однако я вам травы начну давать, а вы пейте, а когда из обители уйду, дак вам их оставлю.

— Марья Петровна! — потрясенно промолвила девушка.

Лазоревые глаза блеснули ледяным холодом и женщина

встряхнула Ксению за плечи.

— Не тех вы кровей, Ксения Борисовна, чтобы в подолес ублюдков приносить, тако же и Федор Петрович. Вы ему полюбовницей стать хотите, дак сие дело ваше, Господь вас рассудит, однако вы ему не жена венчаная. Вы блудить собираетесь, дак хоша приплода у вас не появится. Не придется младенца невинного душить, упаси Господь, али под ворота подкидывать.

— Да как вы... — попыталась возразить Ксения и Мэри отозвалась:

— Потом мне спасибо скажете. Коли вы ему прискучите, дак хоть чада у вас на руках не останется. Может, и замуж выйдете.

Девушка закусила губу, сдерживая слезы.

— Все не так случится, Марья Петровна. Он заберет меня из монастыря и мы всю жизнь вместе проживем, до старости нашей, деток будем пестовать.

Марья Петровна хотела что-то сказать, но Аннушка всунула голову в дверь.

— Все готово, инокиня Марфа выезжать велела.

Взглянув на прямую спину Марьи Петровны, Ксения пробормотала:

— Не стану я никаких трав пить. Ежели Господь даст понести, дак быть по сему.

Маша забила в угол возка. Сев рядом, Энни ласково сказала:

— Не бойся. Хочешь, поиграем, дай руку.

Юродивая с опаской протянула ладошку и Энни начала загибать ее пальцы.

— Сорока-ворона, кашку варила, деток кормила. Сему дала, сему дала, а самому маленькому, — Энни пощекотала мизинец, — не дала!

Васильковые глаза погрузнели и Маша, с трудом ворочая языком, сказала:

— Ммма-мма, каш-ша, мам-мма!

— Тебя мама кашкой кормила? — Энни посмотрела на морщины вокруг глаз девушки. — Мама, а сколько ей лет?

Мэри вздохнула.

— Она Ксении Борисовны ровесница.

Показав за окно возка, юродивая промычала:

— Уууу! Уууу!

— Лошадки скачут, — нежно сказала Мэри, — далеко скачут, за реки, за леса.

Ксения с грустью выглянула наружу.

— Сейчас Белый Город минуем и дорога на Лавру начнет-ся. Помните, Марья Петровна, как мы весной туда с матушкой ездили? Кто знал тогда, что все так обернется.

— Да, — Мэри обняла прижавшуюся к ней дочь, — и что далее будет, о том Господь только ведает.

Стрельцы, верхами сопровождающие возки, остано-ви-

лись, пропуская кого-то и Ксения Борисовна шепнула:

—Сие из Разбойного приказа. Видите, возок закрытый. Должно быть, князя Василия Ивановича к Троицкой церкви везут.

Мэри перекрестилась, всадники прищипорили лошадей. Над кремлевскими башнями закружился черный вихрь воронья.

Федор погладил белого жеребца по холке и тот тихонько заржал.

—Соскучился, — улыбнулся он, — сейчас на Волгу поедем. Там хорошо, трав вдоволь, а весной мы сюда вернемся.

В переулках у Варварки стояла тишина, только от Красной площади доносился возбужденный гул толпы. Заметив палаты Английского Двора, Федор вспомнил детство, когда матушка посылала его сюда с Воздвиженки с записками к отчиму.

—Потом мы вместе шли домой, — вздохнул Федор, — через площадь мимо Неглинки. Там уж монастырь Воздвижения Креста Господня виднелся, а рядом усадьба. Ах, Петр Михайлович, прожил бы ты подольше, совсем молодым умер.

— Нет, — Федор встряхнул нечесаной головой, — я еще внуков увижу, — он прищурился. — Народ собирается. Когда дядю Матвея казнили, толпа больше была. Отчиму с ма-

тушкой удалось его спасти, тако же и мне удастся. Я тогда рядом с царем Иваном был, совсем близко.

Вспомнив жесткое лицо покойного царя, его желто-зеленые, зоркие глаза, Федор даже поежился.

Над Троицкой церковью появился ярко раскрашенный воздушный змей и Федор наклонился к холке жеребца.

—Давай, милый, не подведи. Мы помост проломим, а там уж нас и не догнать будет.

Конь мягко взял с места и Федор с высоты своего роста взглянул на спуск к реке. Дьяк монотонно читал указ самозванца. Тишину разорвали сухие залпы пищалей. Резко прищпорив коня, положив руку на клинок, Федор ворвался на площадь. Толпа, ахнув, бросилась врассыпную. Стрельцы, окружающие помост, палили поверх голов. Из людской массы все стреляли и Федор невольно улыбнулся.

—Молодец Татищев, у него здесь не меньше десятка человек. Вон и Василий Иванович, хорошо они его отделили, и не узнать.

Конь играючи вскочил на помост и тонкие доски опасно затрещали. Одним ударом снеся голову потянувшемуся за пищалью стрельцу, быстрым движением сабли разрезав веревку, Федор протянул руку Шуйскому.

Толпа кричала что-то, а от Фроловских ворот бежали люди с оружием. Отдав князю пистолет, Федор велел:

—Стреляйте, куда пороха хватит.

Перегнувшись в седле, он на скаку поднял брошенную

саблю.

— Сие тоже возьмите, не помешает.

Промчавшись по Красной площади, очищенной ради казни от лотков, Федор заметил выстраивающихся на Воскресенском мосту стрельцов. Жеребец ринулся в Неглинку. Оказавшись на берегу, конь рванулся к Воздвиженке.

— Ничего, — хмыкнул Федор, — на подставе подождут сколько надо, а мы в обход поедем. Сначала вверх по реке, а потом разберемся.

— Спасибо, Федор Петрович, — услышал он голос Шуйского.

Повернув коня, Федор пустил его рысью по берегу, к плотине и водяной мельнице на речке Пресне.

— Оттуда до села Алексеевского доберемся, там подстава, — пробормотал он. — Вы бы для меня то же самое сделали, Василий Иванович.

— У вас рубашка в крови, — вздохнул Шуйский. — Посмотрите, может, остановимся?

Федор только сейчас почувствовал тупую боль в руке. Взглянув вниз, он ответил:

— Не стоит, до Троицкой дороги потерплю. Хорошо, что левая рука.

— Саблю можно держать, да, — согласился Шуйский.

Воронцов-Вельяминов расхохотался.

— Рисую я правой, Василий Иванович.

Белый конь быстрой рысью несся среди перелесков на во-

сток, к Лавре.

Интерлюдия

Рим, лето 1605

Темноволосый сероглазый мальчик, примерившись, занес ногу над тряпичным мячом.

—Сейчас не отобьешь, папа.

Франческо стер пот со лба. Летний вечер выдался особенно жарким.

— А ты попробуй, — он легко поймал мяч, — все, пошли. Нам еще воду из колодца носить и мыться. Мы перепачкались с ног до головы.

Алессандро забрал у отца мяч.

—Интересно, что сегодня на ужин, а то я проголодался.

— Ты всегда голодный, — Фрэнсис поцеловал темные локони, — потому, что ты растешь. Насчет ужина, — отец поднял бровь, — я видел на кухне свиные щеки.

— Отлично, — мальчик облизнулся, — с пастой. И печенье, наверное, — прибавил он.

Сын вдруг спросил:

—Папа, а почему ты чиновник?

Франческо рассудительно заметил:

— Кому-то надо и сидеть в канцелярии, милый мой.

Алессандро задумался.

—Я бы хотел стать военным, чтобы у меня была шпага, как у гвардейцев Его Святейшества.

— Посмотрим, — усмехнулся Франческо.

После Рождества они отправлялись домой, чему Фрэнсис еще не мог поверить. В начале лета он отправил Джону сведения о планах заговорщиков, собравшихся в ноябре взорвать Палату Лордов. Фрэнсис предполагал, что Гая Фокса и его сообщников арестуют. С новым человеком, посланным в Рим, Фрэнсис должен был встретиться в Париже.

—Потом мы осядем в деревне, — он на мгновение закрыл глаза, — и заживем спокойной жизнью.

— Папа, ты отчего улыбаешься? — удивленно спросил Алессандро и Франческо кивнул на мраморную лестницу, ведущую на второй этаж, в их комнаты.

—Потому что даже здесь пахнет едой. Я дорогой мой сын, тоже не откажусь от пасты.

— Сначала берите ведра, — велела Полли с порога, — а потом переоденьтесь. В опочивальне все чистое лежит.

Над куполом собора святого Петра играл багровый закат. Войдя в спальню, Полли наклонилась над столом.

—Что ты с ним на улице делал? Он заснул за мгновение. Фрэнсис отложил перо.

—Сначала мы взяли лодку на Тибре, потом играли в мяч, потом он съел целую миску пасты. Мне тоже, дорогая моя, спать хочется.

Полли устроилась у мужа на коленях.

—Донесения все готовы. Остался только сеньор Вискай-

но, но это завтра вечером. Его бумаги у тебя?

— Его бумаги у меня лежат уже третий день, — усмехнулся Фрэнсис. — Сначала надо было узнать, какой дорогой он ходит в свои комнаты, когда он туда возвращается и есть ли у него охрана, но теперь все готово. Чезаре завтра вечером будет на месте со своими людьми. Тебе останется только довести сеньора Себастьяна до подворотни, а дальше они справятся сами.

— А он расскажет, где Белла? — озабоченно спросила Полли.

— Расскажет, — уверил ее муж, — у Чезаре все говорят. Он расскажет и о Белле, и о планах короля Филиппа в Нижних Землях. Все, что нужно, то и расскажет. Печать мы у него заберем, образец его почерка у меня есть. Все будет в порядке.

Вдохнув запах роз, Фрэнсис шепнул жене:

— Я подумал, и понял, что поспать я еще успею.

— Неужели, — ее темная бровь шевельнулась, — а если я принесу из кладовой одну из бутылок, что тебе прислали из Орвието?

— Все равно не засну, — прижавшись губами к смуглой шее, Фрэнсис расшнуровал ее шелковый корсет, — но вина ты мне все равно налей и запри дверь.

Подхватив юбки, Полли повернула ключ в высоких золоченых дверях. Потом она быстро заснула, свернувшись в клубочек, держа его за руку. Фрэнсис, зевая, придвинул ее

поближе. Он тоже задремал, слушая перезвон полуночных колоколов на церквях по соседству.

Утром он успел позаниматься с Алессандро латынью. Спустившись на площадь, вдохнув теплый ветер, Фрэнсис быстро пошел к Ватикану. На столе в его кабинете лежали последние циркуляры из личной канцелярии Его Святейшества. Гонцы разносили документы после заутрени. Пролитав бумага, Фрэнсис хмыкнул:

— Действительно придется канонизировать отца Джованни. Цветы на месте его казни не вянут, не опадают, и там даже излечиваются больные.

Вспомнив темные, добрые глаза священника, он вздохнул.

— Жаль его, такие люди редко встречаются. И воспитанник его, Хосе, наверное, тоже погиб, а ведь какой талантливый мальчик был.

Секретарь поскребся в дверь.

— Сеньор дон Себастьян Вискайно, личный советник короля Филиппа к вам, синьор Франческо.

Пожав руку сеньору Себастьяну, Фрэнсис радушно указал на кресло.

— Садитесь, пожалуйста, сеньор Вискайно! Должен вам сказать, что все ваши бумаги готовы.

— Так быстро, — Вискайно погладил золотистую, с проседью бородку.

— Разумеется, — удивился Франческо, — нас могут упрекать в бюрократии, сеньор Себастьян, но вы не обыкновенный проситель. Для вас мы постарались ускорить дело.

— Вот же канцелярская крыса, — Вискайно смотрел в бесцветные глаза чиновника, — у него пыль в морщинах лежит. Родился с пером в руке, с ним же и умрет. Шпаги он и в глаза не видел. Но, главное, дело сделано. Можно ехать в Картахену и забирать мерзкое отродье в Старый Свет. Найду строгий монастырь в кастильской глуши и через четыре года с ней обвенчаюсь.

Вискайно сдержал дрожь в пальцах.

— Потерпи, — велел он себе, — осталось недолго.

— Эдикт Его Святейшества о признании брака недействительным, — Франческо собрал документы, — и разрешение вам вступить в следующий брак.

— Когда это можно сделать? — Вискайно рассматривал папские печати.

— Через три месяца, — развел руками Франческо, — не обессудьте, таковы правила. Вы хотите жениться?

— И довольно скоро, — отозвался Вискайно, — мне нужны сыновья. Впрочем, моей невесте только десять лет, так что придется немного подождать. Это моя воспитанница, сирота. Она сейчас в монастыре.

— Желаю вам всяческого счастья, — искренне проговорил Франческо. Когда Вискайно ушел, Фрэнсис взглянул на дверь.

—Сегодня и узнаем, в каком. Тибр сейчас мелкий, не хочется рисковать. Полли уведет его в Трастевере, откуда недалеко до боен. Крысы его за ночь так изуродуют, что сеньора Себастьяна будут долго опознавать.

Вернувшись за стол, он велел секретарю впустить следующего посетителя.

—А почему тебе надо уйти? – Аллесандро прижался щекой к руке матери.

— К портнихе, — рассмеялась Полли, — но папа здесь, у себя в кабинете.

— Он расскажет мне еще об Одиссее, — оживился мальчик, — мы вчера закончили на том месте, где моряки встретили сирен. А сирены есть на самом деле?

Полли поцеловала сына в лоб.

—Вырастешь, станешь капитаном, как ты хочешь, и сам узнаешь. Я позову папу.

По дороге она подняла с ковра самодельную книжку.

—Писать тебе дальше?

— Конечно, — приподнявшись на локте, горячо ответил Алессандро, — мне интересно, что случилось в Риме после убийства Юлия Цезаря. И у тебя так хорошо получаются картинки, мамочка.

— Не подлизывайся, — Полли положила книгу на сундук, — все равно завтра придется заниматься и английским, и французским.

Аллесандро выразительно закатил глаза. Чмокнув губами в сторону кровати, Полли постучалась к Фрэнсису.

— Наш сын хочет услышать продолжение странствий Одиссея, — женщина помолчала, — ты выйди в переднюю, когда я переоденусь.

Осмотрев при свете тяжелого канделябра бедное платье, Фрэнсис одобрительно кивнул.

— Очень хорошо. То, что надо.

Застыранное кружево почти не прикрывало грудь Полли. Фрэнсис шепнул:

— Не задерживайся больше, чем нужно. Когда он окажется у Чезаре, сразу отправляйся домой.

— Может быть, взять кинжал? — Полли нацепила на распущенные по плечам волосы потрепанный чепец.

— Не стоит, — Фрэнсис коснулся губами ее щеки, — Вискайно очень подозрителен. Встречаешь его на Пьяцца Навона и уводишь в Трастевере. Мы с тобой ходили той дорогой. Фрэнсис запер за женой дверь.

— Японец, Дате Масамуне, посылает сюда целую миссию, — хмыкнул он, — Вискайно опять собирается туда плыть. Его Святейшество сказал, что могила одного мученика не стоит целого порта.

— Папа! — позвал Алессандро. Фрэнсис, обернувшись, ответил:

— Иду, сынок!

Оказавшись на Пьяцца Навона, Себастьян набросил плащ на изящный камзол миланского кроя.

— Хорошо, что я отказался от постоянной охраны, — довольнo улыбнулся Вискайно, — здесь ко всякому привыкли, но не стоит таскать папских гвардейцев к шлюхам. Пусть остаются в моих комнатах, — он сладко зевнул.

— Значит, опять Япония. Очень надеюсь, что та сучка и его бросила. Наверняка, вместе с индейской тварью развлекает его светлость дайме.

Отыскав улицу, ведущую к борделям в Трастевере, он быстро двинулся к мосту Фабричо.

Высокая стройная женщина в невидном платье шла впереди, покачивая бедрами. В свете факелов на стенах домов ее темные, кое-как прикрытые чепцом волосы играли золотистыми искорками.

— Пожалуй, сегодня и не придется тратить деньги, — улыбнулся Вискайно, прибавляя шаг.

— Куда торопишься, красотка? — спросил он, поравнявшись с женщиной.

— Синьор не итальянец, — белые зубы прикусили пухлую губу и она смешливо фыркнула. Голос у нее был нежный, но говор оказался бедняцким.

— Испанец, — согласился Себастьян. Взяв его под руку, женщина кивнула в сторону Тибра.

— Девочек ищете?

— Уже нашел, — Вискайно подтолкнул ее к реке, — пошли, милая, я заплачу.

Она повела бровью.

— Дома теплее, и там уютная постель, синьор. Здесь недалеко, — она указала на остров в излучине Тибра.

— Знаю я этих девок, — мрачно подумал Вискайно, — в уютной постели лежит ее ухажер с кинжалом. Здесь и головы можно лишиться. На Тиберине глухое место, базилика уже закрыта, а вокруг деревья.

Выйдя на берег острова, женщина решительно направилась к мосту Святого Бартоломея, ведущему в Трастевере.

— Нет, — Себастьян толкнул ее вглубь рощи, — давай здесь, красавица.

Женщина обернувшись, вырвала руку.

— Господи, — испуганно поняла Полли, — он сильнее меня, пальцы как железо. Надо было взять кинжал, он бы испугался. Чезаре не услышит крика, он далеко...

Полли дернулась в сторону, но Вискайно, ухватив ее за волосы, подтащил к себе. Она пронзительно завизжала:

— На помощь!

Ударив ее кулаком в лицо, Вискайно повалил Полли на землю.

— Я не люблю лишнего шума, милочка.

Извернувшись, вонзив зубы в его запястье, она опять попыталась высвободиться. Толкнув ее в навозную лужу, Вискайно подмял Полли под себя.

— Тихо, — велел он, — потом в речке помоешься, здесь близко.

— У меня французская болезнь, — промычала Полли. Вискайно расхохотался.

— Врешь, милочка, я знаю, что от нее бывает, видел шлюх на своем веку. Раздвигай ноги!

Женщина куда-то поползла и Себастьян, разозлившись, вынул кинжал.

— Будешь упрячиться, тебе больше нечем зарабатывать станет. Я тебя на клочки изрежу.

Она потеряла счет времени, задыхаясь от листьев и грязи, забившей рот.

Перевернув ее, взглядевшись в окровавленное, с затекшим глазом лицо, Вискайно плюнул ей на разбитые губы.

— Денег за свою строптивость не получишь.

Его гулкие шаги прогремели на мосту. Справившись с гудящей головой, еле удерживаясь на ногах, Полли побрела к Тибру. Плеснув в лицо водой, она застыла, услышав сзади шорох.

— Синьора Полина, — потрясенно сказал Чезаре, — я волновался, где вы. Ребят я оставил на месте и решил поискать вас.

— Я кричала, — разрыдалась Полина, — но здесь далеко...

Жесткое, покрытое шрамами лицо Чезаре освещало пламя факела. Старинного римского друга Фрэнсиса давно при-

говорили к смертной казни.

—Так, — Чезаре поддержал ее за локоть, — я отведу вас к Франческо и отправлюсь потолковать с этим синьором по душам.

Полина вытерла лицо о рукав его рубашки.

—Спасибо, синьор Чезаре.

Прислушавшись, закрыв мадридское издание «Дон Кихота» сеньора Сервантеса, Фрэнсис быстро прошел в переднюю. Распахнув дверь, он застыл на пороге.

—Я сейчас.

Поцеловав Полли, Фрэнсис спустился с подсвечником вниз.

Отыскав в темноте Чезаре, он тяжело вздохнул:

—Спасибо. Отпусти своих ребят, и подожди здесь до расвета. Если я не вернусь, то спрячь Полину и Алессандро. Потом вывези их через Чивитавеккью.

— Но этот мерзавец, — запротестовал Чезаре, почесав седоватые волосы.

— Я сам, — коротко ответил Фрэнсис.

—У тебя сын, — Чезаре указал наверх.

—У тебя двое, — Фрэнсис помолчал, — и тебя к нему не пустят. Зачем зря класть голову на плаху? А меня пустят. Все, оставайся здесь.

Римлянин крепко пожал ему руку.

Полли сидела, привалившись к сундуку, уставившись на обитую шелковыми шпалерами стену.

—Никогда себе не прощу, — понял Фрэнсис, — никогда.

Подняв Полли, он осторожно повел ее на кухню.

—Как Алессандро? — она еле шевелила губами.

—Тихо, — велел Фрэнсис, — он спит, все хорошо.

Вода в горшке над очагом еще не остыла. Сняв со стены медный таз, Фрэнсис принес из опочивальни чистую рубашку.

—У меня в сундуке мазь, — шепнула Полли, — и отвар в темной склянке.

Закутав жену в кашемировую шаль, Фрэнсис пристроил ее у себя на коленях.

—Теперь послушай, любовь моя, — нежно сказал он, — если я не вернусь до рассвета, то бери Алессандро и донесения и уходи. Чезаре о вас позаботится. Здесь ничего подозрительного нет, оставляй все.

Жена подняла черные глаза.

—Не надо, Фрэнсис. Не надо, милый.

— Я должен, — шепотом ответил он, — я должен, Полли.

— Я посплю с Алессандро, — она смотрела в сторону.

Фрэнсис опять поцеловал ее.

—Я оставлю рядом вино. Сейчас ты не хочешь, а потом захочешь. Ничего не бойся, пожалуйста.

Полли одним дыханием сказала:

—Вернись.

Кивнув, он подхватил ее на руки.

Потерев заспанные глаза, Алессандро обрадовался:

—Мама!

Мальчик залез под теплый бок матери. Вдохнув знакомый запах роз, он заснул еще крепче. Погладив мягкие кудри, стараясь не расплакаться, Полли стала молиться за мужа.

— Что-то вы поздно, — папский гвардеец полистал бума-
ги, — однако сеньор Вискайно сам вернулся только недавно.
Он обедал с кардиналами.

— Я ненадолго, — угодливо улыбнулся невысокий чинов-
ник, — я принес еще кое-какие документы для сеньора Се-
бастьяна.

— Распишитесь здесь, — гвардеец указал на страницу пе-
реплетенной в кожу тетради.

—По приказанию его величества короля Филиппа, для
безопасности. И фамилию рядом, разборчиво, а то, бывает,
почерка и не прочитаешь.

Чиновник посыпал лист песком.

—Оружия нет, можете меня обыскать.

Он развел руки в стороны и гвардеец рассмеялся.

—Да какое оружие у вас в канцеляриях. Проходите, —
охранник взглянул на страницу, — синьор Франческо.

Легко взбежав по широкой лестнице наверх, Фрэнсис по-
стучал в резную дверь с накладками из майолики.

— Кто еще там? – раздался недовольный голос Вискайно.

—Ночь на дворе.

— Это я, — подобострастно ответил Фрэнсис, — синьор Франческо из апелляционного суда. Мы забыли передать вам кое-какие важные бумаги.

— Заходите тогда, — разрешил Вискайно.

Сеньор Себастьян устроился в кресле у камина с бокалом вина. Серые глаза Фрэнсиса блеснули льдом. Незаметно повернув ключ в замке, он опустил засов.

Полли снился костер.

Она стояла, привязанная к столбу, посреди зеленой лужайки. В небе неслись серые облака, рядом шумело море. Каменные домики деревни окружал частокол. Огонь занялся весело, жарко. Высокий мужчина с ледяными лазоревыми глазами, подбросив еще веток, отошел, скрестив руки на груди. Она постаралась вырваться, но веревки держали крепко. Александр закричал:

—Мамочка!

Полли разрыдалась, пытаясь протянуть к нему руки.

Она поняла:

—Я уже это видела. На Кампо деи Фиори, в день, когда сожгли синьора Бруно. На возвышении сидел священник, высокий, с темными глазами. Он тогда посмотрел на меня. Он должен меня спасти, где он?

Сильный западный ветер раздувал пламя. Незвестный напротив так и не шевельнулся, продолжая следить за Пол-

ли.

— Мамочка, — услышала она голос Александра, — мамочка, ты что?

— Ничего, сыночек, все хорошо. Просто сон приснился, — не зажигая свечи, отозвалась Полли.

Ребенок засопел. Укрывшись шелковым одеялом, Полли прислушалась. В комнатах стояла тишина. Фрэнсис пока не возвращался. Александр поворочался и Полли нежно подумала:

— Он родился ровно через девять месяцев после казни сеньора Бруно. Тогда нам с Фрэнсисом так хотелось жизни.

Невольно улыбнувшись, Полли приподнялась на локте. Дверь опочивальни приоткрылась. Устало привалившись к стене, Фрэнсис потер глаза. Полли осторожно встала и муж поцеловал ее в лоб.

— Принеси мне чистую одежду, пожалуйста, — он коснулся забрызганного кровью камзола, — остальное по дороге выбросим в Тибр. Собирайся, возьми деньги и больше ничего. До рассвета нам надо уйти из Рима.

— Почему, — Полли взяла Фрэнсиса за руку, — ты не ранен?

— Нет, — он вздохнул, — надо торопиться, любовь моя. Когда его найдут, здесь будет не протолкнуться от папских гвардейцев. Они перекроют все дороги. Я запер его дверь и выбросил ключ в колодец по пути, но мы должны быстро добраться до Чивитавеккьи. Чезаре нас проводит.

Фрэнсис поежился, словно от холода

— Ты очень бледный, — сказала Полли, — давай принесу тебе вина.

— Спасибо, — Фрэнсис посмотрел на свои руки. Под ухаженными ногтями запеклась кровь.

— Я, видишь ли, два десятка лет никого не убивал, — он помолчал, — особенно так.

— Он все сказал? — Полли принесла с кухни бутылку. Фрэнсис отпил глоток.

— Все, — кивнул муж, — девочка в Картахене, в монастыре Святой Терезы. Остальное для Джона он тоже сказал. У него очень кстати был разожжен камин, — опять посмотрев на руки, Фрэнсис пробормотал:

— Надо вымыть.

— Я согрею воду, — Полли вдруг спросила:

— Как это было?

— Тебе не надо знать об этом, — Фрэнсис ушел в опочивальню.

— Дай мне его, — попросил муж, когда они вышли на Площадь Цветов. Александр спокойно спал. Пристроив его удобнее, Фрэнсис поцеловал ребенка в лоб.

— Пройдем заставу и двинемся в trattoria на северной дороге, — угрюмо сказал Чезаре, — ее хозяин — мой должник. Возьмем у него лошадей. Что ты с ним сделал?

— Многое, — тихо ответил Фрэнсис, — надо было, чтобы он заговорил.

Чезаре похлопал его по плечу.

— Ты просто давно этим не занимался. У тебя руки трясутся. Побудь с женой, я понесу мальчика.

Нагнав Полли, Фрэнсис взял ее за руку.

— Нам надо добраться до Бордо, — тихо сказал он, — где сидит наш человек. Сидел, по крайней мере. Он пошлет доносения Джону и мы что-нибудь придумаем. В крайнем случае я отправлю тебя и Александра в Лондон и... — он не закончил.

Полли твердо ответила:

— Куда бы ты ни поехал, мы всегда будем с тобой.

Губы мужа задрожали.

— Александру я все объясню, — Фрэнсис помолчал, — он умный мальчик и все поймет.

— Он твой сын, — ответила Полли. На ходу приложив мужа к щеке, она вздрогнула от ледяного холода.

— Я забыл, — едва слышно шепнул Фрэнсис, — забыл, как они просят о смерти. Прости, пожалуйста. Печать я у него забрал. На корабле мы напишем письмо твоей матушке.

— Конечно, — Полли оглянулась. — Синьор Чезаре, не тяжело вам?

— Идите, идите, — отозвался Чезаре, — скоро заставка. Хорошо, что мы одеты как бедняки. Меньше вопросов задавать будут.

Полли взяла Фрэнсиса за руку.

— Я никогда тебя не покину.

За поворотом показалась караульная папских гвардейцев. Из-за холмов на востоке поднималось тусклое солнце. Не выпуская ладони мужа, Полли решительно двинулась вперед.

Часть вторая

Лондон, осень 1605

Изящные пальцы с отполированными ногтями повисли над стопкой золотых монет. Написав на листе бумаги цифру, Питер Кроу показал ее собеседнику.

— Сейчас такого процента не обещаю, — он вскинул бровь, — но через два года, когда у нас появятся фабрики на Коромандельском берегу — обязательно. Не сомневайся, дело верное.

Подняв монету, Питер любовался ее блеском.

— Это ваше Карибское море — прибыльная вещь, — заметил он.

Дэниел усмехнулся.

— Нам просто повезло. Галеон мы встретили на обратном пути, у Азорских островов.

— Да, — хмыкнул Питер, — я слышал, что понадобилось десять барж для перевозки золота с «Дракона» в казначейство, а грузчикам в Плимуте зашивали карманы.

Дэниел отпил вина.

— Нам досталось не только золото. Корабль шел из Гоа в Лиссабон. Мы взяли драгоценные камни, жемчуг, амбру, эбеновое дерево.

— Говорят, что его величеству понравились крокодилы,

— улыбнулся Питер, — но как вы их довели из Южной Америки?

— В трюме поставили бадью и меняли воду, — рассмеялся Дэниел. — Его величество хочет заполучить и слонов, поэтому можешь отправиться за ними в Индию.

Питер разлил остатки вина.

— Дорогой племянник, отсюда я езжу только на склады и в усадьбу и так будет всегда, пока я жив. Мне и здесь хорошо. Как, кстати, твоя рука?

Дэниел поморщился.

— Владеть ей, как раньше, я уже никогда не буду. Пуля повредила какие-то важные вещи. Сейчас она стала лучше двигаться, а раньше висела как плеть. Однако я навигатор и мне не надо лазить по мачтам, поэтому я справлюсь.

— Прибыльно, однако опасно, — задумчиво сказал Питер, — так что, вкладываешь деньги?

— Да, — Дэниел тряхнул головой, — я сейчас схожу последний раз в Южную Америку, а потом буду плавать только поблизости, в Бордо, Кале или в Гамбург. Я хочу купить дом, так что золото мне потребуется.

— Зачем тебе дом? — удивился Питер и Дэниел помолчал.

— Потому что я еду за своей невестой. Посмотри.

Юноша протянул дяде бархатный мешочек.

— Это из камней, что пришлись на мою долю с того галеона.

— У Марии Стюарт, матери его Величества, было такое

ожерелье, — Питер потянулся за лупой. — Отличное золото. Не зря я тебе того ювелира рекомендовал.

Он повертел темную жемчужину, окруженную алмазами.
— Родители-то знают?

Племянник, покраснев, что-то пробормотал.

— Ладно, — отмахнулся Питер, — я никому не скажу, и бабушке твоей тоже. Как мама, когда у нее срок?

— В конце месяца, — ответил Дэниел, — мы дождемся родов и разведемся. Отец отправится в Париж, сменить дядю Мэтью, а я двинусь на запад. Мама не заскучает. Стивену только четыре года, да еще и младенец появится. Марта ей поможет на первое время. Она переедет в Мейденхед с Грегори. Он спокойный мальчик, не помешает.

Питер потянулся за большой Библией.

— Матушка, наконец, все записывает. Грегори уже год исполнился. Первый ее правнук, — он пожал племяннику руку.

— Ладно, мне надо поехать и выбрать дом. Я хочу быстро подписать купчую, потому что следующим месяцем венчаюсь. После свадьбы я сразу отправлю жену в деревню. Незачем сидеть в Лондоне, ожидая ребенка.

Дэниел взглянул на дядю сверху вниз.

— Почему ты так уверен, что у вас сразу появится ребенок?

— В брачную ночь, мой дорогой, — наставительно ответил Питер, — я в себе не сомневаюсь. Сегодня я сделаю

предложение и она согласится. Завтра я схожу к ее старшему брату, но с ним я заминок не предвижу, а потом можно шить платье. Я выбрал бежевый флорентийский шелк с бронзовой прошивкой. Цвет подходит к ее глазам.

— К старшему брату, значит, — хмыкнул Дэниел.

— Ты тоже никому не говори, — предупредил его Питер, — но только сегодня. Завтра я велю рассылать приглашения на свадьбу.

Проводив глазами племянника, Питер отряхнул черный камзол.

— Вот так всегда, — он скорчил гримасу, — то дома от людей не протолкнуться, то никого нет. Уильям в школе, адмирал в плавании, а матушка как с утра ушла к собору Святого Павла, так и не возвращалась еще.

— Пойду, перехвачу что-нибудь у мистрис Доусон. В кладовой должна быть какая-то ветчина.

Питер улыбнулся.

— Остался всего месяц, но я потерплю, а потом каждый год пойдут дети. Иначе зачем все это золото.

Запирая дверь кабинета, он поймал себя на том, что весело насвистывает.

Надев очки, Марта повертела письмо.

— В Новый Свет, значит, — вздохнула она, — хоть ненадолго, я надеюсь?

Джон положил свою руку поверх ее изящных, униженных кольцами пальцев.

— На год, не больше. Невозможно было упускать такой шанс, вы поймите. У нас там пока нет ни одного постоянного поселения, а французы, судя по всему, основательно заинтересовались севером, — он взглянул на карту.

— Дядя Мэтью накоротке с Сэмуэлем де Шампленом и он сразу согласился взять Фрэнсиса в экспедицию. Я предложил Полли приехать в Лондон, но... — Джон пожал плечами.

— Да понятно, — вздохнула Марфа, — я тоже отправилась бы за Виллемом и на край света, случись такое. Будем надеяться, что все сложится, а то я еще не видела внука своего.

Взглянув на загорелое лицо герцога, она смешливо спросила:

— Ты хоть отдохнул немного?

Джон смутился.

— Я ездил в Озерный край на рыбалку. Стояла хорошая погода и мы проводили много времени на воде. Со слугами, я имею в виду, — он совсем зарделся.

— Жениться тебе надо, — ворчливо сказала Марфа, — доставай папки по Нижним Землям. Разберемся с тем, что сказал Вискайно.

Джон незаметно потрогал бархатный мешочек в кармане камзола.

— Ваши дочери все замужем, внучка тоже. На ком мне еще

жениться?

Марфа вскинула прозрачные зеленые глаза.

— Ты мальчик взрослый, сам разберешься. Из Новых Холмогор почты не было?

Джон покачал головой.

— Я пытался узнать, что с Робертом и Мэри, но пока не получается. Самозванец столько потратил на свои причуды, что ему пришлось дополнительные налоги вводить.

— Поверь, что его быстро свалят, — Марфа расправила подол шелкового платья цвета палой травы, — но ведь там еще и Теодор с Лизой и их дети, — женщина вздохнула.

— Я помню, — тихо отозвался Джон, — я сам туда поеду, вы не думайте.

Марфа зорко посмотрела на него.

— Пусть мистер Чарльз принесет нам кофе и давай работать. Тебе надо успеть на прием к его Величеству, чтобы разобраться с заговором Фокса.

— Чарльз вас еще с той поры боится, — рассмеялся Джон, поднимаясь, — я сам.

Оставшись одна, Марфа развязала мешочек на запястье. Развернув записку, она прошептала:

— «Милая Луиза» направилась из Бантама в Гоа, где она стояла почти месяц, а из Гоа судно пошло в Амстердам. Жаль, что она затонула следующим годом в Бискайском заливе. Спрашивать теперь не у кого.

Женщина поиграла крупным бриллиантом на пальце.

—И один пропал, и другой и теперь уже навсегда, судя по всему. Однако Беллу мы нашли. Тео, бедная, навзрыд плакала. После родов мы с Дэниелом отправимся в Картахену и заберем дитя. Одного я туда мальчика не пущу. Хватит ему и пули в плече, нечего лезть на рожон.

Марта выложила на стол пистолет.

—Если кому-то сие делать, так мне.

Подняв палый лист дуба, Констанца приложила его к пылающей щеке. В парке царила тишина, только в вольерах нежно щебетали птицы.

—Собрали букет? — она вскочила.

—Да, мистер Майкл. Смотрите.

Полюбовавшись пышными осенними листьями, Волк прочел:

В памяти перебираю,

Все оттенки осенней листвы,

Все перемены цвета...

Не затихает холодный дождь,

В деревне у подножия гор.

— У Джона есть дом в Озерном крае, — отозвалась Кон-

станца, — там очень красиво осенью. Какая осень в Японии?
— Тоже прекрасная, — отозвался он.

Девушка попыталась отдать ему букет, но Волк мягко сказал:

— В усадьбе много деревьев. Отсюда вы отправитесь корпеть над цифрами. Пусть что-то напоминает вам о природе. В Японии дикие гуси летят над горами, а ты сидишь на садовой террасе и любишься алыми листьями кленов на серых камнях.

— Вы мне читали, — Констанца шла рядом и Волк полюбовался тусклой бронзой ее волос.

Девушка вскинула глаза.

— Я помню те стихи.

О многих горестях,

Все говорит, не смолкая,

Ветер среди ветвей.

Узнали осень по голосу

Люди в горном селенье.

— Вы очень хорошо переводите, мистер Майкл, — она все еще глядела вдаль, — я не любительница поэзии, однако японские стихи не похожи на наши. Они очень скромные.

— Изящество простоты, — голубые глаза Волка ласково

посмотрели на нее, — это о Японии. Хотя стихи мистера Шекспира мне нравятся. Мы с миссис Тео не пропускали ни одного нового спектакля.

Он указал на новое здание зверинца, выстроенное по приказу короля Якова.

— Пойдемте посмотрим на крокодилов, которых привез Дэниел, и я провожу вас в усадьбу Кроу.

— Мирьям к вам надолго? Вы же сегодня их с миссис Стэнли забираете? — спросила Констанца.

— Да, — Волк пропустил ее вперед, — когда они вернутся от пациентки. Надолго ли, — он пожал плечами, — ребенок должен родиться в конце месяца. Осталось немного.

— И потом вы отправитесь в Париж, — тихо сказала Констанца.

— Дядя Мэтью обещал водить мою жену в театры, — усмехнулся Волк, — и я буду навещать Лондон.

Крокодилы лежали в большой деревянной бадье, окруженной густой толпой зевак. Наиболее смелые дамы перегибались через край, но сразу, ахая, отступали назад.

— В день шесть цыплят съедают, — гордо сказал служитель в королевской ливрее, — прямо на части рвут.

— Адмирал рассказывал, что они водятся и на востоке, — Волк взглянул на неподвижные темные тела. — Теперь его Величество хочет заполучить слона и зверей из Африки.

— Мне понравилось в Париже, — повернулась к нему Констанца, когда они шли к выходу из парка. — И кормят

там вкусно.

— Приезжайте, — рассмеялся Волк, — миссис Тео присоединится ко мне в следующем году, когда дитя подрастет. Мы всегда будем вам рады.

— Спасибо, — отозвалась Констанца, горько сказав себе.

— Забудь. Он такой красавец. Он на тебя не смотрит и никогда не посмотрит. Делай балансы и прозябай в одиночестве до конца дней своих.

— Вы задумались, — мягко проговорил Волк.

— Да, — девушка взглянула на толпу, наполняющую полуденный Сити, — вам надо на Лайм-стрит к миссис Стэнли. Дальше я дойду сама, спасибо за прогулку.

— Уверены? — Волк озабоченно посмотрел на нее.

— Ничего страшного, — попыталась улыбнуться Констанца, — передавайте привет миссис Тео и Марте.

Волк наклонился над ее рукой и девушка вздрогнула.

— Меня ждет Питер. Мы сегодня проверяем счета. Всего хорошего, мистер Майкл.

Она быстро пошла к усадьбе. Проводив глазами ее рыжую голову, Волк повернул на север.

Констанца смахнула со щеки слезу.

— Уродина, — напомнила она себе, — и уродиной останешься. И вообще, как ты посмела! Он женат, у него дети, даже внук есть. Не думай о нем!

Вернувшись из Озерного края, Мирьям томно сказала:

— Очень жаль, что твой брат никогда не поступит так, как

мой папа. Иначе я вышла бы за него замуж.

— А ты? — спросила Констанца. Тонкая бровь подруги дернулась.

— Не для того моя бабушка, умирая, тащила мою мать вверх по ледяному склону, не для того ее прятал отец миссис Марты, не для того моя мама стояла на костре, чтобы я все это бросила. Даже ради твоего брата, — отчеканила Мирьям.

Взглянув в упрямые карие глаза подруги, Констанца покраснела.

— Но ведь ты его не любишь?

— И он меня тоже, — расхохоталась Мирьям, — все это только разговоры.

Шмыгнув носом, девушка пощупала деньги в мешочке на поясе.

— Пойду и куплю книг, — решила Констанца, — заодно и успокоюсь. Питер подождет, он еще обедает.

Спустившись по выщербленным ступеням, вдохнув запах бумаги и пыли, девушка невольно улыбнулась.

— Леди Констанца, — торговец вскочил ей навстречу, — рад вас видеть, с той недели не заходили к нам. Вам как обычно?.

Сняв с обитого потрескавшейся кожей кресла пачку книг, хозяин лавки радушно сказал:

— Сейчас все принесу, я для вас особо откладываю. Хотите, я пошлю мальчика за элем? Или налить вам вина? Хорошее бордо я держу для достойных покупателей.

Приняв серебряный бокал, Констанца порылась в плетеной корзине с новинками.

— Я, пожалуй, возьму это, — она отложила «Практику химической и герменевтической физики» Томаса Тимма.

— Не советую, — раздался рядом смешливый голос, — чистая алхимия, перевод трактата Жозефа Дюшена, личного врача короля Генриха. Впрочем, многим женщинам мистика кажется увлекательной.

Красивый юноша в камзоле испанской кожи оперся о спинку ее кресла. Констанца сердито ответила:

— Мне не кажется. Я предпочитаю мистике науку. Вы читали сэра Фрэнсиса Бэкона?

Юноша бесцеремонно посадил ей на колени дремлющего ребенка. Констанца невольно вздрогнула, он рассмеялся:

— Зубы у малыша есть, однако он не кусается, — юноша достал из—под мышки книгу, — я купил «О значении и успехе знания, божественного и человеческого», сэра Бэкона. Вы читали?

— В рукописи, — сладко ответила Констанца, — сэр Фрэнсис дружит с моим старшим братом. Меня зовут леди Констанца Холланд.

— Мистер Джозеф, — поклонился юноша, — я, кстати, врач.

— Это ваше дитя? — поинтересовалась Констанца. Ребенок, просыпаясь, тер смуглыми кулачками немного раскосые глаза.

—Младший брат, — расхохотался юноша, — его зовут Пьетро, а по-английски — Питер. У меня еще есть сестра Анита, она старше Пьетро на полчаса.

Устроив мальчика на руках, он весело добавил:

—Пойдем навстречу остальным. Мы далеко убежали, а они идут медленно и все рассматривают. Рад был познакомиться, леди Холланд, — поклонился юноша.

Посмотрев ему вслед, Констанца сказала торговцу:

—Я, пожалуй, возьму «Оптику в астрономии» мистера Кеплера.

—Последний экземпляр, — уважительно отозвался хозяин, — вам завернуть сейчас или прислать домой?

—Не надо заворачивать, — остановила его Констанца, — я почитаю по дороге.

Оказавшись на улице, Констанца заметила давешнего юношу. Его родители шли вверх от пристани на Темзе. Дети ковыляли, взявшись за руки. Отец, высокий, уже пожилой, рассмеявшись, подхватил их обоих. Семья свернула к собору святого Павла. Открыв книгу, Констанца направилась к усадьбе Кроу, перелистывая на ходу страницы.

В тяжелых бронзовых канделябрах горели свечи. Констанца с пером в руке просматривала счета. Питер неслышно хмыкнул:

—Дом хороший. От усадьбы недалеко и тоже на реке. Можно завести лодку и пони для детей. И слуг, наконец, на-

нять. Матушка их не держит из-за бумаг, — он усмехнулся, — а я таким не занимаюсь. Забрать бы туда мистрис Доусон, однако она от матушки никуда не поедет. Опять же у Тео сейчас ребенок появится, — он потрогал мешочек с кольцом, — все, решено. Надо подписывать купчую.

—Здесь ошибка, посмотри, — сказала Констанца, — два раза оплатили один и тот же счет.

Поднявшись, она передала Питеру документы. Девушка склонилась над его плечом. Вдохнув горький запах цитрона, Питер положил ладонь поверх ее смуглой, с нежными пальцами руки.

—Видишь? — поинтересовалась Констанца.

—А? — он поднял синие глаза.

—Да, вижу. Надо написать поставщику и приложить копии счетов, пусть сделает возврат средств. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Констанца.

Поднявшись, Питер достал кольцо.

—Это индийские топазы, они подходят к твоим глазам. Завтра я схожу к Джону, но я хотел сначала заручиться твоим согласием. Я выбрал дом в деревне, на реке. Через месяц можно обвенчаться у Святой Елены. Надень, — он передал девушке драгоценность.

Констанца помолчала.

—Я очень польщена, но я не могу. Я тебя не люблю.

—Ты полюбишь, — уверил ее Питер, — и я тоже. Муж должен любить свою жену. Надо только подождать.

Девушка откинула изящную голову.

— Я не хочу, чтобы меня любили потому, что так положено, Питер, — яростно сказала Констанца, — Посмотри на себя! Ты все делаешь по плану. Ты и жениться решил потому, что пришло время!

Он удивленно пожал плечами.

— А как иначе? Так и надо. Ты хорошая девушка, умная, у нас появятся дети...

— Ты даже к шлюхам ходишь потому, что так положено, — ядовито заметила Констанца, — и тоже в определенное время!

Отчаянно покраснев, Питер пробормотал:

— Откуда ты знаешь...

— Все Сити знает, — отмахнулась Констанца, — каждый четверг с девяти до полуночи, могу даже сказать куда.

— Я не хочу ходить к шлюхам, — неожиданно зло ответил Питер, — я хочу семью и детей, чтобы все было, как надо.

— Во-первых, — Констанца вскинула острый подбородок, — ты отлично знаешь, что я не хочу венчаться...

— Чушь, — прервал ее Питер, — детская болтовня. Я с большим уважением отношусь к твоему покойному отцу, но его взгляды...

— Не смей говорить дурное о моем отце, — угрожающе произнесла Констанца, — он был великий ученый. Моя мать, кстати, соглашалась с ним насчет венчания.

Питер хотел что-то ответить, но, заметив холодный огонек

в ее глазах, прикусил язык.

—Во-вторых, — продолжила Констанца, — я люблю дру-
гого человека...

—Кого ты можешь любить? — удивился он.

Констанца схватила со стола серебряный нож для бумаг.

—Ты считаешь, что если у меня большие уши и большой
нос, если я некрасивая, то я никого не могу любить?

—У тебя обыкновенные уши, — примирительно заметил
Питер, — нет, так нет. Хорошо, что я не стал заранее оформ-
лять купчую на дом.

Констанца протянула ему кольцо.

—Отдай его той, которую ты и вправду полюбишь. Той,
без которой ты жить не сможешь, той, за которой поедешь
на край света и даже дальше.

Питер сунул драгоценность в карман.

—Не уверен, что я куда-то поеду. Я не люблю путешество-
вать.

—О, — заметила Констанца, вернувшись за стол, — это
пока. Моя мама сбежала к моему отцу в одном платье и ни-
когда ни о чем не жалела. Так же случится и у тебя, только
подожди.

Питер широко улыбнулся.

—Если кто-то сбежит ко мне в одном платье, я найду во
что ее одеть.

Констанца протянула ему руку поверх стола, заваленного
толстыми томами расчетных книг.

—Давай останемся друзьями, ладно? И я продолжу делать тебе балансы и все остальное.

Питер небрежно погрыз перо.

—Если мы друзья, то кого ты любишь?

Констанца, зардевшись, пробурчала:

—Не твое дело. Запиши насчет поставщика, иначе забудешь.

—Уже записал, — уверил ее Питер, — давай двигаться дальше. Я хочу разобрать неоплаченные счета.

Слушая треск фитилей в свечах, он неслышно вздохнул:

—С другой стороны, она права. Даже мне хочется, чтобы меня любили. Только найдется ли такая девушка, в одном платье...

Он невольно рассмеялся и Констанца строго сказала:

—Не отвлекайся!

—Я над этим, — Питер перебросил ей счет, — никогда еще не видел, чтобы в одном слове делали столько ошибок.

—Зачем тебе двадцать пачек леденцов? — нахмурилась Констанца. Питер ответил:

—Это были свечи.

Они в один голос расхохотались.

На ступенях собора Святого Павла Джованни сказал жене:

—Оставайтесь здесь, Хосе за вами присмотрит. Я схожу по делам и быстро вернусь.

—Так много людей, — восторженно отозвалась Мияко, — в Лиссабоне и Бордо их было меньше. Даже страшно.

—Мы в церкви, — успокоил жену Джованни, — не бойся. Хосе рядом.

Вдохнув запах вишни, он незаметно коснулся выбившейся из-под ее чепца черной пряди.

—Господи, я уже и не знаю, как мне Тебя благодарить, — Джованни скрыл счастливый вздох.

—Хорошо, сенсей, — она поклонилась и Джованни в который раз поймал себя на улыбке.

—Хочу с папой,— капризно сказала Анита, протянув ручки, — только с папой!

—Дочка, — строго одернула ее Мияко, — так нельзя, нельзя кричать!

Подхватив девочку, Джованни поцеловал ее темные кудряшки. Расправив подол бархатного платья, Анита гордо проговорила:

—Я с папой

—Я с мамой! – Пьетро тоже попросился на руки. Хосе сказал мачехе:

—Пойдемте, Мияко-сан, посмотрим, это очень красивый собор.

Они зашли внутрь. Пощекотав Аниту, послушав ее залихватистый смех, Джованни завернул за угол. Пройдя переулком, он постучал в синюю дверь трехэтажного дома. Маленькое, забранное решеткой оконце отворилось и кто-то непривет-

ливо буркнул:

— Это частное владение, мистер.

— Я знаю, — усмехнулся Джованни, — пожалуйста, передайте, что пришел Испанец, а я пока подожду.

— Не пускают, — грустно проговорила Анита, засунув палец в рот.

— Сейчас пустят, — уверил ее отец, возвращая пальчик на место. Заскрипел поднятый засов и невидный человечек замялся.

— Проходите, пожалуйста, проходите. Ребенок по работе?

— Отчего же, — рассмеялся Джованни, — это моя дочка. Поздоровайся, — велел он девочке.

— Меня зовут Анита, — звонко сказала та. Привратник незаметно улыбнулся.

— Кого я здесь только не видел, но чтобы с дочкой являлись, такое в первый раз.

— Добро пожаловать, мисс, — поклонился он, пропуская Джованни в темную переднюю.

Джон пристально рассматривал карту Нижних Земель.

— Интересно. Получается, что у испанцев в Вахтендонке сидит свой человек. То-то я думал, что уж больно они город быстро взяли.

— Больше и не сидит, наверное, — Марфа отпила кофе, — он отправился в другое место. Пойди, найди его теперь. Вискайно не знал его имени.

— Или не сказал, — задумчиво проговорил Джон, — хотя вряд ли. Фрэнсис основательно с ним поработал. Может быть, вам не стоит ездить в Картахену, миссис Марта? — озабоченно спросил он.

Марфа взглянула на косые лучи закатного солнца.

— Мой старший внук оттуда пулю в плече привез, — кисло ответила она, — и чуть не потерял руку. Еще хорошо, что левая. Адмирал, сам знаешь, надолго на восток ушел. Они с Виллемом Янсоном хотят проверить, действительно ли там есть еще один континент, как думал покойный Гийом. Вряд ли он вернется раньше следующей осени. Уильям в школе, так что я могу отправиться даже в Новый Свет. Хоть посмотрю на него, — подытожила Марфа.

— Или в Нижние Земли, — пробормотал Джон, — если Уильям не дома.

— Обещаю, что сразу поеду туда, как только привезу Беллу матери, — мягко ответила Марфа.

В дверь тихонько постучали. Джон, извинившись, поднялся. Обменявшись парой неслышных слов с привратником, он обернулся.

— Я сейчас. Простите, пожалуйста, папа меня предупредал, что такое возможно, но я, честно говоря, давно его похоронил.

— Кого? — непонимающе спросила Марфа, но Джон уже вышел. Она погрызла перо.

— Письмо от Вискайно с его печатью имеется. Докумен-

ты себе и Дэниелу я сделаю хорошие, итальянские, ребенка нам отдадут. Я стану сестрой злодейски убитого сеньора Себастьяна, да покоится душа его в мире.

Взяв чистый лист бумаги, Марфа погрузилась в работу.

—Здравствуйте, — Джон закрыл за собой дверь кабинета, — садитесь, пожалуйста, садитесь.

Высокий пожилой мужчина в черном камзоле протянул руку.

—Меня зовут Джованни ди Амальфи. Я Испанец.

—Погодите, — Джон посмотрел на пухленькую хорошенькую девочку. Малышка весело встряла:

—Я – Анита! Анита!

—Рад встрече, — Джон стер пот со лба, — но я читал в донесениях из Рима, что вас хотят канонизировать. На вашей могиле растут неувядающие цветы.

—Да, — небрежно ответил Джованни, — там крест из бронзовых хризантем, куда возят на излечение калек. В общем, вы правы, но его Святейшество у нас педант. Он хочет видеть нетленное тело, как положено, поэтому вряд ли меня внесут в списки святых мучеников.

Он пообещал Аните:

—Я поговорю с джентльменом и пойдем к маме.

—Я могу дать чернильницу с пером и бумагу, — предложил Джон, — пусть порисует.

—Измажется вся, — хмыкнул Джованни, — но спасибо, хоть будет при деле.

Он опустил девочку на потертый персидский ковер. Положив рядом бумагу, Джон изумленно спросил:

—Но как?

Джованни развел руками.

—Мой приемный сын очень хороший врач, но я не разбираюсь в восточной медицине. На вид казалось, что я мертв, а мое тело проверяли наши друзья.

—Я читал о такой казни, — отозвался Джон, — в яме почти нет воздуха, и потом там запах и крысы...

—Неприятно, — согласился Джованни, — но я не мог позволить убийства невинного человека. Пришлось потерпеть, а потом мы дошли пешком до Нагасаки, где уже было проще.

—А цветы? — поинтересовался Джон и Джованни пожал плечами.

—Сами понимаете, что к ним я не имею ни малейшего отношения.

Отперев железный шкаф, Джон достал конверт.

—Это для вас. Думаю, что его Величество захочет вас увидеть. Я все ему докладываю, но нет ничего лучше сведений из первых рук. Однако сначала вы обустройтесь.

—Это очень щедро, — Джованни поднял бровь.

—Как сказал мой отец... — начал Джон и Джованни прервал его:

—Господи, я только сейчас понял, что в последний раз я видел вашего отца, когда вас еще не было на свете. Той осенью вы только должны были родиться. Меня тогда Орсини ранил, я в Риме отлеживался, а потом все завертелось... — он махнул рукой.

Внимательно взглянув на собеседника, Джон заметил:

—Мой отец сказал: «Это самое малое, что мы можем ему дать». Не волнуйтесь, — он помедлил, — но, вы, наверное, хотите уйти на покой?

—Отчего же, — удивился Джованни, — только ездить я не могу. Кроме нее, — он показал на девочку, увлеченно чиркающую пером по бумаге, — у меня есть и сын, Пьетро, они двойняшки. И жена тоже есть. Но если что-то бумажное...

—Отлично, — обрадовался Джон и Джованни спросил:

—Вы не знаете, Виллем де ла Марк, моряк, жив еще? И жена его, миссис Марта? Мы с ней старые знакомцы, хотелось бы увидеться.

—Адмирал в плавании, — улыбнулся Джон, — а миссис Марта, — он поднялся, — пойдемте.

Пристроив дочь удобнее, Джованни шагнул через порог. Не поднимая головы, Марта ворчливо сказала:

—Что-то ты долго. Кстати, я поняла, кого нам надо искать. Иди сюда, я тебе объясню.

—Марта, — Джованни откашлялся, — здравствуй, Марта.

Женщина повернулась и Джованни понял, что она почти не изменилась. Бронзовые волосы не тронула седина, она осталась такой же изящной, только вокруг зеленых глаз легли тонкие морщины.

—Ты же умер, — потрясенно шепнула женщина, — Виллем сказал мне, что тебя казнили в Японии.

—Получилось, что нет, — развел руками Джованни. Вытащив из рукава кружевной платок, Марфа промокнула глаза. Анита озабоченно спросила:

—Почему плакать?

—Не плакать, — уверила ее Марфа, — не плакать, радость моя. Иди ко мне.

Она протянула руки и Анита восхищенно уставилась на изумрудные серьги.

—Красота. Ты тоже красота, а я Анита.

Марфа рассмеялась.

—Ах, какая ты у нас сладкая, — она взглянула на Джованни. —Разумеется, ты поселишься у нас. Здесь недалеко, у церкви Святой Елены. У тебя же не одна она, наверное?

Марфа поцеловала девочку в пухлую щечку.

—У меня много, — Джованни смотрел на нее, вспоминая мост над рекой Арно, — у меня еще ее брат, жена моя и приемный сын.

—Очень хорошо, — Марта покачала Аниту. —Где они

сейчас?

—В соборе Святого Павла, — непонимающе ответил Джованни, — а что?

—Джон, — позвала Марфа, — иди сюда! Бери девочку, найди семью Джованни и веди их к нам в усадьбу. Пусть мистрис Доусон все приготовит, она знает. Ты сегодня тоже обедаешь у нас, разумеется.

—Но как я их найду? — удивился Джон, принимая на руки Аниту. Марфа подняла бровь.

—Посмотри на ребенка, и поймешь. Японка ведь твоя жена? — поинтересовалась женщина. Джованни кивнул и она обернулась к Джону.

—Вряд ли в соборе Святого Павла окажется сразу две японки.

—Ее зовут Мияко-сан, — добавил Джованни, — или миссис Мария, как вам удобнее.

Закрыв дверь на засов, Марфа попросила:

—Садись, пожалуйста. Давай я тебе сразу все скажу. Виллем ничего не знал и Тео тоже. Никто не знает, кроме меня и... — она не договорила.

Взглянув на испещренную пометками карту Нижних Земель, на стопку рукописных отчетов, Джованни тихо спросил:

—Что не знают?

Повертев очки на шелковом шнурке, Марфа решительно сказала:

—У тебя есть еще одна дочь.

—Мама! Мама! — звонко закричала Анита и Мияко-сан, покраснев, поклонилась.

—Простите, господин, девочка еще маленькая, извините ее.

—Да что вы, — ласково ответил Джон, незаметно полюбовавшись едва видной в скромном вырезе платья белоснежной шеей женщины. Он еще никогда не видел выходцев из Японии. Миссис Джованни напомнила ему пышную розу.

—Меня послал ваш муж, — объяснил он, — мистер Джованни велел проводить вас в усадьбу, где вы пока будете жить. Здесь недалеко. Меня зовут лорд Джон Холланд.

Невысокий юноша, показывающий Пьетро бронзовые двери собора, обернулся.

—Погодите, — спросил он, — леди Констанца Холланд — ваша сестра?

—Сестра, — непонимающе согласился Джон, — а вы ее откуда знаете?

Опустив мальчика на мраморные ступени паперти, юноша протянул руку.

—Я Джозеф, — белые зубы блеснули в улыбке, — или Хосе. Папа, наверное, упоминал обо мне. С вашей сестрой я познакомился в книжной лавке по соседству.

—Наше любимое заведение, — Джон пожал его крепкую ладонь, — я слышал, что вы врач?

—Да, магистр Болонского университета, — юноша подхватил брата на руки, — а еще я учился в Индии, Китае и Японии.

Джон изумленно открыл рот.

—То, что вы сделали с вашим отцом...

—Вообще-то я волновался, — признался Хосе, — насколько я знаю, такое еще никому не удавалось. Однако мне удалось, — он подбросил Пьетро на руке, — и настолько, что через девять месяцев после этого я принял двоих замечательных младенцев, больше шести фунтов каждый.

Мияко-сан, смущенно зардевшись, пробормотала:

—Давайте я пойду за вами с Анитой, а вы показывайте куда.

Спустившись на площадь, Хосе любовался золотящейся на солнце Темзой.

—Двойняшки родились уже в Макао, — объяснил юноша, — откуда мы поплыли в Бантам, и, обогнув Африку, добрались до Лиссабона. Путешествие заняло почти три года, но теперь папа отдохнет.

—А вы сами откуда? – спросил Джон.

Красивое смуглое лицо юноши озарила широкая улыбка.

—Я из Лимы, — ответил Хосе, — я сирота. Моя мать была индианкой. Когда ее убили, папа меня усыновил.

Повернув на Бишопсгейт, Джон заметил:

—Ваш отец замечательный человек. Таких сейчас и не встретишь.

—Я его очень люблю, — нежно ответил юноша, — только ему выпало мало счастья в жизни и миссис Мария тоже потеряла всех своих детей в Японии, — он поцеловал Пьетро в темный затылок, — но видите, как теперь все сложилось.

Догнав их, Мияко-сан озабоченно спросила:

—Скажите, господин, а что с Тео-сан? Знаете ли вы, где она? И Масато-сан, ее муж?

—Конечно, — улыбнулся Джон, — и, пожалуйста, не называйте меня господином. Просто мистер Джон. Миссис Тео в деревне, она ждет ребенка в конце месяца. Муж ее, мистер Майкл, тоже там. Дочка их, Марта...

—Марико-сан, — прервала его женщина. Густо покраснев, она извинилась:

—Простите, господин.

—Не обращайтесь внимания, — неслышно шепнул Хосе, — она всегда так делает.

—Именно, — добродушно согласился Джон, — она замужем, а ее мальчику, Грегори, уже год. Дэниел стал моряком и ходит в Новый Свет.

—Господи, — Мияко перекрестилась, — я и не чаяла их увидеть.

Оглянувшись, она добавила:

—Смотрите, как здесь красиво. Листва на деревьях бронзовая, а небо совсем голубое. Только вот все еще очень много людей.

—Привыкнете, — уверил ее Джон, постучав медным мо-

лотком в парадную дверь усадьбы Кроу.

—Здесь живет миссис Марта, мать миссис Тео. И ее муж, адмирал Виллем, только он сейчас в плавании. И дети их, и моя сестра.

Джон, рассмеявшись, поцеловал открывшую дверь Констанцу.

Темные глаза девушки остановились на Хосе, и она обрадовано сказала:

—Мистер Джозеф! Мы виделись в книжной лавке!

Джон пропустил Мияко-сан вперед.

—Здесь мы все как дома.

Развернув большой атлас, Марта показала Джованни точку на карте.

—Это примерно здесь, — женщина помолчала, — поселение назвали Акадией. Джованни да Верраццано окрестил все побережье Аркадией из-за его красоты, но французы собираются осваивать север.

—Очень надеюсь, что Полли отправилась в те края ненадолго, — вздохнул Джованни, — или, может быть, мне все-таки поехать к ней?

—Даже и не думай, — отрезала Марфа, — тебе идет седьмой десяток и у тебя еще двое малышей. Полли через год вернется, и ты увидишь и ее, и Фрэнсиса, и своего внука Александра.

—Я работал с Фрэнсисом, то есть Франческо, в Риме, —

Джованни все смотрел на карту, — он говорил, мне, что женат, но из-за наших правил я не спрашивал на ком. Потом, — он помолчал, — мне надо было присутствовать на казни синьора Бруно...

—Господи, — Джованни закрыл глаза, — я понял. Я видел ее на балконе на Площади Цветов. Франческо упоминал, что там его комнаты. Я ее видел...

Марфа пожала его руку.

—Полли очень красивая, — тихо сказал Джованни, — ей сейчас двадцать семь, а в январе будет двадцать восемь. Франческо хороший человек, я рад за нее. Я не знал, что у него есть титул.

—Полли у нас графиня Ноттингем, — ласково сказала Марфа, — а мальчику в ноябре исполнится пять лет.

—В ноябре, значит, — Джованни рассмеялся, — значит, Франческо последовал моему совету.

Он еще раз взглянул на атлас.

—Ворон тогда мне солгал, — добавил Джованни, — а не солгал, ничего бы этого не случилось. Я бросил бы все и приехал за Полли.

—Прости его, — Марфа не отпускала руки Джованни, — он очень любил Марию. Мой брат мог любить, что бы там о нем ни говорили.

—Я понимаю, — кивнул Джованни, — много лет прошло, Марта. Ничего, Полли вернется и мы встретимся, а потом все скажем твоим детям.

—Конечно, — согласилась женщина.

—Я бы хотел сходить на могилу Марии, — Джованни глу-
боко вздохнул, — и к мужу твоему. Я назвал сына в его честь.

—А дочку в честь Анушки, — Марфа погладила его ла-
донь, — мне Виллем все рассказал. Мне очень жаль, милый.
Они оба похоронены на нашем деревенском кладбище. Вы
приедете в усадьбу и сходим туда. Посмотришь на своего
крестника, — женщина улыбнулась, — на Стивена, и Тео с
Майклом порадуются.

Джованни повертел перо.

—Скажи, а Кардозо, родители первого мужа Эстер, живы
еще?

—Да. Дону Исааку, правда, уже за семьдесят, но с ними
все в порядке, — ответила Марфа, — а что?

Джованни попросил:

—Сходишь со мной к ним потом?

Марфа внимательно взглянула на него.

—Не надо, Джованни. Они воспитали дочь сэра Стивена
и Эстер, Мирьям. Не надо им знать, что сэр Стивен убил их
сына, я прошу тебя! Пусть мертвые спокойно спят в своих
могилах. Не надо мстить.

—Нет, — покачал головой Джованни, — мой приемный
сын, Хосе, ребенок Мендеса, их внук. Я ведь могу им это
сказать, как ты думаешь?

Марфа вытерла его щеку кружевным платком.

—У Джона где-то здесь было виски, отца его запасы. Вы-

пей немного и пойдем обедать. Завтра возьми моего сына, Питера, он хорошо разбирается в недвижимости. Езжайте, присмотрите вам дом.

Джованни поднес к губам ее руку.

— Я даже не поблагодарил тебя за то, что ты вырастила Полли, — тихо сказал он. Марфа достала из орехового поставца бутылку с янтарной жидкостью,

— В ночь, когда умерла Мария, я и сама родила. Тоже девочку и назвала ее Марией, — женщина подала Джованни бокал, — они, как были сестрами, так и останутся.

— Конечно, — Джованни поперхнулся виски. — Господи, как можно это пить, когда есть вино?

— Тогда пошли, — Марфа поднялась, — у меня лучший погреб в Сити, ты такого вина никогда не пробовал.

— Я, дорогая моя, — Джованни открыл ей дверь, — обедал за столом его Святейшества. Меня ничем не удивить.

Оказавшись на улице, Марфа велела:

— Только осторожней. С тех времен, когда ты в последний раз навещал Лондон, экипажей стало раз в десять больше, а еще портшезы и всадники. Хорошо, что рынок уже закрылся, телег нет. Неровен час, еще наедет кто-нибудь, улицы-то узкие.

— Ничего, — отозвался Джованни, — скоро я усядусь в беседке у реки. Буду переводить стихи и возиться с детьми и внуками. У Полли с Фрэнсисом, наверное, еще кто-то родится, когда они вернутся?

—Родится, — уверила его Марта, — и не один. Тео уже к сорока, а она тоже на сносях. Десятый внук у меня появится или внучка.

Остановившись у ворот, она весело сказала:

—Мы пришли!

Наклонившись к Мияко-сан, мистрис Доусон озабоченно шепнула:

— Не знаю, понравится ли вам. Адмирал Виллем говорил, что в Японии едят по-другому.

—Что вы, — женщина покраснела, — большое спасибо, очень вкусная рыба. Мы много путешествовали, я привыкла к разной кухне. И спасибо, что помогли уложить детей.

Экономка ласково коснулась руки женщины.

—Я все приготовила в опочивальне. Комнаты смежные, если детки проснутся, вы их услышите. Какие они у вас замечательные! Вы скоро поедете в усадьбу, там сын миссис Тео и внук ее. Они вместе поиграют.

—Давно вы здесь работаете? – спросила Мияко-сан и мистрис Доусон рассмеялась.

—Почти полвека. Дождусь, когда у мистера Питера дети родятся и уйду на покой.

Мияко обвела глазами большой стол орехового дерева. Поймав взгляд мужа, она нежно улыбнулась.

—Господи, вот и все, — поняла женщина, — мы дома. Как странно, я никого не знала до сегодняшнего дня, а теперь

все они будто родные. Какая красавица миссис Марта, а ведь ей за пятьдесят.

Попробовав вино, Марта одобрительно сказала:

— Это из тех бутылок, что мой брат присылает. Он сейчас в Париже, но скоро приедет и вы с ним познакомитесь. Он уходит в отставку, — Марта усмехнулась, — а Майкл, то есть Масато-сан, его сменит.

— Ешь, — Питер подтолкнул Джона, — удача, что в кладовой висел олень. Тебе еще к его Величеству ехать, там не покормят, наверное?

— Да, — Джон отрезал себе большой кусок, — я, как обычно, останусь у него до утра. Пусть Констанца у вас переночует, ладно?

Кивнув, Питер начал:

— Мистер Джованни...

— Дядя Джованни, — поправил его ди Амальфи, — мы с твоим отцом были лучшими друзьями, поэтому никак иначе.

— Хорошо, — Питер отложил вилку, — у меня на примете есть отличный дом. Он тоже на реке, немногим выше нашей усадьбы. Я собрался подписывать купчую, но оказалось, что не нужно. Цена очень выгодная. Давайте, съездим завтра и посмотрим.

— Спасибо, — отозвался Джованни. Налив себе вина, Джон удивленно спросил:

— Зачем ты вздумал покупать дом?

— Так, — пожал плечами Питер. Заметив пристальный

взгляд матери, юноша покраснел.

—Завтра я осмотрю вас, миссис Марта, — предложил Хосе, — и проверю ваши глаза. К сожалению, пока медицина бессильна исправить зрение, но в будущем — кто знает?

—Когда я не сижу над бумагами, то все в порядке, — отозвалась Марта, — и, как мне кажется, хуже не становится, потому что очки помогают.

—Я сейчас читаю «Оптику в астрономии» мистера Кеплера, — вмешалась Констанца, — он пишет о телескопах-рефракторах. Я уверена, что пройдет еще несколько лет, и мы сможем наблюдать другие планеты, как и предсказывал мой отец! Сейчас использование оптики ограничено очками и подзорными трубами, но за ней будущее.

—Ваш отец был ученым? — спросил Хосе.

—Мой родной отец, — ответила девушка, — а воспитал меня мистер Джон, отец моего старшего брата.

Сама налив себе вина, Констанца добавила:

—Может быть, вы слышали о моем родном отце. Его звали Джордано Бруно.

Хосе кивнул.

—В Италии есть физик, Галилео Галилей, я читал его труды. Он развивает мысли вашего отца. Синьор Бруно был великий человек, мисс Констанца.

—Синьор Галилей слишком осторожен, — резко ответила девушка, — он боится инквизиции. Мой отец до смерти не отрекался от своих убеждений!

—Я знаю, — согласился Хосе, — благодаря моему приемному отцу, синьору Джованни, у вашего отца была возможность писать. Мой папа был его исповедником, — юноша улыбнулся, — только на исповедях они разговаривали об астрономии.

Констанца взглянула на Джованни.

—Папа завещал мне всегда поступать, как велят совесть и честь.

Положив мягкую ладонь на руку девушки, Марта шепнула:

—Хочешь у меня в опочивальне сегодня поспать? Мы разожжем кальян. Как вы считаете, сеньор Хосе, табак ведь не вреден?

Молодой человек вздохнул.

—Пока мы не видели ни одной смерти, вызванной табаком, чего нельзя сказать о вине. Печень пьющего человека...

—Пожалуйста, — вмешался Джованни, — не надо о трупах за столом. Мы привыкли, но здесь не все медики, дорогой мой.

—Вы должны обязательно показать мне печень! — потребовала Констанца. —Я больше интересуюсь математикой и физикой, но не отрицаю важности естественных наук. Я покажу вам свою студию. Я переписываюсь с мастерами из Амстердама, они тоже занимаются оптикой. Сейчас я работаю над прибором, который может быть вам полезен. Он более точен, чем лупа, — улыбнулась девушка.

—Наконец-то, — обрадовано сказал Хосе, — вы не представляете, леди Констанца, насколько легче станет нам, медикам, когда мы поймем истинное строение вещей.

—И найдем невидимые невооруженному глазу силы, вызывающие заболевания, — добавила Марфа. —Организмы, живущие везде, даже в оленине на наших тарелках.

—Мама, — укоризненно заметил Питер, — мы же еще не поели!

—Ваша матушка, — обратился к нему Джованни, — могла бы стать ученым. Мне и синьор Бруно так говорил. Конечно, если бы женщинам разрешали поступать в университеты.

—Редкостное мракобесие, — яростно сказала Констанца, — и так везде. Джон закончил Кембридж, а мне нельзя даже слушать там лекции. В Италии я занималась с профессорами, но частным образом, — она тяжело вздохнула.

Когда женщины поднялись, чтобы выйти из-за стола, Констанца, присев на ручку кресла Джованни, тихо сказала:

—Я очень благодарна за то, что мы с папой могли писать друг другу. Я даже не знаю, как...

Джованни поцеловал ее высокий лоб.

—Что ты, милая. Твой папа очень тебя любил и взял твое последнее письмо на площадь Цветов.

Констанца на мгновение прижалась теплой щекой к его ладони и Джованни попросил:

—Господи, Ты же можешь показать ему девочку. Пусть он порадуется.

Двойняшки спали в колыбели, обняв друг друга. Марфа подняла свечу.

—Какие они хорошенькие! Я тоже младшего своего, Уильяма, почти в сорок два родила, а сейчас он уже в школе.

—Мне сорок один исполнилось, — Мияко смотрела на детей, — у меня шестеро деток умерло, миссис Марта. Мальчики на войне погибли, а дочка от лихорадки. Я и не думала... — женщина чуть слышно всхлипнула.

Марта обняла ее.

—Все закончилось, милая. Я так рада, что вы приехали. Поселитесь в деревне и будете спокойно их воспитывать. Я не знаю, как детей терять. Мои-то живы все, слава Богу, хоть и далеко некоторые.

—Дай Бог, что и никогда не узнаете, — ответила Мияко, — они так легко родились. Хосе-сан просто волшебник, мне почти не было больно. Анита появилась первой и мы думали, что и вторая тоже окажется девочкой, но получился сыночек.

—Устраивайтесь, — Марфа взяла ее за руку, — завтра спите, сколько хотите, вы устали. Я и мистрис Доусон побудем с детками, погуляем с ними на реке.

Мияко взглянула на нее чудными черными глазами.

—Знаете, сенсей, муж мой, — она зарделась, — переводил Евангелия на японский, а я ему помогала. Там был отрывок о Марте, вышедшей навстречу Иисусу и первой в него поверившей. Тогда я думала, что нельзя себя так вести, это

неприлично, но теперь я поняла, что не надо бояться.

Марфа улыбнулась.

—Никогда не надо бояться, Мияко-сан. Ничего и никогда.

В дверь тихо постучали и она обернулась.

—Детьми твоими любимы, мой дорогой Джованни.

Он принял от Марты свечу. На пороге женщина добавила:

—Спокойной вам ночи, и помните, что это и ваш дом тоже.

Поправив меховое одеяло на детях, Джованни поцеловал жену в теплые волосы.

—Пойдем в постель. Ты действительно утомилась, да и я тоже.

Мияко лежала, устроив голову у него на плече, Джованни перебирал ее пальцы.

—Я тебе говорил, счастье мое, что я давно здесь, в Лондоне, очень любил одну женщину. Ее звали Мария.

—Она умерла, — жена поцеловала его руку, — Марта-сан ее знала?

—Да, это была ее невестка, жена брата, — Джованни помолчал, — Мария умерла родами. Я думал, что и ребенок тоже, а оказывается, все это время она была жива. Девочка. Полли, Полина. Марта воспитала ее, как свою дочь. Она уже замужем. У меня есть внук, Александр, ему почти пять лет.

—Это же хорошо, сенсей, — ласково отозвалась Мияко, — но где сейчас ваша дочь и ее семья?

—Далеко, — Джованни обнял жену, — в Новом Свете. Я

показывал тебе на карте. Они вернутся следующим годом.

—Тогда вы с ними и встретитесь, — Мияко погладила его по голове, — отдыхайте, сенсей. Если детки проснутся, то я с ними побуду. Вы же устали.

—В Макао я их обоих на руках часами носил, — ворчливо ответил Джованни, — спи, ради Бога и завтра не вскакивай раньше меня. Когда я с Питером буду уезжать, я запру дверь и отдам ключ Марте. Когда выспишься, она тебя выпустит.

Счастливо рассмеявшись, Мияко задремала, уткнувшись лицом ему в плечо.

Присев на ручку кресла, Марта погладила каштановые волосы сына.

—Приди ты сначала ко мне, — ворчливо сказала она, — ничего бы этого не случилось. Кольцо-то покажи.

Порывшись в кармане, сын протянул ей мешочек.

—Красивое, — хмыкнула Марта, — что отец твой, что ты в драгоценностях всегда разбирались. Констанца правильно тебе сказала — подожди. Мы с твоим отцом так друг друга любили, что ничего вокруг себя не видели. Он за Большой Камень ходил меня искать, так же и у тебя случится.

—Надеюсь, что мне не придется на Москву ехать за женой, — пробормотал Питер.

—Сего ты не знаешь, — мать все гладила его по голове. — Придется и поедешь. И в Индию поедешь, или еще куда.

Тебе сейчас всего двадцать два. Твой отец годом старше был, когда он полюбил Изабеллу. Погоди, говорю тебе.

— Я семью хочу, матушка — ответил Питер. — Вы женщина, вам сего не понять.

— Отчего же не понять, — возразила Марфа., — ты, как твой отец. Он тоже к шлюхам никогда не ходил.

— И я бы не ходил, да... — Питер покраснел.

— Женишься на хорошей девушке и все сие забудешь, — Марфа обняла сына. — Правда, милый, придет еще твое время.

Питер поднял синие глаза.

— Вы только осторожней в Картахене, матушка, пожалуйста. Не лезьте на рожон.

— Не бойся, — рассмеялась Марфа, — я не стану размахивать пистолетом в женском монастыре. Ложись, а то тебе завтра с Джованни в деревню ехать.

— Очень хорошая цена, — уверил ее сын, — и даже своя пристань есть, как у нас.

Марфа поцеловала его в щеку.

— В постель и никаких бумаг перед сном не читай, понятно?

Перекрестив сына, она успокоила себя:

— У него все сложится, а что Констанца ему отказала, сие к лучшему. Ей всего шестнадцать лет, она совсем девочка.

Констанца затянулась кальяном.

—Очень вкусно. Трубка мне не нравится, хотя папа Джон иногда курил, а здесь розами пахнет, а не табаком.

Марфа приняла наконечник слоновой кости.

—Джозеф не по душе тебе?

Подобрав под себя ноги, Констанца укуталась в меховую полость.

—По душе и Питер тоже, но только как друзья, — она покачала головой. — Понимаете, кто на меня посмотрит, я ведь некрасивая.

—Не за красоту любят-то, — отозвалась старшая женщина.

—Жена отца твоего приемного, синьора Вероника, красавицей была, но потом Орсини ей лицо изуродовал, одни глаза остались. Только твой отец ее все равно больше жизни любил. Сама знаешь, Джон рассказывал тебе.

Потеребив кружева на рубашке, Констанца неловко сказала:

—Мне кажется, что я нравлюсь одному человеку, и он мне тоже очень нравится.

—Скажи ему, — Марфа ласково потрепала рыжие косы девушки. — Скажи, не бойся. Твоя матушка босиком из дома ушла, чтобы отцу твоему сказать, что любит его.

Констанца решительно трянула головой.

—Скажу.

Взглянув на Лондонский мост, Хосе понял, что он боится будущего визита. Юноше было странно думать о неизвестных ему людях, как о бабушке и дедушке. Остановившись на набережной, он полюбовался сверкающим серебром осенней реки. Хосе было жаль оставлять приемного отца в одиночестве, но юноша напомнил себе, что с Мияко-сан и двойняшками Джованни не заскучает. По словам тети Марты, Полли с семьей намеревалась вернуться в Англию в следующем году. Хосе собирался отправиться в Святую Землю.

—Мне двадцать четыре года, — он вздохнул — а опять придется учиться. Ничего, на жизнь я себе всегда заработаю, а когда сделаю все, что надо, то женюсь. У евреев я стану Иосифом, — он улыбнулся. — Папа сказал, что отца моего звали Давидом. Давид Мендес де Кардозо.

Помахав выбирающемуся из лодки отцу, Хосе спустился к пристани и Джованни подмигнул сыну.

—Питер на свои склады отправился, вниз по течению. Дом отличный, купчую мы подписали. На следующей неделе можно переезжать. Мебель есть, а с тканями обещал помочь Питер. Все складывается хорошо.

—Розы весной посадишь? – поддразнил его Хосе.

—И розы, — согласился отец, — и беседку сделаю, и лодку заведем, и пони для детей. Деревня рядом, и до усадьбы миссис Марты там мили три, не больше.

Хосе помолчал.

—Я ведь от вас уеду, папа, но не потому что...

Отец потрепал его по черноволосой голове.

—Я все понимаю. Наш дом — твой дом, и так будет всегда. Но ты женись, и чтобы у меня появились еще внуки, — Джованни рассмеялся.

—Мне страшно, папа, — признался юноша, — я совсем не помню своего настоящего отца, только выстрелы и костер. Мы ничего не знаем о происходящем с памятью. Наверное, когда случается что-то ужасное, переживания вытесняют все остальное, тем более у детей.

—Очень надеюсь, что ничего больше не произойдет, — вздохнул отец, — но все равно, поезжай с нами в усадьбу миссис Марты. Тео и Масато-сан тебе обрадуются. Потом отправляйся в Амстердам, хотя, я думаю, одним Амстердамом дело не ограничится.

Хосе оживился.

—Папа, это большая удача! Я поучусь у мусульманских и еврейских врачей и обязательно вернусь в тот же самый Амстердам, а к вам буду приезжать в гости.

—Смотри, миссис Марта ждет нас на углу Бишопсгейта, — заметил отец. Женщина направилась им навстречу.

—Двойняшки погуляли, поели, и спать легли, — деловито сказала Марта, — а жена твоя с мистрис Доусон на кухне закрылась. Она учится готовить наши блюда.

Джованни вздохнул.

—Все-таки я скучаю по хорошей кухне. В деревне я сам буду готовить, итальянское, как в Риме.

—Нас приглашай, — попросила Марфа, — Питер покойный пытался обучить мистрис Доусон, но бесполезно. Она считает, что лучше пирога с почками еще никто ничего не придумал. Волнуешься? — взглянула она на Хосе.

—Конечно, — признался юноша. — Какие они?

—Очень хорошие, — ответила Марфа, увертываясь от пустой телеги. — Они вырастили Мирьям, дочку доньи Эстер и брата моего покойного, сэра Стивена Кроу. Ты с ней познакомишься, когда вы приедете к нам в усадьбу. Она акушерка и донья Эстер тоже была акушеркой.

—Донья Эстер научила меня читать, — отозвался Хосе.

—Да, — рассмеялся Джованни, — я помню, как ты нашел у меня Библию и сказал: «Это я знаю!». И начал читать так бойко, словно семилетний, хотя тебе было всего три года.

Марфа остановилась перед домом на Биверс-маркет.

—Здесь они и живут. Я первая пойду, а вы подождите на улице. Они пожилые люди, надо их подготовить, — подобрав юбки, женщина направилась к парадной двери.

Глядя вслед ее изящной спине, Джованни заметил:

—Мальчик мой, чтобы мы все без нее делали? Смотри, ей шестой десяток пошел, а она в Новый Свет собралась.

—В дверь стучат, — донья Хана выглянула в гостиную. Дон Исаак оторвался от почты.

—Старший сын Фейге покойной, Исаак-Йехезкиель, стал

главой ешивы в Иерусалиме. Сколько ему лет-то, — старик посчитал на пальцах, — чуть за сорок. Юноша еще. А это что такое? — он вытащил из конверта сложенные листы бумаги.

—Смотри, Хана, что Моше пишет.

—Папа, у нас в Антверпене стали издавать листок с новостями, посылаю вам экземпляр. «Шведская армия разбита поляками в битве при Кирхгольме» — прочел старик.

— Ох, эти поляки, — дон Исаак погладил бороду, — пока от них нет. Они сейчас на Москву отправились. Где письмо от Мирьям, младшей дочери Фейге? А, вот оно, — дон Исаак прищурился.

—У нас говорят, что теперь Москва станет католической. Посмотрим, что дальше случится. Дети все здоровы. Старшая моя, Элишева, обручена. Семья хорошая, жених ее сын раввина в Люблине. Хотелось бы вторую девочку, все-таки седьмой мальчик прошлым годом родился, но как Господь даст на этот раз.

—В. Дверь. Стучат, — громко повторила донья Хана.

—Я слышал, — удивился дон Исаак. — Я думал, что ты идешь открывать.

Что-то неразборчиво пробормотав, донья Хана отправилась в переднюю.

—Миссис Марта! — обрадовалась женщина, но сразу побледнела. — Что такое? Мирьям? Случилось что?

—Все в порядке, — ласково сказала Марфа, — они в деревне с миссис Тео. Мне вам рассказать надо кое-что, донья

Хана.

— Проходите, — пригласила ее донья Хана, — дон Исаак в гостиной, почту читает. Он сегодня с утра в порт ходил, из Амстердама целый пакет привезли. Там и от детей Фейге письма, но все хорошо, все хорошо.

Поздоровавшись со стариком, Марта присела, расправив складки платья.

— Вы тоже, донья Хана, садитесь, — попросила она. Старики, даже не глядя друг на друга, взялись за руки.

— Пятьдесят пять лет они вместе, — вспомнила Марфа, — они поженились, когда ей было четырнадцать, а дону Исааку шестнадцать. Они в первый раз увидели друг друга только за день до свадьбы. Господи, сейчас и не бывает так.

Марфа откашлялась.

— Вы только не волнуйтесь, пожалуйста. Приехал ваш внук, сын покойного Давида. Его зовут Хосе, то есть Иосиф. Он ждет на улице.

В гостиной мерно тикали настенные часы. Донья Хана побледнела.

— У Эстер было дитя? Но тогда почему она...

— Не у Эстер, — начала было Марфа, но дон Исаак, тяжело поднявшись, прошел в переднюю.

— Я не понимаю, почему мой старший внук должен стоять на улице, — сварливо сказал старик. — Я его впускаю, а ты, Хана, накрывай на стол.

— Он всегда такой, — шепнула донья Хана Марфе, — и

отец его такой был. Исаак мне рассказывал, что когда они еще жили в Лиссабоне, его отец пришел однажды вечером и сказал жене:

—Здесь нам покоя не дадут. Я продал все, что мог. Соберай детей и поедem куда-нибудь подальше. И они уехали за два дня.

—Пойдемте, — предложила Марфа, — я помогу вам. Тарелки-то мне можно у вас на стол поставить.

Донья Хана только молча обняла ее.

Рано проснувшись, мальчик понежился в кровати, рассматривая голубое небо за окном.

—Солнышко, — обрадовался он, — можно пойти с папой на реку.

Отыскав под шелковым одеялом выточенный дядей деревянный пистолет, ребенок повертел игрушку.

—Надо еще шпагу, — пробормотал он, — как у папы и Дэниела.

Старший брат просунул голову в комнату.

—Ты меня звал?

Вскочив, Стивен попрыгал на кровати.

—Хочу шпагу, как у тебя!

—Это потом. Сначала умываться и все остальное, — велел Дэниел. — Мама отдыхает, а Марта готовит завтрак, и ждет нас. Беги, поздоровайся с мамой, пожелай ей доброго утра.

Завидев на пороге младшего сына, Тео весело сказала.

—Кое-кто рано проснулся!

Стивен залез к ней под бок. Приложив ухо к ее животу, мальчик восторженно проговорил:

—Доброе утро, мамочка. А он тоже не спит?

—Или она, — улыбнулась Тео, — будет у тебя сестричка.

—Ворочается, — прижавшись губами к щеке матери,

Стивен спрыгнул на пол. —Можно мне сегодня с папой на реку?

—Можно, можно, — ответил Волк, заходя в опочивальню.

—Беги, умойся, и отправляйся на кухню. После завтрака почистим лошадей, съездим на прогулку, а потом пойдем к Темзе.

Дверь за сыном закрылась. Присев на кровать, Волк поцеловал смуглую ладонь жены.

—Ты как?

—Я бы встала, — рассмеялась Тео, — а то как вы там без меня? Марта одна на такой большой дом.

—Мирьям и миссис Стэнли ей помогают, — отозвался Волк, — а ты лежи, если тебе велено. Потерпи, милая, осталось совсем немного, пара недель, — прижавшись к ее губам, Волк скрыл вздох.

—Господи, как я ее люблю. Пусть только все хорошо будет.

—Только читать и осталось, — Тео положила голову ему

на плечо.

— Вот и читай, — согласился Волк, — потом расскажешь, какие книги мне взять в Париж, а какие можно здесь оставить. Я о вас скучать буду, но ничего, следующей осенью вы приедете. Дядя Мэтью пишет, что он нанял архитектора, комнаты расширять. Он холостяк, — Волк тонко улыбнулся, — а нам потребуется больше места. Рядом, в дворце Тюильри, есть сад, заложенный Екатериной Медичи. Будет, где с детьми гулять.

Тео погладила мужа по щеке.

— Иди, тебе сегодня еще в Лондон ехать, с Джоном встретиться и матушку сюда привозить.

Волк задержал ее руку.

— Видишь, как получилось. Стивен увидит своего крестного отца. Я и не чаял, что они живы все. Когда вернемся, я первым делом приведу их к тебе.

Тео перекрестила его. Когда дверь закрылась, женщина коснулась изящного крестика с алмазами.

— Господи, — сказала она тихо, — пожалуйста, дитя береги. Прошу Тебя.

На жаркой кухне пылало оба очага. Наклонившись над железной треногой, поставленной в огонь, миссис Стэнли внимательно следила за маленьким горшком. Пузырящийся отвар остро пах травами. Подав старшей женщине щипцы, Ми-

рьям натянула индийскую кисею над медной миской. Миссис Стэнли опорожнила горшочек.

—Сейчас остынет, отнесешь ей вместе с завтраком. Это на сегодня. Завтра с утра новый сварим. Он не стоит даже на холоде. На завтрак что мы ей даем?

—Никакого бекона, яиц или масла, — отчеканила Мирьям, — немного простокваши и ржаной хлеб. Ничего сладкого, никакой соленой или острой еды.

—Правильно, — одобрительно сказала акушерка, — хорошо, что миссис Тео разумная женщина и понимает, что это для ее же блага. Некоторые пациентки кивают, а потом потихоньку обедаются булочками.

Мирьям размешала отвар.

—Я еще никогда такого не видела. Почему так случается? Наставница задумалась.

—Во-первых, ей скоро тридцать девять, она уже не девочка. Я знаю, что ты мне хочешь сказать. Мать ее в почти сорок два Уильяма родила, но миссис Марта худая, как щепка и резвая. У таких женщин обычно все проходит проще, даже в возрасте.

Миссис Стэнли вздохнула:

—Миссис Тео и до беременности не маленькая была, а сейчас она прибавила почти сорок фунтов. Больше не надо, — акушерка поджала губы, — у нее отеки, голова болит, мушки перед глазами. Дай Бог, чтобы до срока долежала.... — она не закончила.

—Но если вызвать схватки, — предложила Мирьям, — есть же травы...

—Есть, — согласилась миссис Стэнли, — но если она сейчас начнет рожать, то ребенок может не выжить. На будущее помни, что для таких пациенток важен покой. Укладывай их в постель. Ничего, хозяйство потерпит. Пойдем в столовую, Марта тебе хлеба нарежет.

—Для тебя сегодня карп, — весело сказала накрывающая на стол Марта, — рыба свежая, я в деревню сбегала.

Наклонившись к Грегори, играющему на полу с деревянными кубиками, Мирьям пощекотала его.

—Кто у нас большой! Кто большой мальчик! Кто весь в папу!

—Я! – гордо сказал Грегори. Девушка рассмеялась.

—И правда, Марта, он бойко ходит, а все равно толстенький.

—Он каждую ночь объедается, — отозвалась девушка, — и днем своего не упускает.

—Хлеба! – потребовал мальчик.

Миссис Стэнли протянула ему краюшку.

—И как ты все успеваешь, даже яблоки собрала, — удивилась акушерка, — это дерево никогда плодов не приносило, а сейчас появились отчего-то.

—Сидр сделаю, — Марта нарезала хлеб, — тебе же можно сидр? – спросила она Мирьям. Девушка, кивнув, подхватила поднос.

—Позови всех, — попросила Марта, — а то остынет.

Усадив миссис Стэнли за стол, Марта тихо спросила:

—С мамой все хорошо будет? У меня ведь все гладко прошло.

—Тебе, моя дорогая, было семнадцать лет, — отозвалась миссис Стэнли, — ты родила легко, как и полагается. Мы постараемся помочь твоей маме, не волнуйся.

Положив сухую руку поверх нежных пальцев девушки, миссис Стэнли задумалась.

—Какой же это ребенок? Близнецы у леди Мэри, потом Полли, у миссис Марты Мэри и Уильям и вот Грегори. Шестерых я у них приняла. Дай Господь и седьмого тоже.

—Как Николас справляется один? – спросил Волк, когда Марта внесла серебряный кофейник.

Дочь отмахнулась.

—Он переселился на верфи. Новая Виргинская компания хочет как можно быстрее построить три корабля. Старый капитан Дэниела, мистер Ньюпорт, следующей осенью поведет экспедицию в Новый Свет. Не звал он тебя? — обратилась девушка к брату.

—Звал, — неохотно ответил Дэниел, отставляя тарелку, — но, когда я вернусь из Картахены с Беллой, я больше не хочу далеко ходить. Наймусь на торговое судно и буду плавать на континент.

Волк зорко взглянул на зардевшегося сына. Марта, присев, устроила Грегори на коленях.

— Закончив эти корабли, Николас перейдет на верфь к бабушке. Я к той поре уже вернусь в Дептфорд.

— Папа, — грустно сказал Грегори, — хочу папу!

— Скоро ты его увидишь, — успокоил Волк внука. Миссис стала убирать со стола и он поднялся.

— Давайте мне мальчиков, мы пойдем на конюшню. За Грегори я присмотрю, не волнуйся, дочка, — Волк улыбнулся.

Дверь закрылась и Марта шепнула Дэниелу:

— Скажи батюшке!

— О чем? — юноша не поднимал глаз от льняной скатерти.

— Не знаю, — Марта поцеловала русую голову брата, — но все равно скажи, он поймет. Давай, — она потормошила Дэниела, — они на лодке собрались кататься. Посмотри, не холодно ли на реке.

Выйдя на спокойную Темзу, Дэниел залюбовался золотыми листьями прибрежных ив. Трава вокруг еще зеленела, в заводи скользили лебеди. Юноша вздохнул.

— И правда, может, сказать отцу? Он поймет, он тоже молодым женился, девятнадцати лет. Но Эухения меня старше и она испанка. Господи, что же делать?

Опустив голову в руки, Дэниел внезапно разозлился.

— Наплевать, потому что мы любим друг друга. Все будет хорошо. Господи, — он застыл, — а если родилось дитя? Ведь могло так случиться. Бедная девочка, как я ее посмел оставить? Я сам едва не умер, валялся с лихорадкой, мне хо-

тели отнять руку, но как я посмел? Простит ли она меня?

Лебеди, подплыв ближе, забили крыльями. Дэниел твердо сказал себе:

—Все равно я должен ее увидеть и потом будь, что будет.

Налив на донышко женевера, Марфа протянула серебряный бокал донье Хане. Женщина устроилась в бархатном кресле в углу опочивальни.

—Одно лицо, миссис Марта, — женщина расплакалась, — словно сыночек мой старший передо мной стоит. Давид только повыше был и темноволосый, а у мальчика волосы совсем черные, словно вороново крыло. И он тоже врач, как отец его. Ах, миссис Марта, — донья Хана вытерла глаза кружевным платком, — не знаю, как нам вас благодарить.

Забрав у доньи Ханы мокрый платок, Марфа вытащила свой.

—Благодарить надо не меня, — ласково сказала она, — а мистера Джованни. Он вырастил Иосифа, выучил его и заботился о нем, как о своем сыне.

—Он праведник, — твердо сказала донья Хана, — истинный праведник.

Глубоко вздохнув, женщина поднялась.

—Пойдемте в гостиную. Сколь я жива буду, все равно не смогу на внука своего насмотреться, миссис Марта. Вы деток не теряли, упаси Господь. Когда Эстер покойница сказала нам, что Давида убили, я и не знала, как это переживу, —

донья Хана помедлила.

—Я понимаю, почему девочка не упоминала об Иосифе. Она не знала, жив малыш, или умер, и где искать мистера Джованни.

Марфа поддержала женщину за локоть.

—Это все неважно, донья Хана. У вас есть внук, и какой внук! Что случилось, то и случилось, а семья всегда останется семьей.

—Господь не заповедовал нам таить злобу, — согласилась донья Хана, спускаясь по лестнице, — наоборот, как Он милосерден, так и мы должны быть милосердны.

Мужчины сидели за большим столом. Встав навстречу донье Хане, юноша озабоченно спросил:

—Все в порядке, бабушка?

Женщина поцеловала его в лоб.

—Я тебя увидела, милый мой, и теперь у меня до конца жизни все хорошо будет.

Джованни улыбнулся.

—Дон Исаак, расскажите жене, что мы придумали.

Старик взял донью Хану за руку.

—Придется, нам, дорогая, на старости лет вернуться в Амстердам. Иосифу надо учиться, а дело это, сама знаешь, небыстрое. Мальчик должен жить в семье, а не у чужих людей. В этот дом пусть переезжает Эфраим, — он повернулся к Иосифу, — наш средний сын, твой дядя. У него четверо детей, места хватит всем. Мирьям пусть сама решает. Захо-

чет, пусть едет с нами в Амстердам, или остается здесь, в своих комнатах.

Дон Исаак ласково погладил внука по голове.

—Все будет хорошо. Если тебе придется жить на Святой Земле, то там у нас тоже есть родственники, семья Эстер покойницы. Ты будешь под их крылом. Отправляйся в усадьбу к миссис Марте, а мы пока будем складываться.

—Я вам говорила, миссис Марта,— усмехнулась донья Хана.

—Что говорила? – подозрительно спросил ее муж.

—Что надо нам жить в Амстердаме, что же еще? – пожала плечами женщина.

Оказавшись на улице, Джованни обернулся к Марфе:

—Господи, как подумаю, что в Лиме на моем месте мог быть другой человек...

—Всевышний тебя для этого туда и послал, — ответила ему Марфа, — а как же иначе?

Закатное солнце золотило кроны деревьев вокруг церкви и ведущую к усадьбе проселочную дорогу. Дул теплый западный ветер. Марфа сказала:

—Приедем, поздороваемся с Тео и ложитесь. Здесь воздух свежий, деревенский, дети хорошо будут спать.

Возок заехал в раскрытые ворота усадьбы. Мияко-сан, удерживая на руках Пьетро, ахнула:

—Как здесь красиво! И даже ручей есть!

—Усадьба у нас простая, — Марфа открыла дверцу, — но детям здесь хорошо. Смотрите, нас встречают Марта с ребенком и Дэниел.

Мужчины спешили. Помогая Мияко-сан выйти из возка, Волк весело заметил:

—Вы, наверное, и не чаяли увидеть Дайчи и Марико-сан.

Женщина низко поклонилась и Марфа шепнула Джованни:

—Сколько лет, как они из Японии уехали, а все равно кланяются. Даже зять мой поклонился твоей жене.

—Это у них навсегда, — ответил Джованни, — и мне даже нравится.

—Сенсей, — задумчиво сказала Марфа, — кому бы такое не понравилось.

—Здравствуйте, Хосе-сан, — обрадовалась Марта, — смотрите, какой у меня сыночек. Ему исполнился год. Мы назвали его Грегори, в честь отца моего мужа.

—Давайте сюда малыша, — велел Хосе. Ловко приняв дитя, юноша рассмеялся.

—Какой ты у нас толстый! Ешь, не стесняйся.

—Какое там стесняться! — отозвалась Марта. Анита немедленно встряла:

—Это мальчик или девочка?

—Мальчик, — Хосе поцеловал его в русые локоны, — хотите познакомиться?

—Ногами, — потребовал Грегори, — ногами хочу! Где Стивен!

—Я здесь, — младший сын Волка церемонно поклонился девочке. — Здравствуйте, я Стивен Вулф. Как вас зовут?

—Анита, — подняла она длинные ресницы.

—Мне уже четыре года, — похвастался мальчик, — видите, у меня есть бриджи, я вырос.

—Вырос, — усмехнулся Волк. Подтолкнув сына, он велел:

—Бери Аниту, ее брата Пьетро, Грегори, и води их в детскую, показывай свои игрушки.

—У меня есть пистолет, — свысока сказал Стивен младшему мальчику, — бежим, посмотришь.

Дети поскакали вверх по лестнице и Марфа поняла:

—Господи, кажется, вчера сие случилось, когда Степа сюда приехал. Близнецы его на дворе встретили. Они тогда с Федей на ручье водяную мельницу построили, и ведь работала она, крутилась. Федя, Федя, увижу ли тебя еще? Близнецы пропали и не найдешь их теперь. Может, сказать Джованни, что кто-то из них донос написал? Да зачем? Они, наверное, давно мертвы, что Майкл, что Николас.

—Миссис Стэнли и Мирьям с мамой, бабушка, — прервала ее размышления Марта.

—Пойдемте, — обернулась женщина к Джованни, — а то детям скоро пора спать.

—Тео-сан, — ахнула Мияко, присев на постель, — вам,

наверное, скоро рожать!

—Недели через две, — оглядываясь на Джованни, Тео шепнула:

—Видите, а вы говорили в Японии, что он на вас не смотрит. Да только на вас и смотрит!

Мияко покраснела.

—У меня двойня родилась, Тео-сан, мальчик и девочка. Мальчика в честь вашего отчима назвали, Пьетро. Завтра я их приведу с вами поздороваться.

Тео подставила Джованни щеку для поцелуя и тот ласково сказал:

—Крестник мой уже настоящий мужчина и получил свой пистолет. Замечательный мальчик. Ты, дорогая моя, отдыхай и порадуй нас еще одним прекрасным ребенком.

Хосе, обосновавшись у окна, о чем-то разговаривал с акушерками. Джованни скрыл облегченный вздох.

—Хорошо, что он сюда приехал. Спокойней, когда врач рядом.

—Я еще побуду здесь, папа, — подошел к нему Хосе, — мне надо кое-что обсудить с миссис Стэнли и, — он отчего-то замялся, — Мирьям.

—Хорошо, — кивнул Джованни, обернувшись к жене:

—Ты тогда укладывай детей, а мы с Мартой-сан сходим на кладбище, пока еще светло.

Наклонившись над Тео, Хосе улыбнулся.

—И вы тоже спите, пожалуйста.

Оказавшись в комнате миссис Стэнли, Хосе велел себе не смотреть на мисс Мирьям, как представилась ему молодая акушерка. Он еще никогда в жизни не видел таких красавиц. Над ее стройной спиной, облаченной в платье простого коричневого холста возвышалась изящная голова, увенчанная уложенными на затылке каштановыми косами. От передника девушки приятно пахло травами. Хосе приказал себе не отвлекаться.

Просмотрев записи старшей акушерки, он заметил:

—Миссис Стэнли, мне не нравится цвет лица миссис Тео.

—Мне тоже, — согласилась пожилая женщина, — однако ничего тяжелого она не ест, только хлеб и немного молока. Мы поим ее мочегонным отваром.

—Если появятся судороги... — начал Хосе. Мирьям, прервав его, покраснела.

—Мы все время за ней следим, мистер Джозеф.

—Покажите мне завтра ее утреннюю мочу, — попросил Хосе, — в Индии наставник научил меня разбираться в ее цветах и вкусах. Я хочу проверить.

—Соберешь и принесешь мистеру Джозефу, — велела старшая акушерка, — и возьми тетрадь с пером. Все запиши, что он тебе расскажет.

Мирьям все еще краснея, кивнула изящной головой. Раскрыв седельную сумку, Хосе показал женщинам набор игл.

—Дитя правильно лежит? — поинтересовался он.

Миссис Стэнли коснулась шелковой изнанки футляра.

— Правильно. Адмирал рассказывал, что такими иглами лечат в Китае. Умеете вы?

— Даже ребенка перевернуть могу, — гордо ответил Хосе, — но это нам не понадобится. Однако есть точки, воздействуя на которые можно уменьшить отеки и головную боль. Хотите завтра мне помочь, — обратился он к Мирьям, — когда я буду их ставить?

Девушка смутилась.

— Конечно, мистер Джозеф.

— Пожалуйста, — попросил юноша, — просто Хосе или Иосиф. Я все-таки вам почти родственник, внук дона Исаака и доньи Ханы.

Присев, что-то пробормотав, Мирьям стремительно вышла из комнаты.

— Почти, — миссис Стэнли полюбовалась тонкой серебряной иглой, — это все-таки не родственник. А вы как считаете, мистер Джозеф? — она вернула иглу на место.

Глядя в ее серые зоркие глаза, Хосе поднял бровь.

— Точно так же, миссис Стэнли.

Покосившись на иглу в руках юноши, Тео опасно спросила:

— А это не больно?

Мирьям взбила кружевную подушку.

— Ложитесь удобнее. Мистер Джованни за завтраком рассказывал, как они бежали из Японии. Мистер Джозеф тоже

ставил ему эти иглы и было совсем не больно.

Осматривая смуглую спину пациентки, Хосе подтвердил: — Не больно. Но, пожалуйста, миссис Тео, не лежите больше навзничь, это нехорошо для ребенка. Только на боку, как сейчас. Начнем.

Мирьям взяла Тео за руку.

— Каждый день будем ставить иглы и ваши головные боли прекратятся.

Взглянув на землистые круги под глазами Тео, девушка скрыла вздох.

— Надо опять устроить консилиум. Может быть, вызвать у нее схватки? Ей тяжело, она измучилась, и могут начаться судороги.

— Ставни я закрою, — сказал Хосе, убирая иглы. — Яркое солнце сейчас вам ни к чему. Темнота, тишина, покой, и все будет в порядке.

— И читать нельзя? — грустно спросила Тео. Хосе покачал головой.

— У вас мушки перед глазами. Не надо рисковать и напрягаться. Мы позовем Масато-сан и он с вами побудет.

Тео благодарно кивнула. Выйдя в коридор, Хосе заметил старшей акушерке:

— Надо, чтобы с ней кто-нибудь ночевал по очереди, вы и мисс Мирьям.

— Можно просто Мирьям, — попросила девушка, — мы почти родственники.

Хосе добавил:

— Судороги могут начаться ночью. Если мы не заметим их вовремя, то никто не выживет. Я видел такое, когда учился в Болонье.

— Я тоже, несколько раз, — согласилась миссис Стэнли.

— Однажды, правда, удалось сделать операцию, однако ребенок все равно умер.

— А что случится, если начнутся судороги? — спросила Мирьям. — Они ведь могут пройти, правда?

— Нет, — ответил Хосе, — они не пройдут.

Спускаясь вниз по лестнице, Хосе попросил:

— Можно я устроюсь рядом с вами за столом? Я знаю кое-что насчет еды, но ничего еще не делал, а надо начинать. Станьте моим наставником.

Мирьям смущенно подергала передник.

— Я буду очень рада. После обеда мы позанимаемся. Обязательно расскажите нам о восточных травах. Питер торгует с Индией и его корабли все привезут.

— Конечно, — кивнул Хосе.

Задержав Мирьям перед входом в кухню, миссис Стэнли шепнула:

Что, доктор пришелся тебе по душе?».

Девушка только пробормотала:

— Все впустую, миссис Стэнли, он и не взглянет на меня.

— Это как посмотреть, — загадочно сказала акушерка.

Скачущая вниз по лестнице Анита, поскользнувшись,

растянулась прямо у их ног.

— Не больно! — ловко вскочила девочка, помахав мальчи-кам. — Я первая! Я первая!

— Руки мыть, — строго велела Мирьям. — Давайте, я отведу вас на двор.

Проводив глазами устремившуюся за Мирьям стайку детей, миссис Стэнли сказала себе под нос:

— Сегодня вечером я посижу с миссис Мартой. Погово-рим с ней о том, о сем.

Сняв через голову рубашку, Дэниел вздохнул.

— Вот, посмотри.

Хосе присвистнул.

— Ты на две головы выше. Садись и положи руку сюда, — велел он.

Юноша послушно опустил руку в кресло.

— Мускулы у тебя — хоть анатомию учи, — заметил Хосе. Взглянув на шрам, он поморщился.

— Да, знатный тебе мясник попался. Хоть опиума дали?

— Какой опиум, — рассмеялся Дэниел, — в портовом ка-баке в Картахене налили стакан рома и всунули палку меж-ду зубов. К хирургу мне не с руки было отпрапляться, пу-лю вынимал цирюльник. Он занес грязь и когда я добрался до корабля, у меня началась лихорадка. Пришлось снимать швы и опять резать. Еще и кость какая-то разбита, она тоже медленно срасталась.

—Да я вижу, — пробормотал Хосе, — давай, развяжи этой рукой.

Он протянул Дэниелу веревку с узлами. Юноша медленно орудовал длинными пальцами. Пристально следя за его движениями, Хосе заметил:

—Не торопись. Если больно, то отдохни, и потом продолжай, — он стер пот с побледневшего лба Дэниела.

—Молодец. У тебя очень хорошо получается.

Распутав узлы, Дэниел выдохнул:

—Я занимаюсь каждый день, начал еще на корабле. Это теперь навсегда так?

Хосе вымыл руки.

—Будешь действовать пальцами как сейчас и выздоровеешь. Я тебе нарисую, — он потянулся за бумагой и пером. Указав на переплетение сухожилий, Хосе объяснил:

—Здесь у тебя все порвано. Когда так случается, то надо подождать. Нетронутые сухожилия возьмут на себя работу потерянных, — он кинул юноше рубашку. — Все будет хорошо, тем более рука левая. Как тебя угораздило, по работе?

Дэниел жарко покраснел.

—Хочешь рома? Вам ведь можно?

Хосе внимательно посмотрел на юношу и тот улыбнулся.

—Да не пью я. Я хотел с тобой посоветоваться.

Дэниел достал серебряную флягу.

—Добыча с галеона, взятого нами на Азорских островах. Я за обедом рассказывал.

Отпив, Хосе посоветовал:

— Не тяни, дорогой Дайчи-сан.

Юноша, запинаясь, начал говорить. Выслушав его, Хосе повертел флягу.

— И после той ночи ты к ней не возвращался?

— Вернулся, конечно, — удивился Дэниел, — когда пулю вынули, сразу и вернулся. Однако у них было закрыто, а стучать я не решился. Не хотелось получить пулю еще и в лоб. В городе я ее больше не видел. Скажи, а она может... — Дэниел покраснел.

— Может, — Хосе потрепал юношу по плечу, — поэтому езжай, забирай сестру и отыщи свою Эухению.

— Она меня не простит, — мрачно отозвался Дэниел, — потому что я обещал вернуться, и не вернулся.

— Тогда вернись, — Хосе скрыл вздох.

— А если ей все сказать, — отчаянно подумал юноша, — хотя она увидела меня только вчера. Я еще не еврей и неизвестно, когда я им стану. Какая девушка согласится ждать так долго?

Хосе решительно подытожил:

— Потому что если она тебя любит, то она ждет, поверь мне.

Разлив вино, Марфа заметила:

— Хорошо, что Джованни и Мияко-сан забирают детей в

свою усадьбу. Тео сейчас ни к чему шум. Марта тоже с ними поедет, поможет им обустроиться, а я буду здесь по хозяйству, — она вздохнула.

—Господи, только бы обошлось все.

—Обойдется, — уверила ее акушерка, — а что насчет хозяйства, то едим мы немного. Мистер Майкл днем все время с миссис Тео, читает ей, а ночью мы дежури́м по очереди. Все будет хорошо.

Марфа сложила кончики нежных пальцев.

—Миссис Стэнли, а если что—то случится?

—Мистер Джозеф очень хороший врач, — мягко ответила акушерка, — и он совсем не такой, как здешние доктора. Те нас за ровню не считают и обращаются свысока, а он совсем другой.

—Я смотрю, — лукаво заметила Марфа, — они с Мирьям за столом сидят вместе.

Акушерка только улыбнулась.

—Они ведь не родственники, миссис Марта.

—Не родственники, — согласилась Марфа, поигрывая изумрудным браслетом на запястье. — Пожалуй, вы правы, миссис Стэнли. Мистер Джозеф на нее смотрит, да и она тоже дышит глубоко.

—Он ее, правда, ниже, — задумчиво отозвалась акушерка. — Мирьям в сэра Стивена пошла, как Полли в мистера Джованни. Вы детям скажете, как вернутся они с мужем из Нового Света?

Марфа решительно подытожила:

—Скажу и перемолвлюсь с Мирьям парой слов. Не дело, когда юноша и девушка сидят и глаз друг от друга отвести не могут, миссис Стэнли.

—Не дело, — согласилась та, принимая бокал.

Стоя у окна своей комнаты, Мирьям рассматривала золотой закат над Темзой.

—Скоро стемнеет, — вздохнула девушка, — хорошо, что миссис Тео немного легче. Иглы ей помогают, теперь голова не так болит. Может, и обойдется все.

Она прижалась высоким лбом к открытой ставне.

—Нет, зачем я ему такая нужна? Я ведь уже...

Девушка поморщилась.

Ночью в Озерном краю, взяв со стола футляр, Джон попросил:

—Примерь.

Блеснули алмазы, но Мирьям твердо ответила:

—Нет. Я не шлюха. Я сама зарабатываю себе на жизнь, и не приму от тебя подарки. Такое ожерелье не по карману начинающей акушерке, — девушка отвела его руку, — про- сти, но нет.

Джон убрал драгоценность.

—Стань ты моей женой, все было бы значительно проще.

—Я никогда не стану твоей женой, — Мирьям натянула на себя меховое одеяло. — Кажется, мы об этом уже говорили.

—Я хочу семью, — тихо сказал Джон, — хочу детей. Мне

почти тридцать. Мой отец женился в первый раз, когда он был моложе меня. Пожалуйста, Мирьям, неужели тебе так важно, где мы обвенчаемся?

—Мне важно, чтобы внуки моих родителей, — девушка запнулась, — остались евреями. К тому же, — она приподнялась на локте, — я тебя не люблю, и ты меня тоже. Хватит, пожалуйста.

Джон поцеловал ее в плечо.

—Прости. Давай спать.

В дверь постучали и Мирьям вздрогнула.

—Открыто.

В сумерках блеснули зеленые глаза и Марфа погладила ее по голове.

—Не надо плакать, девочка.

Уткнувшись носом в пахнущие жасмином брюссельские кружева на воротнике платья тети, девушка всхлипнула.

—И не стоит даже, кто я рядом с ним? Он красивый, молодой, умный...

—А ты старая глупая уродина, — ехидно ответила тетя, — что он умный — это хорошо, потому что он все поймет. Давай я ему скажу, — Марфа улыбнулась.

—Нет, нет, — в панике отстранилась Мирьям.

—Да не об этом. Об этом ты сама с ним поговори, дорогая моя, — Марфа притянула ее обратно.

—Скажу, что он тебе по душе, а то я боюсь, что угол стола, где вы сидите, скоро вспыхнет от ваших взглядов.

—Спасибо, — Мирьям прижала к щеке руку тети. — Теперь бы еще сестру мою увидеть, и все в порядке будет.

—Увидишь, — твердо пообещала Марфа, — мы приведем Беллу, и все будет хорошо.

Мирьям вдруг спросила:

—Тетя, а вам никогда не бывает страшно?

—Бывает, — рассудительно ответила Марфа. — Думаешь, легко на сносях с четырьмя детьми на руках вдовой остаться? Однако я справилась, и ты тоже справишься. За муж выйдешь, деток родишь и все наладится.

Она помолчала.

—Не хочешь сказать, кто это был?

Мирьям помотала головой и Марфа скрыла вздох.

—Не Николас. Не смог бы так мальчик с ней поступить, Тео рассказывала, что он хороший, добрый юноша. Не изменился бы он так. Да и не видели «Желания» в Гоа той осенью. Значит, Майкл. Всех обманул, а теперь и не найти, его, сгинул. Наказал его Господь все-таки.

—Я хоть побываю на вашем венчании, — весело сказала Марфа, — я слышала, что вы там стаканы бьете!

Раскрыв ставни шире, девушка подставила лицо теплему ветру с запада. Заходящее солнце заливало долину ярким светом. Мирьям решила:

—Я ничего дурного не сделала и мне нечего стыдиться. В

Лондоне я скажу Джону, что уезжаю с бабушкой и дедушкой в Амстердам. Даже если Иосиф от меня откажется, когда обо всем узнает, я все равно уеду. Нельзя так больше.

—Правильно, — шепнула Марфа и Мирьям покраснела.

— Простите... Я случайно вслух.

—Я и говорю, что правильно, — Марфа поцеловала ее в мягкую девичью щеку.

—Здесь хорошо, — одобрительно сказал Стивен, оглядывая большую детскую с красующейся посередине клеткой с попугаем. Грегори дремал, свернувшись в клубочек на ярком ковре.

Заглянув в комнату, Марта велела:

—Вы тоже отправляйтесь в постель. Здесь недалеко, но все равно вы устали.

Она унесла малыша, а Стивен, подняв бархатное покрывало, грустно сказал:

—Он говорить не умеет, только кричит: «Куэрво!»

—А что это? – Пьетро рассматривал белые ухоженные перья и мощный клюв птицы.

—По-испански значит «ворон». Так звали моего дедушку, брата бабушки Марты. Он был знаменитым моряком и погиб со своим кораблем в Южной Америке. Он отец моей сестры Беллы, — объяснил мальчик.

Анита открыла рот.

—А ты где родился?

—В Японии, — Стивен пощелкал языком, но попугай повернулся к нему хвостом.

—Так всегда, — мальчик развел руками, — он любит только Дэниела. Но, когда Дэниел в море, я за ним ухаживаю.

—Мы родились в Макао, это в Китае, — широко зевнув, Пьетро забрался на кровать. Анита легла рядом и Стивен подоткнул вокруг них одеяло.

—Тоже спать хочу.

Тихо приоткрыв дверь, Мияко-сан ахнула:

—Их же надо раздеть!

—Оставь, — улыбнулся Джованни, — пойдем в постель. Наконец-то мы дома и больше никуда отсюда не уедем.

Открыв один глаз, оглядевшись, попугай пробормотал:

—Куэрво!

Птица заснула, нахохлившись, опустив веки.

—Вы удивительно хорошо держитесь в седле, миссис Марта, — одобрительно заметил Хосе. Они ехали шагом по взбирающейся на холм дороге. В лазури неба кружила пара соколов. Леса на горизонте играли тусклым золотом осени.

—Я на лошади с трех лет, — женщина потрепала по холке гнедого жеребца. Марта носила темные бриджи, высокие сапоги и камзол испанской кожи. Бронзовые волосы покрывала черная шляпа, украшенная алмазной заколкой.

—Мой покойный батюшка считался на Москве лучшим наездником. Он учил царя Ивана воинским искусствам, — добавила она.

Марта окинула взглядом стройного, ладного юношу.

—Для ученого ты ловко управляешься с конями.

Хосе улыбнулся.

—Я с папой долго жил в Италии, где все отличные наездники, даже священники и монахи. В Амстердаме мне придется освоить лодку, но Дэниел в Японии научил меня ходить под парусом.

—Наш бот стоит в Грейт-Ярмуте, — Марфа полюбовалась Темзой, — когда твои брат и сестра подрастут, Уильям повезет их туда на каникулах. Прошлым летом он со Стивенем выходил в море. Детям такое нравится, — она зорко взглянула на Хосе.

—Ты не мальчик уже, двадцать четыре года. Жениться не думал? Раньше вы путешествовали, а сейчас ты оседешь на одном месте. И бабушка с дедушкой твои порадовались бы, да и отец.

—Теперь я должен жениться на еврейской девушке, миссис Марта, — вздохнул юноша, — а кто меня будет ждать?

—Кто любит, та и будет, — ответила женщина, — одну такую я знаю. Она сидит рядом с тобой за столом. О чем вы шептались?

—Я рассказывал, как в Индии вынимал червя из ноги мальчика, — растерянно ответил Хосе, — но, миссис Мар-

та...

—Пойди к ней вечером, — посоветовала женщина, трогая коня. — У тебя есть еще что-нибудь про червей?

—Да, в Бантаме... — начал Хосе, но Марта прервала его, блеснув зелеными глазами.

— Говоря о Бантаме, ты там не слышал о миссионере, пре-подобном Майкле Кроу?

—Конечно, — ответил Хосе, — он возвел молитвенный дом, куда ходят и голландцы и туземцы. Правда, нам сказали, что он уехал оттуда в Европу. Он ваш родственник?

—Родственник, — согласилась Марта, — а ты зайди к ней. Она с удовольствием послушает про червей и не только.

Пришпорив коня, она поскакала вниз с холма, а Хосе широко улыбнулся.

—Про червей я могу долго рассказывать, ей будет интересно.

Волк лежал, глядя Тео по плечу.

—«Астрофила и Стеллу» я точно заберу в Париж. Буду читать каждый вечер и вспоминать тебя. После Рождества Дэниел привезет Беллу и вы увидите.

—Она могла меня забыть, — вздохнула женщина. — В декабре ей исполнится одиннадцать, совсем большая девочка.

—Не забыла, — Волк взял руку жены, — но вот меня, наверное, да. Она всего неделю меня и видела. Даже боюсь,

как мы с ней уживемся.

— Она хорошая, ласковая девочка, — ответила ему Тео. — Мы приедем к тебе в Париж и проживем спокойно. Марта замужем, Дэниел большой мальчик, волноваться не о чем. Нам сделают новые бумаги?

— Джон как раз сейчас ими занимается, — отозвался Волк, — документы надежные, из Нового Света. У тебя испанский как родной, у меня теперь тоже. Все будет в порядке. Король прислушивается к дяде Мэтью. Его рекомендация многого стоит.

Тео зевнула.

— Стыдно спать после обеда, словно мы старики, а хочется

— И мне, — признался Волк. — Поспи, я здесь, я с тобой.

Сквозь закрытые ставни опочивальни едва пробивалось солнце. Слушая нежное дыхание жены, Волк быстро задремал. Тео тоже заснула, положив голову на сгиб руки. Выпустив ее изящные пальцы, Волк заснул еще крепче, не видя, как едва заметно подергивается рот жены, не чувствуя, как напрягается и расслабляется ее тело.

Хосе развернул большую тетрадь.

— Смотрите, Мирьям, я все нарисовал. На востоке живут разные черви. Например, на Яве они отличаются от обитающих в Индии. Заразиться ими просто, достаточно искупаться в стоячей воде.

Девушка взглянула на искусные иллюстрации.

—На Востоке совсем другие заболевания. В Новом Свете тоже, хотя французскую болезнь мы уже хорошо знаем, к сожалению. Я принимала роды, когда дети появляются на свет... — она не закончила.

—Я видел таких детей в Италии, — Хосе перевернул страницу. — Здесь больной, которого я лечил в Гоа, где очень распространено подобное состояние. Тоже из-за червей.

Мирьям посмотрела на распухшие ноги.

—Пациентам, наверное, очень больно?

—Как ни странно, нет, — пожал плечами Хосе. — К сожалению, этого червя мы пока не научились изгонять, однако при условии соблюдения гигиены и ежедневных ванн с ароматическими маслами такие больные живут довольно долго.

—Мы еще многого не умеем, — горько сказала девушка. — Моя мама умерла потому, что ее беременность развивалась неправильно. Абу аль-Касим описывал это состояние.

Коснувшись руки девушки, Хосе сразу отдернул свою, словно от раскаленного железа. Сердце юноши часто забилося и ему захотелось глотнуть побольше воздуха.

—Мне очень жаль, Мирьям, — вздохнул он. — Я почти не помню маму. Она погибла, когда мне едва исполнилось три года. И отца не помню, — Хосе помолчал, — а ваша мама учила меня читать.

Полюбовавшись нежным, словно розовый жемчуг, румянцем на щеках девушки, Хосе велел себе:

—Хватит! Скажи ей, не бойся!

—Мирьям, — он замялся, — вы, наверное, подумаете, что я сошел с ума, потому что я вас так недолго знаю...

—Тогда я тоже сошла с ума, Иосиф, — серьезно ответила девушка.

—Господи, — он пробормотал, — правда?

Наклонившись к ее руке, оставшейся на тетради, Хосе поцеловал пальцы девушки.

—Словно меня ударило молнией, — поняла Мирьям. — Я ведь и встать не смогу, меня ноги не удержат.

Коснувшись губами ее ресниц, Хосе шепнул:

—Теперь я буду делать это каждый день, всю жизнь.

—Рассказывать о червях? — лукаво поинтересовалась Мирьям.

—Обязательно, — подтвердил юноша и серьезно добавил:

—Надо будет подождать, любовь моя.

—Сколько угодно, — Мирьям потянула его за руку.

—Садись.

Хосе устроился на ручке кресла, обнимая ее и девушка подняла на него серьезные карие глаза.

—Я не девственница.

Хосе пожал плечами.

—Счастье мое, неужели ты думаешь, что мне это важно? Я врач, ученый, а это не более, чем предрассудки. Мы любим друг друга, мы поженимся и останемся вместе до конца наших дней. Что случилось, то и случилось.

—Нет, — упрямо ответила Мирьям, — я хочу, чтобы ты

знал все с самого начала.

Взяв ее за руку, Хосе улыбнулся.

— Все это прошло и никогда более не вернется. Миссис Тео родит и мы уедем в Амстердам. Хочешь, я с ним поговорю? Он хороший человек, и, наверное, любит тебя. Не хочется, чтобы он страдал.

Мирьям помолчала.

— Он предлагал мне выйти за него замуж. Нет, я сама ему скажу. Поцелуй меня еще, Иосиф.

— Этим я и собирался заняться, — шепнул он, — ты такая красивая. Я все это время глаз не мог отвести, тобой любовался.

— И о червях рассказывал, — смешливо заметила Мирьям. Хосе согласился:

— И это только первая тетрадь. У меня их больше двух десятков.

— С нетерпением жду продолжения, — прижавшись головой к его плечу, девушка закрыла глаза.

— Господи, так вот какое оно, счастье.

Прислушавшись, Волк приподнялся на локте.

— Тео, — сказал он тихо, — Тео, милая, ты спишь?

Она лежала на боку. Быстро поднявшись, Волк зажег свечу. Кружевная подушка под ее щекой промокла, губы посинели. Отбросив одеяло, он приник ухом к груди жены. Сердце билось редко, медленно, но билось. Распахнув дверь в ко-

ридор, Волк закричал:

—Миссис Стэнли!

Акушерка бросила один взгляд на женщину.

—Когда?

—Я не знаю, — опустившись на колени, Волк взял ее прохладную, такую знакомую руку. —Я спал, миссис Стэнли, — признался он. — Миссис Тео тоже, но ведь все было хорошо и голова у нее меньше болела. Почему так?

Миссис Стэнли вздохнула.

—Видимо, судороги начались во сне, мистер Майкл. Не вините себя, так случается. Приведите ее мать, а я схожу за мистером Джозефом и Мирьям.

—А что теперь? — Волк остановился на пороге.

—Будем вызывать схватки, — отозвалась миссис Стэнли, — еще рано, но если ждать, то умрет и она и ребенок. Не волнуйтесь, мистер Майкл, дитя живо и двигается. Мы сделаем все, что в наших силах.

Спустившись на кухню, Волк откашлялся. Марфа помешивала суп в медном горшке над очагом. Собравшись с силами, он, наконец, попросил:

—Марфа Федоровна, идите наверх, пожалуйста. Там с Федосьей плохо.

Повернувшись, теща перекрестилась.

—Богу молись, Михайло Данилович, — твердо сказала женщина, — царские врата здесь не раскрывают, да и нет их у англикан, но ты все равно сходи с Данилой в церковь. Если

что, я за вами пошлю.

—Марфа Федоровна... — начал он, но теща подтолкнула его к двери.

—Не смей, — строго велела она, — все в руке Божьей, Михайло. Иди, а я к ней поднимусь.

Волк ушел, а Марфа поднесла к губам свой крест.

—Господи, сжался над ними. Федосью оставь, так мало они вместе пожили.

—Да, вы правы, миссис Стэнли, — Хосе отдал акушерке слуховую трубку, — сердце у ребенка бьется, надо вызывать схватки.

—Это болотная мята, — перебирая сухие листья, Марфа вспомнила горький настой, которым она когда-то поила Ефимию. —Давайте, я заварю.

—Отвар бесполезен, — Хосе рылся в сумке, — миссис Тео не сможет его проглотить, она без сознания.

Схватив серебряную ложку, Мирьям всунула ее между зубами женщины. Землистое лицо Тео задержалось, изо рта вылилась белая пена.

—Нехорошо, что у нее такие сильные судороги, — миссис Стэнли покачала головой. — Мистер Джозеф, можно что-то сделать вашими иглами?

—Можно, — он протянул акушерке пузырек темного стекла, — это масло болотной мяты. В Болонье я научился

делать такие экстракты. У нас есть время до следующей судороги, чтобы поставить иглы. Нанесите масло на ее живот, миссис Стэнли, только... — Хосе замялся.

—Что? — спросила Марфа, вытирая влажной тряпкой лицо Тео.

—Это очень сильное средство, миссис Марта, — ответил врач, — и мы не знаем правильной дозы, однако ждать нельзя. Мисс Мирьям, помогите мне, пожалуйста, — попросил Хосе. — Подержите миссис Тео, если начнется судорога.

Заметив смущенный румянец на щеках девушки, Марфа поняла:

—Все у них ладно, значит. Слава Богу.

Над церковной крышей перекликались птицы. Темза блеснула под ярким закатом. Открыв тяжелые двери, Марфа вздохнула.

—Может и обойдется еще, Господи.

Зять опустился на колени перед алтарем. Вздвогнув, Марфа перекрестилась.

—Господи, на том же месте стоит, что и Петя перед тем, как мы на Москву отправились.

Дэниел сидел в заднем ряду, уронив голову в руки. Марфа поцеловала внука в русый затылок.

—Ты бы за Мартой съездил, — шепнула она, — и Стивена тоже надо привезти.

—Бабушка, — юноша вытер лицо, — бабушка, милая, — Марфа прижала его к себе.

—Не надо, родной мой, не надо. Привези Марту-то.

—Я здесь, — раздался тихий голос. Девушка стояла у двери, держа за руку младшего брата. Грегори спокойно спал в перевязи.

—Я в деревне лошадь взяла, когда все узнала.

Марфа погладила внучку по голове. Поцеловав Стивена в лоб, она ласково сказала:

—Не бойся, милый, все здесь, и папа тоже.

—Мама, — всхлипнул ребенок, подняв на бабушку зеленые глаза.

—Как у Тео, — поняла Марфа, — Господи, Белла может остаться круглой сиротой.

Подойдя к зятю, так и стоящему на коленях, женщина тихо попросила:

—Иди к семье, Михайло Данилович. Марта сама приехала и Стивена привезла.

Дэниел нашел руку сестры, устроившейся рядом с ним.

—Как ты узнала?

Марта помолчала.

—Как всегда. Не зря мы попугая взяли.

Дэниел, обняв ее, прошептал:

—Папа идет.

Обернувшись на пороге церкви, Марфа заметила белокурую голову младшего внука. Усадив мальчика на колени,

Волк погладил его по голове. Стивен горестно расплакался, уткнувшись лицом в плечо отца. Перекрестившись, Марфа быстро пошла к усадьбе.

На втором этаже пахло кровью. Марфа остановилась перед дверью той же опочивальни, где когда-то умерла Маша, где появились на свет Мэри и Полли. Вздохнув, она нажала на бронзовую ручку.

— Может быть, им все удалось, — Марфа едва не споткнулась о медный, полный крови таз.

— Схваток нет, — подошла к ней миссис Стэнли.

— А откуда кровь? — спокойно спросила Марфа.

— Детское место отслаивается, — руки Хосе были в крови по локоть. Он повернулся к Марфе.

— Мне очень жаль, миссис Марта, но ребенок мертв. Сердце не бьется. Он умер, когда началось кровотечение.

Мириям сидела у изголовья, держа смуглое запястье Тео.

— Она жива, — девушка взглянула на землистое лицо, — но мы не знаем, сколько еще...

— Но ведь можно сделать операцию, как у леди Мэри? — Марфа смотрела на темные ресницы дочери. Они не дрожали. Миссис Стэнли покачала головой.

— Полли была жива, миссис Марта, сердце у нее билось. Здесь же ребенок мертв и миссис Тео тоже умрет под ножом.

— Я позову ее мужа, — Марфа, покачнувшись, схватилась

за косяк двери.

—Нельзя! — приказала себе женщина. —Нельзя!

—Мы пока все уберем, — миссис Стэнли указала Мирьям на таз. — Кровотечение не остановить, но мы сделаем так, что никто ничего не заметит.

—Спасибо, — помолчав, Марфа спустилась по широкой лестнице к парадным дверям дома.

Глядя на мать, Дэниел отчего-то подумал:

—Господи, почему она такая бледная? Мама всегда была смуглой.

Синие губы Тео оставались сомкнутыми. Сидя у изголовья дочери, Марфа держала ее за руку.

—Она еще дышит, — тихо сказала женщина, — попрощайтесь, потому что уже скоро ...

Не договорив, Марфа забрала у внучки малыша.

—Я уложу Грегори и вернусь.

Прижавшись к отцу, Стивен разрыдался:

—Мамочка!

Грегори тоже заплакал и Волк покусал губы: «Возьмите и Стивена, хорошо?».

—Я не хочу, папа, — мальчик вытер лицо. — Прости, пожалуйста. Я больше не заплачу, обещаю. Я ведь уже взрослый.

Сев на кровать, Волк устроил сына рядом.

—Плачь, милый. Плачь, пожалуйста.

Свернувшись в клубочек, мальчик затих и Хосе шепнул

Мирьям:

— Унеси отсюда Грегори.

Девушка взяла ребенка у Марты.

— Пусть тетя побудет с вами, милая. Мы присмотрим за малышом.

Марта кивнула, не отводя глаз от лица матери.

— Идите, — махнула миссис Стэнли, — я здесь, не волнуйтесь.

В детской, опустив Грегори в колыбель, Мирьям прислонилась к стене.

— Почему так? Почему мы ничего не можем?

Грегори заворочался. Наклонившись к нему, Хосе ласково запел:

Durme, durme

mi alma donzella

durme, durme

sin ansia y dolor...

— Мама пела мне эту песню, — Мирьям покачала колыбель. — Она о красивой девочке, у которой не будет горя и страданий.

— Я помню, — Хосе все глядел на малыша, — помню го-

лос доньи Эстер. Она мне тоже пела. Я и не знал, что колыбельная о девочке.

—Все равно, — Мирьям положила голову ему на плечо и Хосе обнял ее. Девушка шепнула:

—У меня никто еще из пациенток не умирал.

Хосе вздохнул.

—У меня умирали, но все равно к этому никогда не привыкнешь.

Мальчик спокойно сопел в колыбели и Мирьям взяла Хосе за руку.

—Господи, — попросила девушка, — пусть хоть наши дети будут счастливы, пожалуйста.

Распахнув ставни, Волк оглянулся на кровать. Марфа сидела рядом с телом дочери.

—Даже попрощаться не смогли, — горько понял Волк, — но хотя бы Тео не страдала. Она тихо ушла, просто остановилось сердце. Бедный Стивен. Хорошо, что у миссис Стэнли есть разные снадобья. После сонного настоя он немного отдохнет. Он так плакал, мальчик мой. Четыре года ему, куда он без матери.

—Дэниела надо послать в усадьбу Джованни, — сухо сказала теща и Волк даже вздрогнул.

—Она и слезинки не проронила. Не умеет она, что ли?

—И в Лондон тоже, — добавила женщина, — мой брат

уже должен был вернуться. Пусть Питер заберет из школы Уильяма и привезет его на похороны.

Сняв с шеи дочери крестик, Марфа попросила:

—Иди сюда, Михайло Данилович.

За распахнутым окном над серыми камнями террасы кружился рыжий дубовый лист. Волк вспомнил срубленную им в Сибири баню и свой задорный юношеский голос:

—А я хочу так.

Вытерев слезы, он покусал губы.

—Детей бы вырастить, Стивена и Беллу. Дэниел большой мальчик, слава Богу. Господи, дай мне сил.

Усадив его в кресло, теща велела:

—Голову наклони.

Сняв его простой деревянный крест, Марфа спросила:

—С Москвы еще, что ли, хранишь?

Кивнув, Волк опять заплакал, спрятав лицо в ее пахнущих жасмином руках. Марфа погладила его дергающиеся плечи.

—Тео пусть с ним похоронят, а ты сей возьми. Крест мужа моего покойного, Воронцова Петра Михайловича. Мы детьми крестами обменялись, а потом я Тео его отдала. Пусть теперь у тебя будет, Михайло Данилович.

Женщина перекрестила его.

—К священнику сходи и в деревню. Пусть гроб приходят делать.

Он вытер лицо рукавом рубашки.

—А вы, Марфа Федоровна?

—Я с дочерью своей побуду, — ответила женщина, закрывая за ним дверь. Повернув ключ в замке, она легла рядом с Тео. Положив голову дочери себе на плечо, Марфа поцеловала высокий лоб.

—За детей не бойся, доченька. Беллу мы привезем, Стивена вырастим. Спи спокойно, Федосеюшка.

Марфа едва слышно запела:

—Котик-котик, коток,

Котик, серенький хвосток,

Приди, котик, ночевать,

Федосеюшку качать.

Заглянув на кухню, миссис Стэнли сказала мистрис Дусон:

—Спят детки, и Грегори, и Пьетро, и Анита. Давайте, я на стол помогу накрыть. Они все вернутся скоро.

—Бедный мистер Майкл, — экономка сняла с очага противень с колбасками. — Лица на нем нет, миссис Стэнли. Они так недолго с миссис Тео прожили, как встретились, пять лет всего. И Уильям тоже плакал, любил он сестру.

—И Белла теперь уже матери не увидит, — акушерка достала из поставца тарелки, — хотя на кресте все равно напи-

сали: «Тео Вулф, возлюбленная жена Майкла, мать Дэниела, Марты, Беллы и Стивена». Как привезут девочку, она на могилу придет, помолится за душу матери.

—Третья могила-то, — мистрис Доусон остановилась, нарезая хлеб, — мистер Питер-старший, леди Мэри и вот миссис Тео. Дай бог, чтобы последняя.

—Мистер Джон тоже приехал с Констанцей, — миссис Стэнли подхватила тарелки. — Все же верно, они одна семья.

Держа за руку Марфу, Джон тихо сказал:

—Мне очень жаль. Может быть, вы все же не поедете в Картахену?

Взглянув на похоронную процессию, женщина покачала головой.

— Как раз теперь и поеду, если внучка моя круглой сиротой осталась.

Рыжие ветви мощного дуба осеняли кладбище. Марфа вздохнула:

—Петя говорил, что сия церковь здесь стоит с незапамятных времен. Тео будет хорошо рядом с ним и Машей.

В синем небе кружил сокол, с Темзы пахло свежестью. На мгновение закрыв глаза, Марфа только позволила себе сжать в пальцах подол траурного платья.

—Из Новых Холмогор почта пришла, — добавил Джон,

— я вам привез личную весточку, — он протянул конверт.
—Федина рука, — женщина остановилась, — говори, что случилось.

—Сэр Роберт погиб, — отозвался Джон, — защищая сына царя Бориса. Где могила его, никто не знает. Мэри и Энни в порядке, они в монастыре на севере.

—Вечная ему память, — Марфа перекрестилась. — Когда Тео помянем, поднимемся ко мне в кабинет. Что-то там произошло, — она указала на конверт и Джон отчаянно попросил:

—Господи, пожалуйста, только не она. Только бы с Лизой все хорошо было.

Оглянувшись, он заметил Мирьям и Хосе, присоединившихся к процессии после церковной службы.

—Подожди немного, Джон — девушка поравнялась с ним и герцог кивнул.

—Конечно, Мирьям.

Глядя на него, как всегда, чуть сверху, она сказала:

—Я очень благодарна тебе за все, Джон. Я обручаюсь с Иосифом и уезжаю в Амстердам с бабушкой и дедушкой, — Мирьям помолчала. — Когда Иосиф станет евреем, мы поженимся.

Посмотрев в ее карие, обрамленные черными ресницами глаза, Джон улыбнулся.

—Пригласите меня на свадьбу, хорошо?

Мирьям, зардевшись, что-то пробормотала.

—Обязательно, — раздался сзади знакомый голос и Хосе протянул ему руку.

—Приезжайте. Мы всегда будем вам рады.

Пожав его крепкую ладонь, Джон попросил:

—Вы мистеру Джованни скажите. Он будет счастлив за вас.

—Конечно, — кивнул Хосе. Они с Мирьям скрылись за воротами усадьбы Кроу. Достав из кармана траурного камзола бархатный мешочек, Джон грустно сказал крупному, окруженному алмазами изумруду:

—И зачем ты мне теперь? Ладно, верну его в мамину шкапу, пусть лежит дальше.

Поправив шпагу, герцог поднялся по ступеням террасы.

Разлив вино по бокалам, Джованни усадил Марфу в покойное кресло.

—Пей и ни о чем не волнуйся, — ласково сказал он, — Стивена мы заберем, с твоим зятем я договорился. Пусть мальчик побудет под нашим крылом, пока он в Париже обустроивается. У Марты в Дептфорде дом тесный. У нас просторней и деревня все-таки не город. Следующим годом ты отвезешь его отцу.

Пригубив из серебряного бокала, Марфа вздохнула.

—Спасибо. Сам понимаешь, что зять мой сейчас не сможет еще и о ребенке заботиться. Ему надо быть при дворе

короля Генриха.

Джованни коснулся ее руки.

—Вы сделали бы то же самое для Пьетро и Аниты.

Марфа покачала головой.

—Не приведи Господь. Следующей весной надо съездить на север и поставить камень на родовом кладбище сэра Роберта. Я вернусь из Картахены и сама этим займусь. Уильям еще ребенок, а Питеру нельзя надолго отлучаться из Лондона, у него дела.

—Ты с внучкой побудь, — посоветовал угрюмо молчащий Матвей. Встряхнув золотыми, сильно побитыми сединой волосами, он закинул ногу за ногу.

—Ты летом в Нижние Земли собиралась. Привезешь Стивена и Беллу отцу и поедешь туда. Я все устрою с кладбищем, пусть только Джон расскажет, где оно.

—Тебе семьдесят лет, — Марфа окинула взглядом пышные манжеты брюссельского кружева и унизированные перстнями изящные пальцы брата. — Сидел бы на своем Стрэнде. Ты ведь и там строить затеял.

Матвей только поиграл изукрашенными брильянтами часами, висящими на цепочке.

—Они все равно отстают, — Марфа подняла бровь, — совершенно бесполезная вещь. У них всего одна стрелка.

—Зато красивая, — усмехнулся Матвей, — а что касается севера, то комнаты будут отделявать до зимы. Как раз я туда и съезжу.

—Ладно, — Джованни поднялся, — посижу с детьми. Уильям начал рассказывать им о Японии, а я продолжу.

Проводив его глазами, Марфа сбила с рукава траурного платья невидимую пылинку.

—Мэри с Энни весной собираются в Новые Холмогоры. Федя их довезет. Там они сядут на корабль, и летом окажутся здесь, слава Богу. Федя еще грамоту прислал...

Она достала из ящика изящного стола конверт. Маленькая рука заколебалась и Матвей вздохнул.

—Открывай уже.

—И зачем Федя там остался? — горько спросила Марфа. — Лиза тоже от него никуда не поедет. Вернулся бы, я внуков бы увидела, был бы архитектором, жил бы спокойно. Нет, понесло его на Москву. Он упрямый, как отец его. Селим, если себе что в голову вбивал, дак не отступал от сего.

—Ты тоже, — заметил Матвей, кивнув на грамоту:

—Что там?

Взломав сургучную печать, Марфа опустила глаза к изящным строкам. Женщина тихо сказала:

—Твоя дочь жива, Матвей. Дочь Маши. Она в том же монастыре, что Мэри и Энни. Обитель на Шексне, где... — женщина не закончила.

Матвей подошел к большому окну, выходящему на Темзу.

—Больно Господь-то бьет, Марфа, — он прислонился лбом к холодному стеклу. — Больно, сестрица.

Сильная рука легла на его плечо и Марфа, встав рядом,

твердо велела:

—Езжай туда, Матвей.

—Мне семьдесят лет, — ответил он. — Куда я поеду, Марфа?

Матвей вздрогнул. Встряхнув его за плечи, сестра прошептала:

—На Шексну! За твоей дочерью! Читай, — Марфа кинула ему письмо. Пробежав листок, Матвей прошептал:

—Она же все равно умрет, Марфа. Зачем?

Марфа с размаха ударила его по щеке.

—Никто не умрет, — она потеряла ладонь. — Слышишь, никто! Хватит! Ты поедешь за Машей и забереешь ее. Пусть она будет при тебе, хоть какая, пусть! Ты ее отец, ты ее на руках держал, не помнишь, что ли? В усадьбе нашей, на Воздвиженке!

Матвей вспомнил золотоволосую, пухленькую девочку, смотревшую на него васильковыми глазами.

—Хорошо, — тихо ответил он. — Я поеду, но только без тебя. Я вижу, что ты сама туда собралась.

—Тебе семьдесят лет, сам говорил, — отозвалась сестра.

—Ничего, справлюсь, — пробурчал Матвей. Остановившись на пороге, Джон непонимающе спросил:

—С чем справитесь, мистер Мэтью? Мы с Майклом закончили. Что было в письме вашего сына, миссис Марта?

—Ты садись, — заметив маячащего за Джоном зятя, Марфа повела рукой.

—Оба садитесь.

Выслушав Марфу, Джон выпил залпом бокал вина.

—Если так, то поезжайте, мистер Мэтью, — он помолчал.

— Папа говорил, что вы не хотели жить в Лондоне.

—Смотри-ка, — Матвей поднял красивую бровь, — Ты словно твой отец и своего не упустишь. Впрочем, и я сам хотел тебя попросить о тихой гавани на старости лет. Комнаты мои Питер сдаст в аренду. Зачем им зря простаивать?

Волк вмешался:

—Я поеду с дядей. Все равно ведь, окажусь ли я в Париже сейчас или следующим летом. Да, Джон?

—В общем, да, — согласился Джон — Ты можешь и задержаться в якобы Новом Свете. Ладно, — он поднялся, — если мы все решили, то я поработаю с новыми документами по Нижним Землям. Приходите потом, миссис Марта.

Дубовая дверь закрылась и Марфа гневно сказала:

—Михайло Данилович, ты ума лишился, что ли? У тебя дети! Езжай в Париж и не думай о сем. Ты по тем временам соскучился, когда твоя голова на плахе лежала?

—Вы за моей дочкой отправляетесь, — ответил Волк, — а там ваша дочь, внучка, племянница ваша. Ничего, — он мимолетно улыбнулся, — давненько я на Москве не бывал, а хочется.

—Мы не на Москву едем, зять, — вздохнул Матвей, — а на реку Шексну, в Горицкий Воскресенский женский монастырь, но сначала на Волгу, в Ярославль. Федор вроде там, а

уж с ним далее отправимся.

—Погодите, — Волк задумался, — когда я дитем был, во время оно, на Москве шептались, что там убили княгиню Старицкую, Ефросинью. Ее в Шексне утопили.

Нюрнбергские часы на стене медленно пробили семь раз.

—Княгиня Старицкая прабабка моей дочери, — Матвей поднялся. — Я попрошу Джованни съездить на север. Камень-то все равно надо поставить.

—Дак кто убил княгиню Ефросинью? – спросил Волк и Марфа открыла рот.

— Я, — обернулся на пороге Матвей.

—А кто из нас все скажет? – Хосе посмотрел на невесту и Мирьям улыбнулась.

—Это твой отец, поэтому давай ты. Я скажу тете, но кажется, что она уже сама обо всем догадалась.

Хосе ласково коснулся щеки девушки.

—Жаль, что твои родители уже умерли, но в Амстердаме мы сходим на могилу к донье Эстер.

Мирьям задержала руку Хосе в своей ладони.

—Папа остался в море. Он лежит вместе со своим кораблем в гавани Картахены.

—Потом мы приедем в Париж и повидаем Беллу, — добавил Хосе. — Это недалеко от Амстердама. Дедушка говорил, что там живут евреи и нам будет, где остановиться.

—Я так счастлива, — вдруг сказала Мирьям, — я и не

знала, что так бывает.

Хосе оглянулся. Коридор второго этажа пустовал, только из детской доносилось шуршание. Юноша быстро поцеловал невесту и Мирьям шепнула:

— Да, милый!

Дверь стала медленно открываться, и они едва успели оторваться друг от друга.

В изящной гостиной горел камин. Джованни и Марфа, сидя друг напротив друга, читали какие-то документы, иногда делая в них пометки. Устроившись в большом кресле у окна, Мияко чинила детскую одежду.

— Папа, — Хосе откашлялся, — ты занят?

Отложив перо, Джованни смешливо ответил:

— Для такого нет, дорогой мой.

Хосе покраснел, поняв, что он еще держит Мирьям за руку.

— Тетя, — звонко сказала Мирьям, — мы с Иосифом обручились и поженимся, когда он станет евреем. Я еду с бабушкой и дедушкой Кардозо в Амстердам, где я тоже буду акушеркой. Миссис Стэнли дает мне рекомендации, чтобы меня взяли в ученицы. Потом я открою свою практику.

— Вместе со мной, — добавил Хосе. Мияко, поднявшись, поклонилась Мирьям. Ответив на поклон, девушка недоуменно спросила:

— Почему вы кланяетесь, миссис Мария?

— Так принято, — ответила та, — свекровь и невестка

всегда кланяются друг другу.

Подойдя к Мирьям, поцеловав ее, Марфа шепнула:

— Поверь мне, что твои родители сейчас смотрят на тебя и радуются.

— Я знаю, — девушка обняла Марфу. — Спасибо вам за все, тетя, милая. И простите, мне так жаль, что миссис Тео... Марфа вздохнула.

— Следующим летом я навещу вас в Амстердаме. Я еду к Морицу Оранскому в Дельфт, а вы там рядом, поэтому ждите в гости.

Джованни весело добавил:

— Мне придется привыкать к вашей можжевеловой стойке.

Хосе незаметно взглянул на Мирьям.

— И, правда скорей бы. Дедушка говорил, что, если мне придется поехать на Святую Землю, брат доньи Эстер замолвит за меня словечко. Думал ли я, Господи...

— Мияко-сан, — сказал он вслух, — миссис Стэнли разбирается и в детских болезнях. Я перед отъездом осмотрю малышей и попрошу ее показать вам местные травы, чтобы вы научились делать снадобья.

— Я помогу тебе с детьми, — шепнула Мирьям и Хосе понял, что все это время держал ее за руку, не отпуская.

— Никогда не отпущу, — пообещал он себе.

Проверив уздечку, Волк сказал шурину:

—Езжайте. Ты говорил, что тебе завтра надо подписывать контракты. Пока ты Уильяма в Итон завезешь, пока то, пока се.

Питер пожал ему руку.

—Спасибо тебе. Спасибо что едешь за Мэри.

Сочувственно взглянув на Волка, Питер вздохнул:

—Мне очень жаль, Майкл. Перед тем, как отправиться в порт, зайдите с дядей Мэтью ко мне в контору. Мои поверенные подготовили ваши завещания и надо их подписать. Они будут храниться у меня, как и все семейные документы.

—А Дэниел? — поинтересовался Волк. —Ему не надо?

—Он еще несовершеннолетний, — улыбнулся Питер. — Я тоже составил завещание только в прошлом году, хотя стал главой дела в семнадцать лет.

Волк ласково потрепал по холке белого жеребца.

—Хороший у тебя конь, я его раньше не видел.

Питер вскочил в седло.

— Да, его привезли с последними кораблями. Он из Ормуза, арабский. Таких во всей Англии десятка два, не больше. Где там Уильям?

—С детьми, — Волк оглянулся. Младший шурин, присев на корточки, внимательно слушал шепчущего ему что-то на ухо Стивена.

С Темзы доносились клики лебедей. Волк пошел к воротам.

—Господи, — вздохнул он, — я на Москве больше двух десятков лет не был. Интересно, как там кабак на Чертольской улице, что батюшка под собой держал? Никифор сказал тогда: «Рано тебе срамными девками заниматься, Михайло, ты молод еще для сего. Погуляй на большой дороге, а потом я тебе дело передам».

Волк поправил стремя Уильяму и парень перегнулся в седле.

—С дядей Джованни я договорился. На каникулах я отведу малышей в Грейт-Ярмут. Там хороший постоянный двор. Пусть дети подышат морем. Я выйду с ними на боте и прокачу по гавани. Не волнуйся, все будет хорошо.

—Ты пока учись, — Волк потрепал бронзовые волосы подростка, — и жди своего отца. Следующей осенью он непременно вернется.

Уильям пробормотал:

—И матушка тоже уезжает.

Питер мягко тронул лошадь с места.

—Да, я один с мистрис Доусон останусь, — согласился он, — хотя Констанца с Джоном рядом. Будем обедать друг у друга, все веселее.

—Уже и не видно их, — Стивен взглянул на дорогу, — Уильям научил меня вязать узлы. Папа, — мальчик помялся, — а ты вернешься?

Волк твердо сказал:

—Непременно. Надо привезти домой твою тетю Мэри и кузину Энни. Они женщины, им одним тяжело, поэтому я должен поехать. И у дедушки Мэтью там есть дочка, твоя тетя.

—Дедушка Мэтью рассказывал мне о короле Генрихе, — оживился Стивен, — и о Париже! Мы туда поедem?

—Следующим годом, — кивнул Волк.

На него повеяло горьким цитроном. Шелковое платье цвета осенней листвы зашуршало по серому булыжнику двора. Держа за руки Аниту и Пьетро, Констанца строго проговорила:

—Видите, дядя Майкл занят. Давайте лучше пойдем на ручей!

—Что вы хотели-то? — Волк погладил детей по головам.

—На лодке! — страстно попросил Пьетро.

—Пожалуйста! — жалобно добавила Анита, дрогнув черными ресницами.

—Дэниел учит миссис Марту испанскому языку, — Констанца зарделась, — а Хосе и Мирьям занимаются. Простите, если мы не вовремя.

—Отчего же, — Волк подтолкнул сына, — бери Аниту и Пьетро и идите к пристани. Мы за вами.

—Держитесь, — он подал Констанце руку, — ночью прошел дождь и мостки еще скользкие.

—Спасибо, — тихо ответила она. Нежные пальцы косну-

лись его запястья и Волк вздрогнул.

Желтые листья медленно кружились на темной воде реки. Дети что-то строили из палок на берегу. Остановившись у зарослей камышей, Констанца помолчала.

— Мне так жаль, мистер Майкл, — девушка тихонько вздохнула. В маленьком ухе заблестела алмазная сережка. Ветер шелестел золотыми листьями ив.

— Словно на Яузе, — вспомнил Волк, — где Сенька учил меня плавать, когда в долю взял со стругов воровать. Он тогда сказал: «На Москве-реке ты утонешь, там глубоко и течение быстрое. Давай здесь». Осенью дело было, как сейчас. Холод стоял, а он все равно меня в воду загонял. С Пасхи до Покрова мы с ним работали, а зимой кошельки резали.

— Спасибо, мисс Констанца, — наконец, сказал Волк.

— Я буду приезжать к мистеру Джованни раз в неделю на целый день, — девушка покрутила оборку перчатки, — заниматься с детьми.

— Вы не это хотели сказать, — Волк все смотрел на малышей.

— Стивен уже вытянулся, — понял он, — как Дэниел в детстве. Тео, Тео, как же мы без тебя будем?

Откинув рыжеволосую голову, Констанца вздернула острый подбородок.

— Не это, — девушка помолчала, — а то, что я приеду к вам в Париж следующим летом. Я все придумала. Миссис Марта довезет меня до Амстердама, я погощу у Мирьям и

вернусь к вам. Деньги у меня есть, я откладываю. Я отрежу косы и приеду в мужском костюме. Никто ничего не заподозрит.

—А что в Париже? — поинтересовался Волк.

Стивен закричал:

—Папа, мы роем канаву и будем делать мост!.

—Молодцы! — ответил он.

—В Париже я буду жить с вами, мистер Майкл, — дерзко сказала Констанца.

Он помолчал.

—Нет.

—Потому что я... — голос девушки задрожал.

—Нет, — Волк заставил себя не смотреть в ее сторону, — потому что я не стану жить с нелюбимой женщиной. Никогда, Констанца, пока я жив.

—Но я вас люблю, — сглотнув слезы, она справилась с собой. — Я вас люблю, мистер Майкл.

—Я знаю, — Волк взглянул вдаль, — я вам расскажу. Когда мы с миссис Тео потеряли друг друга и я оказался в Японии, я жил там с одной девушкой. Ее звали Сузуми-сан, воробышек, — Волк вздохнул. — Она любила меня, очень любила, Констанца.

—А вы? — тихо спросила девушка.

—А я мужчина, — ответил Волк, — мне надо было обнимать женщину и засыпать на ее плече. Я ее не любил. Я закрывал глаза и называл ее именем своей жены. Вы этого

хотите? – в его голубых глазах засверкали яростные огоньки.

—Мне все равно, мистер Майкл, — упрямо сказала девушка.

—А мне нет, — Волк помолчал, — потом приехала миссис Тео и мы вернулись друг к другу.

—Но что случилось с Сузуми-сан? – робко спросила Констанца.

—Она покончила с собой, — ответил Волк, — и тогда я поклялся больше так не делать и клятвы этой не нарушу. Простите. Вы еще встретите мужчину, который останется рядом не потому, что ему одиноко и больно, а потому, что он вас полюбит. Вас одну, навсегда, до конца ваших дней. Как я любил миссис Тео и люблю еще, если будет на то воля Божья. Но не вас.

Констанца сцепила пальцы.

—Спасибо, мистер Майкл. Я помогу малышам построить мост и расскажу им о римской архитектуре. Побудьте здесь и спускайтесь к нам.

Порывшись в бархатном мешочке на запястье, Констанца протянула ему платок.

—Хорошо, — кивнул Волк, — спасибо.

Девушка легко сбежала вниз и Волк закусил губу.

—Господи, дай мне только вернуться к детям, прошу Тебя. Коли я один останусь, то вытерплю. Дай мне детей вырастить.

Вытерев лицо, он весело крикнул:

—Я пойду в атаку на ваш мост и посмотрим, кто сильнее!

Осмотрев пирамиду багажа у парадных дверей лондонской усадьбы Кроу, мистрис Доусон строго сказала вознице:

—Смотри, не перепутай. Эти четыре сундука на «Викторию», что идет в Бордо, а эти две суммы на «Святую Елизавету», корабль Московской компании до Бергена. Они рядом стоят и вечером отправляются. В порту тебе подскажут и здесь написано.

—Если б я еще читать умел, — пробурчал возница, подхватывая сундук. — Внутри камни, что ли?

—Платья, — высокомерно сказала мистрис Доусон. Пройдя в кабинет к Питеру, экономка постучала в дубовую дверь.

—Обед накрывать?

Оторвавшись от подсчетов, Питер вздохнул.

—Давайте, что у нас сегодня? Пирог с почками?

—Утка, — гордо ответила экономка. — Миссис Мяко научила меня готовить ее на китайский манер, — миссис Доусон озабоченно добавила:

—Не знаю, понравится ли вам?

—Я сейчас, — торопливо ответил Питер. — Сейчас приду, через мгновение.

Поднявшись из-за стола с изящным глобусом, он хмыкнул:

—Все уехали в порт. Констанца в усадьбе дяди Джованни, а Джон работает. Даже Мирьям с Хосе не пригласить, они обедают у Кардозо. Тогда я сам все и съем, — Питер улыбнулся.

Засучив рукава льняной рубашки, он прошел в умывальную. Поливая из серебряного кувшина, Питер посмотрел в зеркало венецианской работы.

—Неплохо для двадцати двух лет, — он подмигнул себе. — Отец заработал первый миллион только к тридцати годам. К тому времени у меня уже будет три.

Вытерев руки шелковой салфеткой, Питер пошел в столовую.

Остановившись напротив дома Кардозо на Биверс-маркет, Мирьям призналась:

—Мне что-то страшно.

—Дай мне руку, — попросил Хосе, — когда мы приедем в Амстердам, мне нельзя будет даже прикоснуться к тебе.

Мирьям томно сказала:

—Придется потерпеть, дорогой жених, да и мне тоже.

—Будет очень сложно, — он все не отрывался от нежной руки. — Кольцо я купил, но ты его увидишь только дома. Пошли.

Открыв дверь, донья Хана озабоченно сказала:

—Девочка моя, миссис Стэнли принесла мне травы от го-

ловной боли и сказала о миссис Тео. Такое горе, но хоть миссис Марта привезет домой внучку. Заходите, мы обедаем.

Дон Исаак велел:

—Садитесь, а то вы по мясу соскучились. Курица свежая, донья Хана сегодня ходила в порт.

—Дедушка, бабушка, — осторожно сказал Хосе, — я встретил девушку...

Донья Хана застыла с большим блюдом в руках.

— Я тебе говорила, — взглянула на мужа женщина, — что так и случится. И что теперь делать?

—Он меня встретил, — Мирьям забрала у доньи Ханы курицу. — Я поеду с вами в Амстердам и буду ждать, пока Иосиф закончит учиться, а потом мы поженимся.

Девушка поставила блюдо на стол.

—Или вы не рады?

—Внучка, — донья Хана всхлипнула, — да мы и не чали и думали даже, — присев рядом с мужем, она громко сказала:

—Дети хотят пожениться, Исаак.

—Я все слышал, — удивился старик. — Иосиф, кольцо-то есть у тебя?

—Конечно, — Хосе достал шелковый мешочек.

Мирьям протянула руку и юноша надел ей тонкое серебряное кольцо.

—Прости, что такое, — шепнул он, — я знаю, что оно небогатое...

—Самое красивое, что я видела, — ответила девушка, — самое красивое, любимый

—Давайте, внуки, — дон Исаак поднялся, — благословлю вас.

Слушая пока непонятные ему слова, Хосе вздохнул:

—Истинно, благ ко мне Господь, и нечего мне больше желать.

Эпилог

Картахена, февраль 1606

Пройдя мимо кафедрального собора, свернув на усаженную пальмами улицу, Дэниел остановился у свежевыбеленного домика с черепичной крышей. Пальмы шелестели под западным ветром. Рассматривая выкрашенную синькой дверь, юноша пробормотал:

—Так тому и быть.

На веревке в палисаднике сушились младенческие рубашонки. Дэниел решительно постучал новым медным молотком.

Низенькая полная женщина открыла дверь, укачивая ребенка. Хозяйка удивленно спросила:

—Да, сеньор?

Дэниел невольно покраснел.

—Здесь раньше жила семья де Монтойя. Дон Эрнандо и его дочь, донья Эухения. Не знаете, где они?

Женщина пожала плечами.

—Мы купили дом у совсем других людей, прошлой осенью.

—Большое спасибо, — вежливо ответил Дэниел. Дитя заплакало и мать захлопнула дверь.

Оказавшись на причале, Дэниел взглянул на бирюзовую воду.

—Господи, любовь моя, где же ты? Куда мне за тобой ехать, где искать?

—Здесь она и сидела, — юноша коснулся перил, — сидела и обнимала меня. Девочка моя, — он вздохнул, — как же так?

Часы на соборе пробили полдень и он вздрогнул. Пора было идти в монастырь. Марфа ждала его на паперти собора. Окинув взглядом внука, женщина взяла его под руку.

—Где ты был?

—Гулял, — хмуро ответил Дэниел. —Как здешние лавки?

—Бросились срисовывать фасон моего платья, — усмехнулась Марфа, — одеваются здесь скучно. В самой Испании тоже отстают лет на двадцать, как я заметила в Кадисе. Я такие воротники носила, когда первый раз была замужем. Однако местные индейцы делают красивые ткани. Я взяла для Питера, ему понравится. Пойдем.

Изумрудный шелк зашуршал по мостовой. Запахло жасмином и на шляпе бабушки качнулись перья. Обреченно вздохнув, Дэниел последовал за Марфой.

Стоя перед высокими воротами монастыря Святой Терезы, бабушка тихо заметила:

—Отсюда вряд ли сбежишь. Бедный ребенок. Ничего, сегодня мы ее заберем, а через пару дней можно отплывать. В порту много кораблей и до Кадиса мы доберемся быстро.

Узкая щель приоткрылась. Марфа вежливо сказала темным, недоверчивым глазам:

—Здравствуйте, я сеньора Марта, а это мой сын, сеньор Дэниел. Мать-настоятельница нас ожидает.

Под размеренный звон колокола они зашли в ухоженный зеленый двор. Марфа восхищенно сказала монахине:

—Какой прелестный сад! Такие розы нечасто встретишь и в Италии. Должно быть, это большая работа.

—Это все наши девочки, послушницы, — улыбнулась монахиня, — здесь всего два женских монастыря, у нас и в Лиме. К нам посылают дочерей лучшие семьи колоний.

—Я слышала, — ласково сказала женщина, — когда я попросила благословения на поездку сюда, Его Святейшество очень хорошо отозвался о вашей обители. Вы делаете святое дело, сестра.

Монахиня вспыхнула.

—Боже, вы говорили с его Святейшеством!

—Мой покойный муж, — Марфа набожно перекрестилась, — был близок к его светлости герцогу Тосканскому. Мы часто навещали Рим.

Марфа незаметно сжала руку Дэниела.

Улыбайся! Что с тобой такое!».

Взглянув в грустные глаза внука, Марфа незаметно поддержала кружевную манжету платья.

— Да что с ним? Сначала рвался сюда, в море на месте усидеть не мог, а теперь его словно подменили.

Мать-настоятельница ждала их в просторной выбеленной келье. Марфа перекрестилась на распятие темного дерева. Подойдя под благословение, она призналась:

— Удивительно, как чувствуешь святость этого места. Вокруг такая тишина и покой.

— Садитесь, пожалуйста, — настоятельница указала на обитые испанской кожей кресла. Порывшись в бархатном мешочке, Марфа протянула монахине связку бумаг.

— Вот наши документы с печатью и подписью великого герцога Тосканского, Фердинанда Медичи. И письмо от моего брата, злодейски убитого в Риме, — Марфа утерла слезу, — капитана Себастьяна Вискайно. В нем он препоручает свою дочь Беллу в случае его смерти моим нежным заботам.

— Мне очень жаль, сеньора Марта, — перекрестилась настоятельница, прочитав письмо. — Сеньор Вискайно был замечательный человек.

— Да, — женщина вздохнула, — кроме него, у меня никого не было. Я вдова и воспитываю единственного сына, Дэниела. Мой покойный муж, благодарение Господу, был обеспе-

ченным человеком. У нас свое имение в Тоскане и Белла ни в чем не будет нуждаться. Здорова ли она, все ли с ней в порядке?

Сцепив морщинистые пальцы, настоятельница холодно ответила:

—Полтора года назад была здорова, уважаемая сеньора. Именно тогда Белла сбежала из обители, прихватив деньги из ящика для пожертвований. С тех пор мы о ней ничего не знаем, сеньора Марта.

В келье повисло молчание и Марта торопливо сказала:

—Святая мать, мы возместим ваши потери и передадим пожертвование на благо обители. Может быть, Белла дружила с кем-то из послушниц? Не спрашивали вы у них, куда могла отправиться моя племянница?

Монахиня пожала плечами.

—Она была веселая девочка. Брат, наверное, рассказывал вам, что он привез ее сюда дикой, словно волчонок. Нельзя ее винить, потому что девочка потеряла мать.

— Однако она быстро оправилась и славилась набожностью. Белла даже хотела принять обеты. Она ни с кем особенно не была близка. Ее соседка по келье, Анхелика, ничего не знала.

—Может быть, мне стоит встретиться с Анхеликой? — осторожно поинтересовалась Марфа. — Я тетя Беллы. Вдруг девочка что-то мне скажет.

—Она умерла весной, — настоятельница перекрестилась.

— Бедное дитя в помешательстве наложило на себя руки. Ее сводная сестра по матери болела. Отчим Анхелики сказал, что разрешит ей выйти из обители, только если та умрет. Сами понимаете, что ему не хотелось давать приданое чужой дочери.

— Конечно, — согласилась Марфа, — это разумный поступок.

Она искоса взглянула на Дэниела. Внук смотрел куда-то вдаль.

— Однако весной ее сестра окрепла и выздоровела, — продолжила настоятельница, — а мать Анхелики родила еще одного ребенка. К сожалению, тоже девочку. Анхелика пришла бы не ко двору дома. Мать велела ей принять обеты, а она в помутнении рассудка удавилась на простыне. Ребенку было всего четырнадцать. Нам разрешили ее похоронить как обычно. Для сумасшедших это дозволено.

— Пусть Господь дарует ей покой, — Марфа перекрестилась.

В дверь постучали и нежный голос робко сказал:

— Святая мать, сестра-келарь прислала лимонад.

— Заходите, сестра Аннунциата, — разрешила настоятельница.

Стройная монахиня в коричневой рясе внесла поднос. Девушка поклонилась.

— Добро пожаловать в монастырь Святой Терезы.

Дэниел увидел ее каштановые глаза. Белокурый локон вы-

бивался из-под длинной вуали. Он побледнел. Руки Эухении дрогнули и стаканы полетели на каменный пол.

—Сестра Аннунциата! — резко проговорила настоятельница.

—Я все уберу, простите, святая мать, — она выбежала в коридор.

—Ничего страшного, — примирительно сказала Марфа. — Я завтра навещу вас, святая мать, с нашим пожертвованием. Я смогу выпить еще лимонада, не правда ли?

—Разумеется, — монахиня сладко улыбнулась. — Буду очень рада вас видеть, сеньора Марта.

Выйдя за ворота, они молча направились к порту и Марфа потребовала:

—Расскажи мне все.

Отвернув пылающее лицо, указав на гавань, Дэниел про-
бормотал:

—Надо узнать, не видели ли там Беллу.

Женщина вздохнула:

—Полтора года прошло. Дочь Ворона не такая дура, чтобы сидеть в Картахене. Ящик для пожертвований, — Марфа усмехнулась, — узнаю свою внучку. Немедленно расскажи мне все, слышишь!

Сжав пальцы на раненой руке, Дэниел начал говорить.

Заперев шкаф, настоятельница сказала:

—Это очень щедро, сеньора Марта. Благодарю за ваши

заботы, мы будем молиться о вашей семье.

—Что вы, — Марфа отпила лимонада, — как я могу не поддержать обитель, где нашла приют моя племянница. Мой сын сейчас в порту. Он хочет узнать, не видел ли кто Беллу, хотя прошло полтора года. Вряд ли нам удастся ее найти, — поджав тонкие губы, Марфа добавила:

—Хотелось бы помолиться за душу моего брата, святая мать. В Риме я слышала, что ваш монастырь славится музыкой.

—Да, — улыбнулась настоятельница, — у нас и раньше был отличный хор. Теперь, когда к нам присоединилась сестра Аннунциата, она взяла на себя руководство послушницами. Она прекрасно играет на верджинеле, чувствуешь себя, как в раю, — вздохнула монахиня.

—Мне бы очень хотелось послушать, — Марфа подняла прозрачные глаза. — Его Святейшество сам отслужил поминальную мессу по бедному Себастьяну...

Голос женщины задрожал и монахиня ласково сказала:

—Это святые слезы, сеньора Марта, их приносят ангелы с небес.

—Спасибо, — женщина вытерла глаза. — Месса была многолюдной, а я и мой сын хотели бы помолиться в одиночестве, семьей. Нас осталось так мало, а теперь и Белла пропала. Я внесу пожертвование в память моего брата, святая мать. Можно нам зайти в церковь?

—Разумеется, — настоятельница коснулась ее красивой,

блистающей алмазами руки. Марфа поправила капюшон плаща.

—Я взяла плащ, который я носила в паломничестве. Я прошла пешком от Рима до Сантьяго-де-Компостела, святая мать, и помолилась у мощей святого Иакова за упокой души Себастьяна.

—Правильно, сеньора Марта, — одобрительно заметила настоятельница. — От любой вещи, побывавшей на Пути Святого Иакова, исходит благодать.

—Я это чувствую! — горячо согласилась женщина.

—Чувствую благодать, хранящую Себастьяна на небесах. Мой сын должен был вернуться, — она достала из бархатного мешочка шелковый кошелек. — Мы недолго пробудем в церкви, уже вечереет. Примите этот скромный взнос, — Марфа перекрестилась. — Поминайте моего брата в своих молитвах.

—Оставайтесь столько, сколько надо, — настоятельница взглянула на туго набитый кошелек.

—Тоже золото, наверное, — она незаметно усмехнулась. — Видимо, сеньор Себастьян как следует нагрешил, если его сестра так заботится о устройстве души покойника.

—Я пошлю к вам сестру Аннунциату, — продолжила монахиня. — Она поиграет, пока вы будете молиться.

—Храни вас Господь, — Марфа набросила капюшон на бронзовые волосы.

Выйдя вслед за настоятельницей на галерею, она помахала

ла ждущему рядом с воротами Дэниелу. Благодатный плащ Марфа купила с утра на рынке. Грубая шерсть кусалась. Исподтишка потеряв шею, Марфа взяла внука под руку.

—Верджинел на балконе за решеткой, — неслышно сказала она, — за обедней я все рассмотрела. Поднимешься по боковой лестнице и Эухения тебе откроет.

—Не откроет, — мрачно ответил внук.

—Этого ты не знаешь. Молчи, и делай, как велено, — приказала Марфа. Она громко добавила:

—Боже, святая мать, как здесь хорошо и спокойно! Воистину, Иисус и его святые осенили вашу обитель благословением.

Эухения взглянула с балкона вниз. Женщина стояла на коленях перед статуей Мадонны, держа свечу. В открытых окнах церкви багровел закат.

—Скоро настанет ночь, — равнодушно поняла Эухения, — а потом придет утро. Ничего никогда не изменится. Нельзя накладывать на себя руки, это великий грех. Но как как жить со случившимся?

Болезненно вздохнув, усевшись за верджинел, девушка робко спросила:

—Что вам поиграть?

—На ваш вкус, — донесся до нее нежный голос и Эухения заиграла *Adoro Te Devote*.

Вспомнив день, когда она разучивала гимн с Беллой, девушка едва не разрыдалась.

—Потом я пошла на рынок, а потом... — пальцы дрогнули, но Эухения справилась с собой.

—Не хочу об этом думать. Он тогда говорил о Белле. Он вернулся за ней, а я стала для него мимолетным развлечением. Продолжай, — велела она себе, — продолжай. До конца дней своих ты не получишь прощения.

Дэниел сжал пальцы на эфесе шпаги.

—И вправду, меньше болят. Господи, — юноша перекрестился, — помоги мне. Пожалуйста, пусть она меня простит, я никогда больше ее не оставлю. Пусть простит, Господи.

Поднявшись по витой деревянной лестнице, он тихо сказал темнеющему за решеткой силуэту:

—Здравствуй, Эухения. Здравствуй, любовь моя.

Она застыла, оборвав мелодию.

—Уходи, и не появляйся здесь больше.

—Эухения, — Дэниел опустился на колени, — я прошу тебя! Я знаю, что виноват, но я больше никогда тебя не покину. Мы уедем отсюда вместе, — Дэниел помолчал.

—Пожалуйста, любимая!

Она приникла лицом к деревянной решетке.

—Эухения, — прошептал Дэниел, — открой мне, я приехал за тобой.

Огненный луч заката осветил галерею. В карих глазах девушки блеснули слезы.

—Нет, — едва слышно ответила она, — нет, Дэниел. Я должна искупить свою вину. Уходи.

Она отвернулась, но юноша протянул к ней руки.

—Эухения, ты ни в чем не виновата, что ты говоришь!

—Я убийца, — жестко проговорила она, — а теперь уходи.

Девушка вернулась к верджинелу и под сводами церкви замечалось эхо музыки. Уронив голову в руки, Дэниел заплакал. Ее стройные, покрытые рясой плечи тоже задергались. Поднявшись, юноша сжал ноющие пальцы.

—Я тебя люблю, — твердо сказал он, — и буду любить всегда, пока мы живы. Открой эту проклятую решетку, иначе от нее и от всего вашего монастыря камня на камне не останется.

Девушка опустила покрытую вуалью голову на клавиши.

—Но как? Как я могу, Дэниел?

—Руками, Эухения, — улыбнулся он. — Открывай, я тебя поцелую и заберу отсюда.

—Ты не знаешь... — она все не поворачивалась к Дэниелу.

—Я привез тебе кольцо, — добавил юноша, — сейчас я тебе его надену, а потом ты мне все расскажешь, если захочешь.

Всхлипнув, Эухения отперла дверь. На Дэниела повеяло ладаном и юноша услышал стук ее сердца.

—Полтора года прошло, — вспомнил он. — Господи, да

бывает ли такое счастье?

— Дай руку, — попросил Дэниел. Темный, окруженный алмазами жемчуг переливался на ее пальце и девушка заплакала.

— Дэниел, но ты не знаешь...

— Я тебе сказал, что мне все равно, — он обнял Эухению. — Поторапливайся, любовь моя. Надо выходить отсюда, потому что завтра на рассвете мы отплываем.

Каштановые глаза взглянули на него.

— Но как? Сестра привратница меня не выпустит!

На деревянной лестнице раздались легкие шаги и Марфа велела:

— Дэниел, спускайся в церковь и погляди, чтобы никто здесь не появился.

Он, улыбаясь, взглянул на бабушку и Марфа незаметно вздохнула.

— Господи, хоть они будут счастливы.

Внук сбежал вниз, а Марфа велела женщине:

— Раздевайся. Мы с тобой почти одного роста, никто ничего не заподозрит. Лицо спрячешь под капюшоном.

— Вы его мать? — испуганно спросила Эухения. — Вы же, наверное, не знаете, сколько мне лет!

— Я его бабушка, — Марфа быстро расшнуровывала корсет, — и все очень хорошо знаю. Что стоишь, снимай ряску.

Потянув грубую коричневую ткань вверх, Эухения вздрогнула.

—Что это?

Марфа скинула атласные, на изящном каблуке туфли. Кружевная лента удерживала шелковый чулок. Она усмехнулась.

—Пистолет, на всякий случай. Надевай, — Марфа подвинула девушке туфли, — и заberi мои кольца. Встретимся в порту, наши сундуки уже на корабле.

—А Белла? — Эухения набросила плащ. —Как же она, сеньора Марта?

—Будем искать ее дальше, — Марфа вздохнула. Натянув рясу, сунув ноги в растоптанные туфли Эухении, женщина привлекла ее к себе.

—Во-первых, бабушка, — сварливо велела она, — а во-вторых, — она посмотрела в карие глаза. — Иди, девочка, бери его за руку, и никогда ничего не бойся.

Она поцеловала гладкую щеку.

—Бегите, увидимся на корабле.

—А вы? — обернулась Эухения. Марфа отмахнулась.

—Я справлюсь.

Спустившись вниз, девушка оказалась в объятиях Дэниела. Он поцеловал мягкие, белокурые волосы.

—Все. Господи, Спасибо тебе.

Когда они подошли к воротам, монахиня вежливо сказала:

—Счастливого пути, сеньора Марта, сеньор Дэниел, приезжайте к нам еще.

—Обязательно, сестра, — ответил юноша, — у вас удивительно благочестивая обитель. Пойдемте, матушка, — он подал руку женщине.

Опустив засов, привратница взглянула в щель ворот. Пара удалялась по выложенной булыжником улице. Зевнув, она вернулась в сторожку.

Присев рядом с Эухенией на узкую койку, Дэниел ласково укутал ее своим плащом. Юноша поднес к ее губам кубок с вином.

—Выпей, пожалуйста.

Зубы застучали по краю и Эухения всхлипнула.

—Я не могу, Дэниел. Я должна тебе все рассказать.

Положив ее голову себе на плечо, юноша погладил белокурые локоны.

— Я вернулся, любовь моя, когда мне вынули пулю. Но у вас было заперто, а у меня началось кровотечение... — он прервался. — Оказавшись на корабле, я свалился в лихорадке.

—Мне хотели отнять руку, она до сих пор плохо двигается. Потом в Лондоне умерла моя мама, ей и сорока не было.

—Прости, — она взглянула на него, — прости, Дэниел.

—Он, — Эухения помолчала, — он тогда сильно избил меня, я не могла ходить. И потом бил, каждый день, из дома не выпускал. Говорил, что я шлюха, как моя мать. Она по-

кончила с собой, когда ее соблазнил англичанин, сэр Стивен Кроу. На морях его звали Вороном. Он отец Николаса Кроу.

Дэниел тяжело вздохнул. Корабль покачивался на тихой воде, в фонаре на переборке горела свеча. В раскрытые ставни каюты тянуло солью и ароматом цветов с берега.

—Ворон погиб здесь, в Картахене, — тихо проговорил Дэниел, — он вместе с кораблем лежит у выхода из гавани. Белла, моя сестра — его дочь.

Эухения отчаянно, как ребенок расплакалась.

—Он бил меня все время, все эти месяцы, а потом пришел и сказал: «У меня нет денег на шлюх, но зачем? У меня дома есть шлюха!».

Дэниел обнял ее.

—Любовь моя, не надо, прошу тебя. Не надо, не вспоминай!

—Он был совсем пьяный, — едва слышно проговорила Эухения, — и ничего не смог. Он ударил меня и рассмеялся: «Ничего, завтра просплюсь, возьму свое и продам тебя в порту. Ты станешь настоящей шлюхой».

Эухения глубоко вздохнула.

— Той ночью я задушила его подушкой, продала дом за бесценок и постриглась. Я думала, что ты никогда не вернешься и мне некуда было идти.

Она разрыдалась, хватая воздух ртом. Поцеловав мокрые щеки, Дэниел заставил ее лечь. Устроившись рядом, он ласково сказал:

—Все, любовь моя. Я с тобой и теперь так будет всегда. Я спою тебе песню, а ты спи. Спи, пожалуйста.

Дэниел замурлыкал испанскую колыбельную. Взявшись за его руку, Эухения измученно задремала.

Помахав удаляющемуся берегу, Марфа обернулась.

—Хороший ветер, капитан?

—Как по заказу, сеньора Марта, — отозвался тот. — Я смотрю, что ваш сын и невестка еще спят?

—У них медовый месяц, — поманив к себе капитана, шепнула Марфа. Испанец рассмеялся.

—Если погода продержится, сеньора Марта, то недели через три мы увидим Кадис. Позвольте мне вернуться к своим обязанностям, — моряк, поклонившись, отошел.

Вверх по трапу поднималась белокурая голова. Эухения встала рядом и Марта строго спросила:

—Ты что здесь делаешь?

—Мне, наверное, надо к вам перейти, — робко ответила женщина. — Как вы добрались из монастыря в порт?

—Один маленький пистолет способен на очень многое, — хмыкнула Марфа, — а ты возвращайся в каюту к мужу.

Обняв женщину, Марфа что-то сказала ей на ухо. Зардевшись, поцеловав Марфу в щеку, Эухения исчезла на трапе.

—Ну что бабушка? — ласково спросил Дэниел, потянув Эухению к себе.

— Велела нам с тобой правнуков делать, — женщина счастливо рассмеялась.

— Паруса по левому борту, — помощник тронул за плечо капитана Хейна и тот оторвался от карты.

— Пусть испанский торговец идет в Кадис, у нас есть дела поважнее. Не хочется тратить ядра и порох, впереди у нас Мозамбик.

Взглянув на мачты, он крикнул:

— Вороненок, давай на марс, ты там давно не был.

Гибкий мальчишка ловко покачался на тросе.

— Есть, капитан!

Хейн улыбнулся.

— Вот чертовка. Сначала пела в кабаке в Веракрусе о девушке с зелеными глазами, а потом подошла ко мне и сказала этак небрежно: «Я знаю, что вы капитан Хейн, и хочу наняться к вам на корабль. Не хочу ходить под испанским флагом». Она заткнет за пояс любого мальчишку!

Капитан помахал подростку на марсе. Тот перегнулся вниз.

— Курс на Африку! Ветер попутный!

— Не горлань, Вороненок! — добродушно велел голландец.

— Голос сорвешь и кто нам тогда споет?

Корабль резал носом играющую белой пеной океанскую волну. Вдыхая соленый ветер, Вороненок положил руку на

изящный пистолет за поясом. Рядом висела короткая шпага, а по соседству маленький, под руку подростка, кинжал. Коснувшись медвежьего клыка на шее, он встряхнул каштановыми локонами.

—Африка!

Часть третья

Северная Россия, весна 1606

Снежные вихри гуляли по заваленной сугробами улице. Была, кружилась метель. Темные тучи заволакивали купола стоящего на стрелке Волги Успенского собора.

—Даже звезд нет, — вздохнул Федор, сворачивая за угол к покосившейся избе. — Пасха скоро, хоша и ранняя она в сем году, а все равно холод какой. По Волге как посуху ездят. Оно и хорошо. После такой зимы в монастыре, наверняка, пойдут трещины в стенах.

Толкнув калитку, он замер. В спину Федора уперся клинок. Он, было, потянулся за саблей, однако незнакомый мужской голос велел с ленивой московской развальцей:

—Тихо, боярин, тихо.

—Суки, — беззвучно выругался Федор. — Я вроде затаился, живу как мужик в слободе, никто меня здесь не знает, а все равно явились. Ладно, если их немного, то я справлюсь. Василий Иванович под Москвой, в глуши, его точно не отыскать, а Михайлу Татищева тем более. Еще не родился тот человек, который нашел бы то, что Никифор Григорьевич спрятал.

Подвигав мощными плечами, Федор грубо спросил:
— Чего надо-то?

— В избу нас пусти, — ухмыльнулся голос за спиной. — Мороз на улице, боярин, а у тебя, небось, и печь истоплена, и водка есть. Хоша ты жену с детками в вотчины отправил и бобылем живешь, однако гостей грех за стол не пригласить, хлеба с солью отведать.

Голос рассмеялся и Федор длинно, со вкусом выmaterил-ся.

— Слышал бы тебя твой батюшка покойный, — вздохнул голос. — Впрочем, об чем я? Султан хоша с твоей матушкой и прожил два года, но по-русски не разумел.

Воронцов-Вельяминов спросил застывшими губами:

— Ты кто? Бес?

— Можно сказать и так, — согласился голос, подтолкнув его клинком. — Давай, боярин, мне в тепло хочется.

Федор остановился на пороге избы. От печи шел ровный жар, на столе красовалась бутылка водки и глиняные стаканы. В деревянной мисе блестела льдинками мерзлая квашеная капуста. Легкий пожилой мужик с побитыми сединой золотыми волосами резал кинжалом хлеб.

— Что-то вы долго, Михайло, — сварливо сказал мужик, подняв ореховые глаза.

— Он мне показывал, каково материться умеет, — сказал стоящий за Федором.

Отложив кинжал, мужик усмехнулся.

—Вырос племянник-то. Водку пьет, лается матерно, хоша девки у него здесь срамной нет, и то хорошо».

—Я вас последний раз видел на колу возле церкви Троицкой, — хмуро сказал Федор.

—Красиво вышло, — Матвей разлил водку, — потому что, Феденька, все за деньги купить можно. Весь приказ Разбойный тогда кое-что в бумажке получил. Тако же и заплочных дел мастер, тако же и могильщики, подобранные похажий труп. Умный мужик твой отчим был, храни Господь его душу. Тако же и матушка твоя разумом востра. Чего стоишь? — Матвей вскинул голову. — Садись, гости к тебе приехали, а ты ровно и не хозяин.

Клинок убрали и Федор обернулся. Широкоплечий, с белокурой бородой, мужик протянул руку.

—Волк, Михайло Данилович. Зять я твой, Федосьи муж. Вдовец то есть, — добавил Волк, помрачнев.

Присев на лавку, Федор принял от дяди стакан водки.

—Осенью померла, родами, — сказал Волк, — тако же и дитя. Помянем жену-то мою.

Мужчины выпили и в наступившем молчании Федор буркнул:

—Зачем на улице пужать? Взяли бы и в слободу пришли, здесь недалеко. Я, пока зима, там кузнецом нанялся.

—Такого испужаешь, — протянул Матвей, разглядывая племянника. — Ростом пятнадцать вершков, а кулаки с мою голову. Однако же, Федор, научись избу запирасть.

Нажав на выступ бревна, дядя открыл тайник в стене.

—Здесь у тебя грамотцы разные, — усмехнулся Матвей, — за кои тебе голову отрубят хоша завтра. Коли таким делом занялся, Феденька, дак с умом надо.

—Не с руки нам, Федор Петрович, по Ярославлю открыто разгуливать, — заметил Волк, захрустев капустой. — Мы от Печенги сюда пешком добирались. Зима суровая, лед на море встал. Хорошо, что мы успели до Печенги под парусом дойти. Посему только сейчас и появились.

—Ладно, — Федор помолчал, — сегодня здесь переночуем, а завтра в Рыбную Слободу двинемся.

—А, — усмехнулся Матвей, — ты туда Лизавету с детьми отправил. Помню я сию вотчину воронцовскую. Там в Шекс-не хоша руками рыбу лови. Триста верст оттуда до монастыря. Мы быстро там окажемся, дороги нынче накатанные.

—Строителей где найдем? — спросил Волк.

—В Кириллове, — разлив остатки водки, Федор потянулся за второй бутылью, но Матвей строго сказал:

—Руки убери. Ишь чего, одной ему мало. Спать ложиться будем, — зевнув, он перекрестил рот.

—Когда мы до Рыбной Слободы доберемся, — сказал Матвей Волку, — дак нас Лизавета Петровна хоша покормит по-людски, а не водкой с капустой.

Сдвигая лавки, Волк усмехнулся.

—В Лондоне, Матвей Федорович, капусты-то нету, а в Париже тем более.

Матвей ловко взобрался на печь.

— Не поверишь, Михайло, я поел сейчас, и заскучал по ней. Ты дочь мою видел? — спросил он, зорко глядя на племянника.

— Откуда бы мне, — хмуро ответил Федор, — я в кабаке на Чертольской улице прятался. Меня самозванец к смерти приговорил, не мог я по Москве разгуливать.

Матвей вскинул бровь.

— Сколько меня к смерти приговаривали, никогда мне сие не мешало Москвой полюбоваться. Впрочем, ты мужик заметный, так просто мимо тебя не пройдешь. Ты ради чего Шуйского с плахи спас? Мало Бориса Федоровича было, еще одного боярского царя возжелал?

— Царь-то нужен, — угрюмо взглянул Федор на дядю, — хоша какой.

— Наплачетесь, — подытожил Матвей. Подперев голову рукой, он добавил:

— Марья написала, что плохо с Машкой моей. Сие не страшно, оправится. Спокойной ночи, бояре.

Матвей накрылся полушубком, а Волк, закинув руки за голову, спросил:

— Никифор Григорьевич жив-то?

— Жив, — Федор приподнялся на локте, — знаешь ты его?

Низкий бревенчатый потолок золотился бликами единой свечи.

—С той поры, как я подростком был, — ответил Волк. — Сей кабака батюшка мой покойный держал, Данило Михайлович. Как я в возраст бы вошел, Никифор бы мне его передал. Ладно, — Волк махнул рукой, — мы на Москву не заедем. Пушай далее им владеет, не жалко.

—Вот оно как, — задумчиво сказал Федор, — значит, не пропал ты в Сибири-то?

—Я где только не пропадал, — Михайло закрыл глаза и Федор отвернулся к стене.

—С Покрова я Лизавету не видел. В тот приезд не понесла она, надо в сей ее с дитем оставить. Федосья родами померла. Лизавета хоша и младше, а все одно тридцать ей весной. На все воля Божья. Господи, скорей бы до Гориц добраться, Ксения истомилась вся и я тако же. Довезу их до Новых Холмогор и вернусь туда, а потом отправлюсь на Москву.

Догорала свеча, за ставнями выла метель. Федор натянул на себя полушубок.

—Боярский царь. Пусть Василий Иванович посидит на престоле, он человек пожилой, детей у него нет. Не страшно. У меня двое сыновей здоровых, и еще появятся. Как Господь рассудит, так и случится.

На выскобленном полу светлицы лежал яркий солнечный луч. Степа Воронцов-Вельяминов, зажав в зубах тонкую кисточку, отступил от небольшой доски.

—Марья, сиди ровно, не ерзай! – велел он.

Девочка подергала каштановую косу.

—Скучно.

Порывшись в сундуке, старший брат кинул ей тряпичную куклу.

—Займись.

Марья взялась за костяные пуговицы, заменявшие кукле глаза.

—Оторву, — девочка подперла щеку языком. Наклонившись над дощечкой с красками, Степа окунул кисточку.

—За ради Бога. Я в который раз их пришиваю.

Взглянув на очертания детского лица, Степа решил, что батюшке понравится набросок. Ему приходилось беречь бумагу и стирать рисунки, однако этот он хотел оставить до приезда отца. Дверь в светлицу стукнула и старший брат с порога велел:

—Заканчивай!

—Не мешай, — холодно ответил Степа. —Я тебе вчерашним днем начертил снежную крепость. Иди и строй, я тебе для сего не нужен. Будет что непонятно, дак спросишь.

Петр пригладил рыжие кудри младшего брата.

—Батюшка приехал! Тако же и дедушка наш Матвей Федорович, и дядя Михайло Данилович. Мы их и не видели никогда!

Степан, не удержавшись, все же коснулся кисточкой доски.

—Чтобы никто здесь ничего не трогал!

Петр закатил глаза.

—Сдались мне твои краски.

Кинув куклу в открытый сундук, Марья захлопала пухлыми ладошками.

—Хочу батюшку!

Степа оправил на ней простой холщовый сарафан.

—Вроде не вымазалась и слава Богу. Пошли, — он поставил девочку на пол и Марья подняла голову.

—Петя большой!

—Как батюшка, — усмехнулся подросток, подталкивая сестру к двери.

В тепле нижней горницы вкусно пахло щами. Взглянув на детей, Лиза рассмеялась:

—Да придет сейчас батюшка. Они коням корм задают, от Ярославля дорога неблизкая. Накрывай на стол, Степа.

Достав из сундука льняную скатерть, мальчик велел Марье.

—Хоша углы расправь.

Малышка запыхтела, поднимаясь на цыпочках. Знакомый голос сказал с порога избы:

—Где чада-то мои? Уж и соскучились, наверное!

—Батюшка! — Марья бросила скатерть. Взяв дочку на руки, Федор расцеловал ее:

—Какая ты у меня сладкая, Марья Федоровна! Так бы съел тебя с кашей али пирогами!

Не отпуская девочку, он поманил к себе Лизу.

—Баня-то истоплена?

Та кивнула, вдыхая запах кузнечной гари и свежего снега.

—Вот и славно, — отозвался Федор. — Пока мы попа-
римся, у тебя все поспеет.

—Внуков-то моих показывай, — Матвей расстегнул по-
лушубок. — Лизавета Петровна, ты сама управляешься, хо-
лопов нету?

—Какие холопы! — развела руками Лиза. —Здесь у Во-
ронцовых рыбный промысел стоял во время оно. В избе ток-
мо рыбаки ночевали. Корову мы купили тем летом, Петя ры-
бу удит и охотится, а припасы я из Ярославля привезла. Зато
безопасно, глушь вокруг.

Поцеловав дядю в щеку, Лиза вскинула голову.

—Вы Михайло Данилович. Проходите, садитесь, пожа-
луйста. Я вас париться отправлю, а пока помянем сестричку
мою. Мне Федор все уже сказал, — Лиза, перекрестившись,
вздохнула.

—Глаз от нее не отвести, — невольно полюбовался Волк,
— и маленькая она какая. Сузуми-сан такая была, ровно
птичка. Повезло Федору, ничего не скажешь. И дети все, как
на подбор, красивые да здоровые.

Федор, усевшись, отломил себе краюшку хлеба.

—Сие Петр Федорович, тринадцать лет ему. Тем годом
он у меня уже воевал, как мы супротив самозванца стояли.
Далее Степан, тому девять, он у нас, как и я, кисточки с уг-
лем из рук не выпускает, — Федор пощекотал дочь, — а сие

Марьюшка, ей два годика.

—Дай-ка, — потянулся Матвей к залиvisto хохочущей девочке. Та серьезно спросила, рассматривая мужчину:

—Дедушка?

—Он самый, — Матвей покачал ребенка на коленях.

—Чем потчевать будешь, Лизавета Петровна?

Лиза покраснела.

—Небогато, не обессудьте. Щи постные, хлеб свежий, утром пекла, пироги с рыбой и грибами, каша с луком, да и все. И лещи жареные, кашей чиненные. И тельное.

Матвей довольно усмехнулся.

—Давай-ка, зять, выпьем, а то я проголодался.

—И вы тоже, Лизавета Петровна, — ласково попросил Волк, разливая водку. — Хоша немного.

Она опустила глаза.

—Разве что на донышке, Михайло Данилович.

Поднявшись, Федор хмуро сказал:

—Пойдемте, а то жар спадет.

На пороге Волк незаметно обернулся.

—Глаза у нее лазоревые, ровно как у Питера. Марфа Федоровна говорила, что Лизавета Петровна кузина королевы Франции, а она в избе, у печи, с коровой. Скажешь кому, дак не поверят.

—Баня, хоша и черная, — Матвей зевнул, — а лучше ее

нет. Хорошо, что сруб на берегу стоит, сразу в прорубь окунулись. Пирог у тебя, Лизавета Петровна, отменные. Я за столом у царя Ивана покойного таких яств не ел.

Лиза пристроила удобнее дремлющую дочь.

—Ешьте еще, Михайло Данилович. В монастыре вас так не покормят, там на одном горохе сидеть будете. Давайте я вам рыбы положу.

Федор угрюмо взглянул на жену.

—Ты иди Марью укладывай. Мальчишки тоже спать отправились. Завтра я помогу Петру с крепостью и со Степой позанимаюсь, а вечером мы в Кириллов двинемся. Нечего здесь засиживаться.

—Спасибо, Лизавета Петровна, — Волк принял от нее миску. — Я так вкусно давно не обедал.

—Вам спасибо, что за Марьей и Аннушкой едете, — вздохнула Лиза. — Поклон им передавайте, может и свидимся когда. Я вам с Матвеем Федоровичем в горнице постелила, спите спокойно.

Поклонившись, она вышла, унося девочку. Волк опустил глаза к столу.

—Господи, да не понимает он, что ли? Ладно, он на плаху ляжет, но семью зачем за собой тащить? Джон еще в Венеции предлагал ему жену с детьми в Лондон отправить. Вот же упрямец.

—Сейчас еще бутылку открою, — Федор потянулся. — Завтра отдыхайте, сколь вам угодно.

Волк твердо ответил:

—Если уж мы здесь, дак жене твоей хоша поможем немного. Что твой сын набьет на охоте в тринадцать лет? Я сам на зверя схожу. Ты давно семью не видел, с ними побудь.

Коротко взглянув на Волка, Федор разлил по стаканам водку. Матвей понюхал хлебную корочку.

—Я вот что подумал, — он выпил, — апосля обители мы разойдемся. Не след в Новые Холмогоры толпой являться, тем более с Машкой моей. Я на Ладогу пойду, а далее своим путем отправлюсь. Я не в Лондон ее везу.

—А куда? — заинтересовался Федор.

—Сие дело мое, племянник, — отрезал Матвей. — От Ладоги до сего места удобней добираться.

Взяв большой кус пирога с грибами, он добавил:

—Тако же и у короля Генриха сих яств не получишь, а жаль.

—Ты, Михайло Данилович, — продолжил Матвей, — Марью с Аннушкой до Новых Холмогор довезешь, где вы и сядете на корабль.

—Нет, — Волк выскреб горшок с кашей, — вам восьмой десяток пошел, Матвей Федорович. У вас на руках дочка окажется. Я вас одного не отпускаю, мало ли что случится.

—Да ничего не случится, — буркнул Матвей, — но спасибо, Михайло Данилович. Так спокойней, конечно.

—Ты, Федор, — велел он племяннику, — самолично довези Марью с дочкой в Новые Холмогоры и сам передай на

руки нашему человеку. Что бы тебе Марья не говорила, мол, она под парусом ходит и медведей стреляет, от себя ее не отпускай, понял?

—Понял, понял, — Федор широко зевнул. — Я пойду к жене, все же не виделись долго. Вы здесь все оставьте, — он указал на стол, — Лизавета приберет.

Проводив глазами его широкую спину, Волк буркнул:

—Хоша воды принесу, Матвей Федорович, не дело сие. Колодца здесь нет, а склон обледенел. Куда Лизавете Петровне с ведрами по нему карабкаться?

Он стал одеваться, но Матвей взглянул на него снизу.

—Ты с моим племянником будь осторожней, — посоветовал он, — мне Марфа Федоровна об его батюшке рассказывала. Не надо Федору дорогу переходить.

—Мне тако же, — Волк захлопнул за собой промерзлую дверь сеней.

Волк задумчиво разглядывал раскинувшуюся на снегу тушу лося.

— Говорил я, Матвей Федорович, что надо топор взять. Разрубим и донесем до избы. Куда мальчику тринадцати лет сие тащить?

Матвей принюхался.

—Все равно весной пахнет, Михайло Данилович. В Пари-

же о сию пору цветы распускаются, а здесь, — он набрал в ладони снега, — пока сие все растает, мы уж и уедем.

Посмотрев в высокое лазоревое небо, Волк сбросил с плеча переметную суму.

— Матвей Федорович, подкатите бревно какое-нибудь, удобней будет.

— Ты по Москве заскучал, — присвистнул Матвей. — У меня тоже сие случилось, когда мы с адмиралом в Углич отправились. Избы грязные, тараканы во щах, а я сижу и думаю: «Господи, хорошо-то как!».

— Хоша бы по Красной площади пройти, Матвей Федорович, — тоскливо сказал Волк, рубя мясо.

— Вы тоже коренной московский, хоша и на ступенях трона царского рождены, а я в избе на Китай-городе. Вы сие понимаете. Одна она такая на земле, Москва.

Матвей потрепал зятя по плечу.

— Верно, Михайло. Я сюда более не приеду, — он указал на запад, — там жизнь доживу, а ты мужик молодой. Может, и вернешься еще.

— Было б за чем, — Волк сложил мясо в пропитанные кровью холщовые мешки. Матвей подхватил связку битой птицы.

— Сего ты не знаешь, — наставительно сказал он, — когда я в гробу рядом с телом зятя моего отсюда выезжал, дак я тоже думал, что не вернусь никогда. Однако ж пришлось за семьей отправиться. Вот и сейчас то же самое. Что у нас

окромя семьи-то есть? Ничего более.

— У меня и той нет, — Волк взял мешки. — Пойдемте, еще воды натаскать надо и удочки у проруби проверить.

— У тебя дети, — присвистнул Матвей. — Я думал, что Иван Васильевич отродясь своих обещаний не выполнял, а видишь — жива моя Машка оказалась. Значит, и у меня семья.

Выйдя на узкую тропинку, ведущую к реке, Волк неохотно сказал:

— Ваша дочь ведь наследница престола царей московских.

Матвей, остановившись, холодно ответил:

— О сем, Михайло, болтать не след. Я тоже языки отрезать умею, не один на своем веку вырвал. Я Машку в Лондон везти не хочу оттого, что там слишком все на виду. К Питеру приезжали, — Матвей сочно выматерился, — хотели из него самозванца сделать. Не хватало, чтобы из-за моей дочки здесь очередная смута поднялась. Дай им Господь с нынешней покончить.

Волк подышал на руки.

— Матвей Федорович, а у вас еще дети были?

— Были, да нет их более, — Матвей помолчал. — Двоих я своими руками убил, мальчиков, а еще один тоже ребенком умер, вечная ему память.

Перекрестившись, Матвей быстро пошел вперед. Волк только вздохнул.

—Прав был Джон. Не надо вопросов задавать, а то скажут тебе то, чего бы ты лучше не слышал.

Над крышей избы поднимался дым и Волк заторопился.

—Щи-то настоялись со вчерашнего дня, сегодня еще вкуснее, — хмыкнул он, — и блины Лизавета Петровна обещала испечь. Хоша и постные они, а все равно блинов хочется. Теперь у них мяса вдосталь будет. Пасха той неделей, пусть отпразднуют, как положено.

Марья прикорнула на лавке, обняв куклу. Заглянув в горницу, Волк сказал:

—Лизавета Петровна, я на дворе лед сложил напиленный с реки. Как вода понадобится, берите и кидайте в горшок. Мы так в Тюмени делали, когда еще колодцы не вырыли. Зимой всякий раз по снегу с ведрами не набегаешься.

Воткнув иголку в ворот рубахи, Лиза поклонилась.

—Спасибо, Михайло Данилович. Летом ничего, с утра десятков ведер принесу и на весь день хватает. Дети в реке купаются, да и я сама тоже, — она нежно зарумянилась.

Вспомнив, как они с Федосьей купались на Туре, Волк, немного смутившись, откашлялся.

— Мясо и птица в амбаре, — он отчего-то вздохнул, — рыбы цельная кадушка получилась. Я строганину сделал, как в Сибири готовят. Теперь я дров наколю. Весна на дворе, а все равно зябко, пригодятся еще.

—Давайте сюда рубаху, — велела Лизавета. — Матвея Федоровича я вещи починила, сейчас вашими займусь. Кафтан тоже, а то он весь истрепался.

—Я плотник, — усмехнулся Волк. — Мне незачем в бархате щеголять, хоть я с юношеских лет одежду хорошую люблю. Я на Москве в шелковых рубахах ходил.

Он снял через голову рубаху и Лиза опустила глаза.

—Господи, красавец какой.

Заметив переливающийся алмазами крестик, она тихо сказала:

—Сие батюшкин у вас.

—Да, — Волк присел поодаль, — Марфа Федоровна отдала его моей жене, когда та в Сибирь уезжала, а потом велела мне его надеть над телом Федосьи, — он отвернулся.

—Можно, — спросила Лиза, — давно я его не видела.

—Конечно, Лизавета Петровна, — он наклонил белокурую голову.

—Будто свежим ветром повеяло, — Лиза осторожно сняла крест. Почувствовав прикосновение ее пальцев, Волк закрыл глаза.

—Господи, как сладко, — понял он. — Что со мной? Нельзя, она замужем, и думать о ней нельзя.

Лиза положила крест на ладонь.

—Батюшка умер, когда мне семи лет не исполнилось. Я его хорошо помню, словно вчера сие случилось. Он был очень добрый, Михайло Данилович. Я таких добрых людей

и не встречала более. Нас, детей, он любил одинаково. Хоша его были, хоша нет, разницы для него не было. Возьмите, спасибо, — она протянула крест.

Волк попросил:

—Наденьте, пожалуйста, Лизавета Петровна.

Нежная рука на мгновение задержалась на мягких волосах Волка и Лиза едва слышно вздохнула.

—Когда мы с Федосьей встретились опосля разлуки, — Волк помолчал, — у нее дочка приемная была, Марфа, молочная сестра Даниле нашему. Еще одну дочку, Беллу, она родила от дяди вашего, Степана Михайловича. Мне тоже, Лизавета Петровна, нет разницы. Все они мои дети, — он поднялся.

—Пойду дров наколю, а то обещал и не делаю, нехорошо сие.

—Оденьтесь, — ахнула Лиза. — Холодно на дворе, что вы!

Вскинув топор на плечо, Волк усмехнулся.

—Вы в Сибири не бывали, Лизавета Петровна, где и вправду холодно.

Проводив взглядом его мускулистую, стройную спину, Лиза прислушалась. Марья спокойно сопела носом, а со склона реки доносился веселый смех.

—Мы с Матвеем Федоровичем починим крепость, — крикнул Федор сыновьям, — и можете снова атаковать! Только погодите! Степа, скажи матушке, чтобы обед грела,

ино нам скоро уезжать.

Быстро закончив шитье, Лиза сунула в печь горшок со щами.

Проверив упряжь на невидном буланом коньке, Матвей ласково сказал ему:

—Отдохнул? Теперь в Кириллов поедem. Дорога хорошая, гладкая, ты не утомишься. Возьми, милый, — порывшись в кармане полушубка, он протянул коню краюшку хлеба. Взяв ее мягкими губами, буланый нежно заржал.

—Любят вас кони, Матвей Федорович, — заметил Волк, завязывая мешки с припасами.

—Дак и я их люблю, Михайло, — рассмеялся Матвей, садясь в седло. — Меня батюшка покойный учил, а лучше его на Москве коней никто не знал. Лаской надо, тогда конь хоща из огня тебя вывезет. Сестра моя тако же с ними мастерица управляться. Поехали. Федор с семьей прощается, за воротами его подождем.

Волк обернулся. Лиза, в простой шубейке и наброшенном на косы платке, потянулась к уху мужа. Тот улыбнувшись, подбросил на руках дочь и Марья весело завизжала.

—Только б все с ними хорошо было, — пожелал Волк.

—Я вернусь в Париж, и заживу с детьми. Белле тринадцатый год идет, она помогать будет. Господи, взрослая девочка, как время летит, — он поднял голову.

Над Шексной кружилась птичья стая и Волк послушал далекое курлыканье.

—Ах, Федосья, — вздохнул он. — Как же мне без тебя? Так мало мы вместе прожили, а сейчас просыпаюсь ночью и думаю, что она встала воды попить и вернется, но потом понимаю, что нет. И так на всю жизнь.

Он покачал головой и Матвей коснулся его плеча.

—Когда моя жена умерла, Михайло, дак я из дому ушел. Там разное случилось, — Матвей помолчал, — и вспоминать не хочется. Бродил по святым местам, как нищий, босиком, в армяке одном. Лежу в избе, глаза закрою, рукой ее ищу и не нахожу. Правильно от Писания сказано: «Утешайся женой юности своей».

Волк все смотрел на небо. Повернувшись к Матвею, он серьезно ответил:

—Не случится более такого, Матвей Федорович. Мне пятый десяток идет, а когда мы с Федосьей Петровной встретились, мне семнадцать исполнилось и ей тако же. Не знал я, что человек с такой тоской жить может, однако надо, — он прищипорил коня.

—Догоняйте, я небыстро поеду.

Глянув ему вслед, Матвей пробормотал:

—Господи, аж сердце рвется смотреть на него. Может, они с Марьей друг другу по душе придутся. У нее дочь, чего ей одной жить? Хоша Марья, — Матвей покрутил головой, — истинно своих родителей чадо, тронь, дак обрежешься. Прасковья, та помягче будет. Ладно, Господь разберется, что и как.

Поставив Марью на землю, Федор сказал жене:

— На Красной Горке я вас на Москву заберу. Петя при мне останется, а Степана в Лавру пошлем, к богомазам, пусть занимается. Тебя с Марьей я в подмосковную отправлю. Василий Иванович мне отписал, что в порядке усадьба, не разорили ничего.

Потянувшись, обняв мужа, Лиза перекрестила его.

— Ты осторожней, Федя, — попросила она. — Случись что с тобой, куда мы одни денемся? Окромя тебя, у нас другого защитника нет.

— Да все хорошо будет, — Федор поцеловал ее теплые волосы, — а коли понесла ты, дак лучше в подмосковной с дитем отсидеться. Я к вам приезжать стану.

Лиза нежно покраснела.

— Вы матушке помогайте, — велел Федор сыновьям, — тяжело ей одной вас обихаживать.

— Батюшка, — спросил Петя, — а на Москве мы опять воевать будем?

— А как же, — Федор сел в седло, — но, как самозванца разобьем, дак заживем спокойно. С Богом, милые мои, на Красную Горку встретимся.

Лиза и дети, стоя на крыльце, махали ему на прощанье. Тронув коня с места, Федор хмыкнул:

— В подмосковной лучше рожать. Место глухое, там ба-

бок повивальных взять неоткуда. На все воля Божья, — он вздохнул.

—Ксению вскорости увижу, наконец-то.

Догнав дядю, Федор заметил:

—Мы дней через пять в Кириллове окажемся. Жаль, что зима такой долгой выдалась. По реке бы поплыли, все быстрее было бы.

Над промоинами во льду Шексны синело веселое небо. Матвей усмехнулся:

—Сейчас, Федор, все быстрее пойдет. У нас же засыпает, дак мороз на дворе и метель, а проснешься — уж и верба распустилась. Пока ты Марью до Новых Холмогор довезешь, навигация начнется.

Лиза строго сказала детям:

—Бегите в избу, холодно еще. Садитесь заниматься, а я с Марьей поиграю, чтобы не мешала вам. Я потом из Евангелия вам подиктую, проверю как вы пишете.

Мальчишки с Марьей зашли в горницу. Закрывая ворота, Лиза взглянула на заснеженную дорогу, выющую по высокому берегу Шексны.

—Уж и не видно никого, — поняла она. — Господи, сохрани их всех. Мужа моего, Матвея Федоровича и Михайло Даниловича. Любил он мою сестричку, грустные у него глаза. Ах, Федосеюшка, что ж ты так мало пожила, сиротами деток оставила?

Лиза задержалась на крыльце.

—Наших бы еще на ноги поставить.

У стены амбара блестели на солнце аккуратно сложенные бруски льда. Улыбнувшись, Лиза скрылась в сенях.

В маленькой келье жарко горела русская печь. Белокурая девочка в темном сарафане послушницы, развернув листок с рукописной азбукой, ласково сказала:

—Давай, Машенька, я тебе покажу, а ты говори коя буква. Ошибешься, дак ничего страшного.

Васильковые глаза наполнились слезами. Помотав укрывтой апостольником головой, Маша с усилием выдавила:

—Б-боюсь.

—Не надо бояться, — Аннушка коснулась ее руки, — давай так. Я покажу тебе три буквы, ты их узнаешь, а потом мы покормим щегла, что у государыни Марьи Федоровны в клетке живет. Нравится тебе он?

Робко улыгнувшись, Маша кивнула.

—П-птица.

—Что птица делает?

Стройная женщина в черной рясе с золотым наперсным крестом неслышно зашла в келью. Наклонившись над столом, она погладила Машу по голове.

—Помнишь, Машенька, когда мы сюда приехали, еще осень стояла и птички не улетели. Что они делали?

—П-пели, — с готовностью ответила та.

—Вот как хорошо, — обрадовалась Мэри. — Правильно,

пели. Занимайтесь, милые, обедню скоро стоять.

Перекрестив дочь и Машу, она задержалась на пороге.

—Господи, быстрее бы весна. Ежели до Красной Горки никто не появится, дак мы сами уйдем. Нечего здесь сидеть. Я бы и сейчас ушла, но снег на дворе лежит. Опасно сие, да и навигация еще не открылась.

Толкнув дверь своей кельи, Мэри вдохнула запах сухих трав, развешанных в холщовых мешочках по стенам.

—Уж и обедня скоро, Ксения Борисовна. Хватит в окно глядеть, — сухо сказала она.

Ксения, не повернувшись, отозвалась:

—Сердца у вас нет, Марья Петровна. Камень у вас вместо одного.

Мэри коротко усмехнулась.

—Слышала я сие уже. У вас в одном месте свербит, Ксения Борисовна, сами не справляетесь.

Ксения покраснев, промолчала.

—И вот, казалось бы, — холодно продолжила Мэри, — пост и молитва блудные страсти смирять должны, однако вам сие не помогает. Идите в церковь, помолитесь. Может, о другом подумаете, хоша надежды на сие мало.

Она захлопнула за собой дверь и Ксения замерла.

—Скорей бы Федор приехал, — прошептала она, — хоша бы за ворота к нему выбежать, хоша бы как, но только бы с ним быть. Пешком за ним пойду, босиком, куда угодно.

Тоскливо взглянув на пустынную заснеженную равнину,

Ксения вышла из кельи.

—П-птица, — Маша насыпала щеглу зерен, — п-птица поет.

—Да! – Аннушка обрadowано взяла женщину за руку. — Видишь, как хорошо ты говоришь! Ты сегодня две буквы узнала, у тебя получается.

В просторной келье мерно гудела печь. Клетка со щеглом стояла на укрытом бархатной скатертью столе. По лавкам разложили меховые покрывала и атласные вышитые подушки. Наклонив красивую голову, щегол щелкнул клювом. По ногам повеяло холодком. В дверях застыла высокая худощавая женщина. Энни немедленно поклонилась.

—Мы уходим, государыня, мы птицу пришли покормить, вы разрешили.

Марья Федоровна молча прошла к пядцам у окна. Образ Спаса Нерукотворного блестел яркими золотыми волосами. Женщина потрещала сухими пальцами.

—Обедня уже.

—Мы уходим, уходим, — Аннушка дернула Машу за руку. Из-под черного апостольника девушки выбился золотой локон. Государыня сморщила высокий бледный лоб.

—Как у него.

Подойдя к Маше, она накрутила на палец волосы девушки. Та задрожала, но Энни шепнула:

—Потерпи, она так уже делала. Посмотрит и отпустит.

—Как у него, — указав на Спаса, государыня блуждающим взглядом оглядела келью.

—Мой сын жив!

Незаметно закатив глаза, Энни кивнула.

—Жив, государыня! Дмитрий Иоаннович царствует, дай Бог ему здоровья и долголетия.

—Жив! — сине-серые, ровно грозовая туча, глаза торжественно блеснули. — Это он, — Марья Федоровна прижалась к губам Иисуса, — он его укрыл и спрятал. Он вернется, придет, я знаю!

—Конечно, — Аннушка подтолкнула Машу к дверям. — Иисус вернется, так же и в Евангелиях написано.

Марья Федоровна что-то забормотала, ударяясь лицом о вышивку. Напоследок поклонившись, девочка вывела Машу из кельи. Не обращая на них внимания, государыня зашептала, глядя в ореховые глаза Спаса:

—Придет, вернется, я знаю, я верю!

Во льду Шексны зияли черные проруби. Марья Федоровна пробормотала:

—Тогда тоже была весна, снег уже стал рыхлый. Он спас мальчика, спрятал нашего Митеньку. В гробу не мой ребенок лежал, а чужой. Пусть приедет быстрее, я ждала его все это время...

Нежно погладив образ Спаса, она уронила голову в ладони.

—Мой сын жив! Жив!

Спешившись перед мощными воротами, Федор закричал:

—Открывайте, грамотцу вам привезли из Кириллова монастыря!

Перегнувшись в седле, Матвей тихо сказал Волку:

—И правда, пока мы в Кириллов ехали, пока там стены в обители чинили, весна пришла. Шексна вскрывается, и пахнет как сладко.

Оглянувшись на деревянную пристань, Матвей вздохнул.

—Они там до сих пор лежат. Они так и утонули в обнимку, княгиня Ефросинья и Иулиания. Тогда холодно было, зябко. У Иулиании все ноги в крови были. Прежде чем ее силой взять, я ее кинжалом изрезал. Целая лужа натекла тогда на досках. Господи, наказал ты меня, дак не надо более. Дай мне кровь и плоть мою напоследок увидеть, хоть какую.

Волк хмыкнул.

—Пока мы до Ладоги доберемся, все расцветет. Давно я не плотничал, — он размял мозолистые ладони.

—Ты с топором хорошо управляешься, — заметил Матвей, шурясь от яркого солнца, играющего в стылых лужах на проселочной дороге.

—Тако же и вы, — одобрительно сказал Волк, — даже не верится в ваши годы.

—Дак если топора в руках держать не умеешь, что ты за

мужик? — пожал плечами Матвей.

— Я, зять, разные вещи в жизни пробовал, — он тонко улыбнулся, — однако как саблей и топором орудовать и на смертном одре не забуду.

— Игумен Кириллова монастыря нас прислал, поправить вам стены, починить опосля зимы, — сказал Федор недоверчивым глазам, появившимся в узкой прорези ворот. — Тако же и в грамотце сказано его руки и с личной печатью. Федор Петров я, десятник.

Щель захлопнулась и ворота со скрипом отворили. Федор велел рабочим:

— Кирпичи сложите у стены под холст. Как потрапезуем, дак леса зачнем ладить.

Невольно перекрестившись, Матвей тронул с места буланого конька:

— Все будет хорошо.

Волк помешал палкой раствор в деревянной бадье. Федор закричал сверху:

— Поднимайте, вечерня скоро! Сию трещину надо сегодня заделать. Завтра церковью займемся, штукатурку старую собьем.

Поставив бадью на сбитый из грубых досок помост, Матвей вполголоса заметил:

— Племянник мой в своем деле разбирается, ничего не

скажешь. Третий день мы здесь, а стены почти все в порядок привели. Что там? — он кивнул в сторону внутреннего двора монастыря.

— Вережки нужны, — тихо ответил Волк, махнув Федору. — Там палаты закрытые, отдельно стоящие и церковь при них своя. В трапезной сказали, что они на общие обеды не ходят, им еду в кельи приносят.

— Да, — Матвей вытер рукавом армяка пот со лба. — Я смотрю, что самозванец их далеко запрятал.

— Здесь и Ксения Годунова, — добавил Волк. — Она ведь тоже наследница престола, Матвей Федорович.

Над Шексной играл алый закат. К вечеру похолодало. Дым из трапезной упирался столбом в усеянное бледными звездами небо.

Матвей, кисло усмехнувшись, сплюнул в снег.

— Как у нас других наследников нет, так и Борькина дочь сгодится на худой конец. Сначала Борис Федорович сестру под царя Федора Иоанновича подложил. Тот, окромя как кошечек гладить, ничем иным заниматься не мог, — Матвей помолчал. — Борька, видать, думал, что родит Ирина такого же блаженненького, а он из-за спины племянника править начнет. Борька же худородный. Кто б хороших кровей дочь с дураком повенчал, хоша и царем московским?

Матвей подышал на застывшие руки.

— Хорошо, что царь Иван в сторону Федосьи твоей покойной посмотреть не успел. Али смотрел, да руки у него не

дошли. Марфа бы волей дочь не отдала, понятное дело. На сестре моей Иван Васильевич сам хотел жениться во время оно.

Волк аж рот раскрыл.

—Женился бы, — Матвей поднял со снега топор, — дак нами бы сейчас Марфы сын правил. Как Федор, скажем, — он расхохотался. — Я Селима не знал, но что Марфа мне описывала, дак он ровно Иван Васильевич покойный был. Может, мягчее немножко.

Матвей поправил истрепанную заячью шапку.

—Как стало понятно, что Ирина неплодна, дак Борька бочком на трон влезать стал и влез. Что далее было, знаешь ты. Заодно он младшего сына Ивана Васильевича убил ради сего, ребенка восьми лет. Чего не сделаешь, чтобы шапку Мономаха на тебя надели, — Матвей помрачнел.

—Дак а Ксения, — спросил Волк, идя к трапезной, — Федор говорил вроде, что, когда самозванца скинут, то Шуйский на трон взойдет?

—У него хоша кровь получше, — отозвался Матвей, — только детей у него нет, и навряд ли появятся. Ксения девка молодая и здоровая. Когда Шуйский помрет, дак самая смута из-за нее и начнется, помяни мое слово. Охота же Федору в сие влезать.

Скинув шапку, Матвей шагнул в жарко натопленный подвал. Строителей кормили отдельно. Мать-келарь умильно улынулась:

—Сегодня у игуменьи именины, дак она велела вам со своего стола пряников послать.

—Водки бы, — сказал тоскливо кто-то из рабочих, однако осекся, заметив холодный взгляд Федора.

—Как закончим все, дак и погуляем, — пообещал десятник, принимаясь за вареный горох с луком и льняным маслом. — Ведро вам выставлю, в Кириллов за ним съезжу, а потом расчет дам.

—Дак если б задаток, Федор Петрович... — робко пробормотали с конца стола.

Отложив ложку, Федор взглянул на мужика и тот, опустив глаза, замолчал.

—Будет так, как я сказал, — Федор отрезал себе кусок хлеба толщиной с руку. Наклонившись к Матвею, он шепнул:

—Опосля трапезы на дворе задержитесь.

Мать-келарь внесла большой кувшин со свежим сбитнем и румяную пряничную коврижку.

—Хоша бы в сбитень вина подбавили, что им стоит, — вздохнул кто-то. — У людей мясоед на дворе, а мы кою неделю по обителям постимся.

—Ничего, — рассмеялся Федор, — потом мясо слаще покажется.

Поднявшись, задевая головой потолок, он накинул полушубок.

—Завтра на рассвете начинаем. Кто заспится, того само-

лично в Шексне искупаю.

Снег хрустко скрипел под ногами. Федор поднял голову.

— Я сегодня попытаюсь попасть в палаты, но вы со мной не ходите. Толпа ни к чему, заметят еще.

— А как ты туда проберешься? — поинтересовался Матвей.

— Я строитель, — хмыкнул племянник. — Мне по стенам лазить привычное дело. Веревки крепкие, выдержат. Посмотрю там ли они, а коли там, дак придумаем, как их выволить.

— Может, посторожить? — спросил Волк. — На всякий случай.

— Они с курами спать ложатся, — Федор почесал рыжую бороду. — Вона тихо как. Спите, а то вы к нашему делу непривычные. Вижу, что замаялись. Сам справлюсь.

Матвей зевнул.

— И, правда, Михайло, пойдем поживать. Мой племянш всех до рассвета поднимает и нельзя сказать, чтобы здесь кормили сытно. Дак хоть поспим вдоволь.

Голоса родни затихли, хлопнула дверь подвала. Заглянув в хлипкий сарайчик, возведенный под лесами, Федор хмыкнул:

— Какие крючья я в стену вобью, дак я же и выну потом. Дырки не заметят. Сие не трещины, можно не заделывать.

Намотав на руку веревку, подхватив крючья, он поднялся на леса.

Волк лежал на нарах, закинув руки за голову, накрывшись полушубком. Вокруг храпели рабочие, кисло пахло потом и грязью. Он усмехнулся:

— Хоша тараканы по лицу не ползают, и на том спасибо. Как без Федосьи одиноко, никогда я так не ворочался. Господи, обнять бы ее, хоть раз напоследок. Как умру, дак мы свидимся на небесах, но тебе, Михайло Данилович, умирать нельзя, у тебя дети на руках.

Перевернувшись на бок, уткнув лицо в шапку, Волк закрыл глаза.

Золотой детский крестик переливался алмазами. Наклонившись над богато убранной кружевами колыбелью, Волк ласково сказал младенцу:

— Доброе утро!

Дитя зевнуло, протягивая ручки. Осторожно подняв младенца, Волк поцеловал его в теплый лоб.

— Мама де? — озабоченно спросило дитя.

— Здесь, милый, — раздался мягкий голос. Женщина, стоя сзади, положила голову Волку на плечо. За раскрытыми ставнями переливалась на солнце величественная река. Над мягкими зелеными холмами на противоположном берегу кружились птицы.

—Папа! – радостно проговорил ребенок. – Папа!

Волк прижал к себе дитя и женщина обняла его. Он поднес к губам маленькую нежную руку. Она рассмеялась.

—Видишь, еще года нет, а уже «папа» сказал.

Проснувшись, Волк полежал, рассматривая низкие своды подвала.

—Я так и не увидел ее лица, — пробормотал он.

Поднявшись с колен, Ксения перекрестилась.

—Господи, пришли его скорее!

Выйдя в стылый коридор, девушка подняла свечу.

—Все спят уже. Господи, хоша бы я в отдельной келье обитала, но самозванец велел нас вместе поселить.

Горько усмехнувшись, девушка пошла к жилым палатам. Из темной ниши выступила тень и Ксения, уронив свечу, приглушенно вскрикнула. Огромная ладонь закрыла ей рот. Толкнув девушку к стене, Федор шепнул:

—Ты одна спишь?

Глаза девушки расширились и Ксения помотала головой.

—С Марьей Петровной, вдовой Романа Михайловича, что при брате моем был. Ты приехал?

—Приехал, — усмехнулся Федор. – Кто еще в кельях?

—Дочка Марьи Петровны, Аннушка, вместе с юродивой Машей и государыня Марья Федоровна в своей келье, — Ксения приникла головой к его груди.

—Господи, спасибо тебе.

—Завтра ночью одна останься, — велел Федор, целуя ее. Девушка оперлась рукой о стену.

—Да!

—С-снег, — ласково сказала Маша, набрав его в маленькую ладошку. — С-снег!

—Правильно, — Мэри нежно коснулась щеки девушки.

—Хоша морщины ушли, как она сытно есть стала, — вздохнула женщина. — Бедняжка и не знала ничего, кроме хлеба и воды. Похлебку попробовала и расплакалась: «Горячо! Жжет!». Она гуляет каждый день, а все равно бледненькая. Ничего, она оправится. Шутка ли, столько лет под землей просидеть.

С крыши палат капала вода, светило яркое солнце. Мэри сказала:

—Давай, Машенька, птичек покормим. Я крошек от хлеба взяла».

—Т-тепло, — вдруг улыбнулась Машенька. — Т-тепло!

—Хорошо, да, — согласилась Мэри, насыпая крошек в руку девушки. — Кидай, Машенька, не бойся. Слышишь, как птички щебечут?

—П-поют, — ответила та. — П-птички п-поют!

Воробьи, трепеща крыльями, слетели с крыши и девушка удивленно ахнула:

—М-много п-птиц!».

Размеренно зазвонил колокол. Мэри, перекрестившись, бросила взгляд на монастырскую стену, где копошился какой-то мужик. Машенька дернула ее за рукав рясы.

—К-кто?

—Рабочий, — спокойно ответила Мэри. — Он стену чинит, милая. Иди, — она насыпала Машеньке еще крошек. — Аннушка на двор вышла, погуляйте с ней.

Поманив к себе дочь, Мэри шепнула:

—Ждите за палатами, я вас потом заберу.

Аннушка, кивнув, лукаво спросила у Маши:

—Поделишься со мной крошками? Я тоже хочу птичек покормить. Пойдем туда, — девочка указала на зады келий. — Там солнышко пригревает.

—С-солнышко, — улыбнулась Маша. — С-солнышко теплое!

Они ушли рука об руку. Мэри, было, шагнула с крыльца вниз, однако на ее плечо легла женская рука.

—Он приехал! — торжествующе сказала Ксения. — Федор Петрович за мной приехал! Он сегодня ночью ко мне придет!

На щеках девушки полыхали красные пятна и Мэри ледяным голосом ответила:

—Я тако же в келье о сию пору буду, Ксения Борисовна. Об сем вы забыли, видно? Али хотите, чтобы я к игуменье пошла? На Москве вы были дочь царская, а здесь такая же инокиня, как все. За блуд ваш насидитесь в тюрьме мона-

стырской на чепи.

—Марья Петровна! — девушка уцепилась за ее руку. — Я прошу вас, пожалуйста! Переночуйте с Аннушкой сегодня.

—Не приведи Господь, она понесет, — хмыкнула Мэри. — Я уеду, раз Федор здесь, а Ксения младенца невинного душисть будет. Федор из монастыря ее не заберет. Да и вообще, — Мэри разозлилась. — Хватит уже. Взрослый мужик, нечего его блуд покрывать. Опасно, ежели их застанут, нам тогда с Аннушкой и Машей отсюда долго не выбраться.

Страхнув руку Ксении, она твердо сказала:

—Нет!

—Сучка, — выплюнула Ксения. — Сучка лицемерная! Я под него где угодно лягу, хоша здесь, — она указала на лужи посреди двора.

—Сие дело ваше, — безразлично ответила Мэри. — Однако из кельи я уходить никуда не собираюсь.

Сойдя с крыльца, она направилась к церкви. Ксения грохнула тяжелой дверью палат. Резко свернув, Мэри стала прогуливаться по протоптанной вдоль стены дорожке.

—Сие племянница моя, Марья Петровна.

Матвей указал Волку на маленькую женщину в черной рясе и черной отороченной мехом душегрее. Задрав голову, она рассматривала каменную кладку стены. Сунув руку в карман армяка, Волк невзначай раскрыл ладонь.

— Умно ты это придумал, — одобрительно сказал Матвей.

Порывшись в сугробе, монахиня спрятала что-то в рукаве.

— В Японии научился, — усмехнулся Волк. — Штучка простая, долотом недолго выдолбить и крючок ввинтить. Мы потом на веревке подыдем и никто ничего не заметит.

Монахиня быстрым шагом вернулась в палаты и Матвей опустился на колени.

— Хоша для вида повозимся, ино чинить здесь нечего, зато все заметно — кто идет и откуда. Веревка у тебя?

Кивнув, Волк осторожно спросил:

— А дочка-то ваша где?

— Не видел пока, — коротко ответил Матвей, разглядывая солнце над Шексной. — Смотри, Михайло, сосульки капют. Скоро здесь все в грязи потонет. Мы с тобой на закат пойдем, там реки вскроются, все быстрее.

— Вот она, — Михайло размотал веревку.

Прицепив к ней что-то, обогнув палаты, монахиня скрылась из виду. Поддев ногтем крышку, прочитав записку, Матвей побледнел. Волк потормошил его:

— Что такое, Матвей Федорович?

Тот едва слышно выматерился.

— Господи, какой дурак! — хмуро сказал Матвей. — Взрослый мужик, женатый, и туда же — головой не думает!

— Да что случилось-то? — непонимающе поинтересовался Волк и Матвей сплюнул на крышу.

— Племянник мой сюда блудить приехал с той самой Ксе-

нией Годуновой. Сегодня ночью навестить ее собирается, совсем ум потерял. Ежели найдут его, то нам ни Марью, ни дочь ее, ни Машку мою ввек отсюда не вытащить.

—Он женат, — возмутился Волк. — Как можно так с женой венчаной обходиться.

—Дак и не пойдет он сегодня никуда, — обернулся Матвей. — Понял, Михайло? Хоша на пороге ляг, а чтоб Федор его не переступил. Еще чего не хватало, из-за его дурости всем рисковать. Иди, — он кивнул на леса. — Обедать пора.

—А вы? — тронул его за плечо Волк.

—Я здесь побуду, — Матвей не отрывал взгляда от монастырского двора. — Иди, Михайло, я спущусь потом.

На белом снегу появились три черные фигуры. Сжав за холодевшие пальцы, Матвей прищурился.

—Дочка!

Из-под ее апостольника выбился золотистый локон. Мэри что-то сказала Маше. Робко подняв руку, девушка едва заметно помахала. Вспомнив записку, Матвей прошептал:

—Не могу я уехать, ее не увидев. Тихо все сделаю и не заметит никто.

Иноксини зашли в палаты, а Матвей спустился по лесам к трапезной.

Ему снилась мощная река. Волк опустил руку в прозрачные волны, с шуршанием накатывающиеся на берег.

—Холодная, — понял он. — Ровно, как в Сибири.

Нежные руки обняли его сзади и женский голос шепнул:

—Хорошо здесь.

—Хорошо, — согласился Волк, целуя ее ладонь. Женщина смешливо продолжила:

—Пойдем, дитя спит и ты отдохнуть хотел.

Он потерся щекой о ее руку.

—Мы еще посмотрим. Я, может, и отдохну, а вот кто-то вряд ли.

Голос рассмеялся и Волк хотел повернуться, но его пальцы нашарили только темную пустоту. Приподнявшись на локте, он отпил кваса из деревянного жбана. За спиной зашуршала одежда. Волк тихо поинтересовался:

—Куда это ты собрался, Федор Петрович?

—Спи, — велел Федор, застегивая полушубок. Легко вскочив, Волк загородил спиной дверь.

—Куда?

—Не твое дело, — сквозь зубы ответил шурин.

Голубые глаза Волка блеснули льдом и он шагнул вперед.

—Очень даже мое. Ты, Федор Петрович, в шайке никогда не работал. Коли я один на большую дорогу выхожу, дак мне только перед собой и Господом Богом ответ держать, а коли с подельниками, дак от них секретов быть не может. У кого появятся, тому сразу горло перережут. Самолично я и резал, — Волк улыбнулся.

—Здесь не шайка, — хмуро ответил Федор, засовывая в карман полушубка веревку.

— Дело-то одно делаем, — Волк оперся о дверь. — Ты слы-

шал, небось, как французы говорят: «Un pour tous, tous pour un». Ложись Федор Петрович. Тебе завтра еще в Кириллов ехать за ведром водки, чтобы следующей ночью здесь все перепились.

—Еще всякая шваль мне указывать будет, — пробормотал Федор.

—Язык прикуси, — посоветовал ему Волк. — Я тебя сейчас жалею, потому как ты мне родственник. Был бы не оный, дак я б уже кишки твои ногами растоптал. Сядь, — он указал на нары.

Федор выматерился сквозь зубы, но повиновался.

—Хорошо, — кивнул Волк. — И запомни, Федор Петрович, что от Писания сказано: «Берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно против жены юности своей».

Даже в темноте было заметно, как покраснел Федор.

—Стыдно, — протянул Волк. — Оно и славно. Может, разум у тебя в голове появится, а то четвертый десяток тебе пошел, у тебя жена и детки, а ты блудить собрался.

—А ты что за поп? — зло спросил Федор. — Всякий ублюдок будет мне...

Он схватился за разбитый нос.

—Я в браке венчаном рожден, — холодно сказал Волк. — Предков своих до государя Ивана Калиты я знаю поименно. Они все ворами были, тако же убийцами.

Подув на костяшки, он добавил:

—Не мерься со мной кровью, Федор Петрович, не дорос

ты до сего. Ополоснись из ведра и спи. Завтра ночью нам работать предстоит.

Кинув полушубок на каменный пол, Волк устроился у двери.

—Я здесь побуду. Коли выйти вздумаешь, — он усмехнулся, — дак я тебе сего не советую, Федор Петрович. Пока по-родственному не советую, по-дружески.

Волк широко, сладко зевнул. Федор выругался, исчезая в темноте подвала. Плеснула вода, закрипели нары. Волк закинул руки за голову.

— Одним щелчком с таких спесь сбивается. Как можно Лизавету Петровну обманывать? Она его любит, заботится, только на него и смотрит. И детки у них хорошие. Что же то за река? Вроде и Сибирь, но не похоже, теплее. Красиво там, спокойно. Пусть Господь опять мне ту женщину покажет, кем бы она ни была.

Задремывая, Волк понял, что улыбается.

Закрыв за собой дверь кельи дочери, Мэри тихо сказала:

—Аннушка, сбирайся к ночи. Волосы потом отстрижем. Машенька где?

Девочка присела на лавку рядом с матерью.

—В церкви. Мамочка, мы к бабушке поедем?

—К бабушке, к дедушке Виллему, ко всей семье нашей,

— Мэри погладила дочь по голове. —Вернемся и отправимся

на север, в Нортумберленд, в имение папы. Там теперь все твое, Энни, и титул тоже.

—Если бы папа был жив, — горько вздохнула девочка. — Я так по нему скучаю. Я засыпаю и думаю, что утром его увижу, но потом вспоминаю, что его больше нет, — голос Энни задрожал и Мэри ласково сказала.

— В Новых Холмогорах есть англиканский священник. Мы помолимся с ним за душу папы.

—Скорей бы, — Энни взглянула на мать отцовскими, серыми глазами. — Надоел мне ладан. Я домой хочу, в Англию. Буду собираться, — она легко вскочила с лавки и Мэри хмыкнула:

—Ровно я в ее годы, чистый мальчишка. Оденемся в армяки и шаровары и никто ничего не заподозрит. С лошадьми Энни хорошо управляется. Маша коней не испугается, она их уже видела.

Зайдя в домовую церковь, Мэри опустилась на колени перед образом Спаса, рядом с Машей. Взяв руку девушки, она шепнула:

—Ночью мы уедем, Машенька. Батюшка твой здесь. Помнишь, я тебе показывала его?

Васильковые глаза девушки играли золотом в отсветах огня свечей.

—Б-батюшка, — нежно сказала Маша. — М-мамы нет, батюшка есть!

Маша вопросительно склонила голову.

—М-молодец?

—Молодец, — Мэри поцеловала ее в лоб. — Ты длинные слова говоришь, и бойко как. Все будет хорошо. Беги, Аннушка убирается, помоги ей.

Посмотрев вслед хрупкой фигурке, Мэри вздохнула.

—Что смогли, так то и сделали. Она ровно ребенок. Энни ее взрослее, хоша той девять лет всего. Ладно, — женщина пошла к своей келье. — Вернемся в Англию и заживем с Энни вдвоем. Хотя можно и поработать где-нибудь. Посмотрим, как все сложится.

Толкнув дверь, Мэри встала на пороге и Ксения отвернула голову к стене.

—Все равно он придет, — страстно пожелала Ксения. — Сейчас не смог, так все равно вернется и придет. Я буду ждать, потому что кроме него, мне никто не нужен. Самозванца скинут и мы заживем вместе. Грех смерти человеку желать, но ежели с женой его что случится, так мы обвенчаемся. Детей ему рожу.

Девушка услышала голос Мэри:

—Я вам отвар сделала, выпейте.

—Не буду, — помотала головой Ксения. — Не хочу. На все воля Божья.

—Сие на случай, ежели к вам Федор Петрович придет, — усмехнулась Мэри. — За сей отвар вы меня поблагодарите. Коя женщина его выпьет, так та еще горячеей становится. Я сегодня в келье у Аннушки переночую.

Ксения жадно схватила за кружку и Мэри незаметно хмыкнула:

—Куда еще горячеей. Завтра она до обедни проспит, травы хорошие. Марья Федоровна вообще из кельи только в церковь выходит.

Прополоскав кружку в умывальном тазу, Мэри заметила:

— А вы говорите, что у меня сердца нет.

Ксения, зевнув, взбила подушку.

—Простите, — пробормотала девушка. — Я сейчас посплю, чтобы к вечеру готовой быть. Ночью-то мне отдохнуть не придется.

Потянувшись, она закрыла глаза. Повесив кружку на крюк, Мэри стала неслышно складывать вещи.

Зачерпнув оловянным жбаном из ведра, Матвей занюхал водку горбушкой хлеба. Над шумящим подвалом пронесся зычный голос Федора:

—Завтра все спят, ино праздник престольный, грех работать. Тако же и послезавтра. Опосля праздника отдохнуть надо. Не зря я вам одно ведро обещал, а привез три, — он усмехнулся.

Рабочие одобрительно закричали и Матвей тихо спросил у Волка:

—Возы готовы?

—А как же, — отрезав соленой рыбы, Волк рассмеялся. — Соскучился. Хоша она с душком, а все равно лучше нет.

—Мы с Федором стружек туда накидали, штукатурки отбитой, камней осколки. Уложим всех, холстом накроем и никто ничего не заметит, — добавил Волк, пережевывая рыбу.

—Федор из Кириллова обноски захватил, никто на нас во второй раз и не взглянет. Потом коней распряжем, — Михайло почесал в бороде. — Без вшей-то мы не обошлись, Матвей Федорович, кусаются. Тако же и блохи.

Матвей рассмеялся.

—А ты что думал, Михайло? Когда я в первый раз в Углич к Марфе приехал осмотреться, я потом полгода оных тварей выводил. Теперь вот что, — он выпил еще водки. — Вы с возами в лесу меня ждите, на той опушке, где мы договорились. Я в палатах ненадолго задержусь.

—Рискуете, Матвей Федорович, — неодобрительно протянул Волк. — Может, не надо?

—Надо, — коротко ответил Матвей, опять потянувшись за водкой.

—Не много вам? — озабоченно поинтересовался Волк. — Сие не вино все-таки.

Матвей поднял бровь.

—Я не только короля Генриха перепивал, но и царя Ивана покойного, а он мужик здоровый был. Я тоже таков, — он подтолкнул Волка. — Дай рыбы, Михайло. Нет сил слушать, как ты жуешь вкусно.

Устроив пласт соленого сазана на ломте ржаного хлеба, Матвей ловко очистил луковицу.

—Впрочем, куда я Машку везу, дак там рыбы хоша лопатой гребн, — крепкие белые зубы вонзились в лук и Волк понял:

—Они похожи с Марфой Федоровной. Ровно кинжалы легкие, а бьют смертно.

Матвей сплюнул на пол кости.

—Отъедем отсюдова подалее и рябчиков постреляем. Я их в глине запеку. Мы так с королем Генрихом покойным делали, когда в Польше охотились. Соль у нас есть, а более ничего и не надо.

На монастырской стене дул порывистый ветер. Среди тяжелых туч едва блестела бледная луна. Волк запахнул полшубок.

— И вправду днем тепло, солнышко припекает, а ночью ровно зима. В Париже о сию пору цветы распускаются. К концу лета я уже в Лондоне окажусь. Возьму детей и отправлюсь во Францию.

Наклонившись, он взял маленькую руку. Блеснули лазоревые глаза и он помог женщине взобраться на стену.

—Вы Михайло Данилович, — шепнула она. — Ножницы есть у вас?

—Имеются, Марья Петровна, — кивнул Волк. — Тако же и одежда приготовлена.

—Мне очень жаль, — женщина крепко пожала его руку.

Тонкие, но сильные пальцы оказались ровно такими же, как у тещи Волка.

— Да хранит Господь душу Тео, — Мэри вздохнула. Наклонившись, она вытащила на стену маленькую белокурую девочку.

— Это твой дядя Майкл, Энни, — сказала женщина, — муж покойной тети Тео. Я тебе говорила о ней.

Девочка тоже подала ему руку, как взрослая.

— Я знаю, что вы жили в Японии. Расскажите?

— Непременно, — пообещал Волк. Понизив голос, он добавил:

— Мне тоже очень жаль, Мария Петровна. Вы потеряли мужа...

— Вечная ему память, — Мэри перекрестилась. — Сие наша Машенька.

Хрупкая девушка испуганно прижалась к Мэри и Волк вздохнул:

— Правильно я Матвею Федоровичу сказал, что нечего одному с дочкой ехать. Она ровно воробышек, за ней уход нужен. Сколько лет ни тепла, ни ласки не знала.

Он улыбнулся.

— Я Волк. Волк.

— В-волк в л-лесу, — робко ответила Машенька. — В л-лесу!

— Там тоже попадается, — смешливо согласился Михайло Данилович. Шурин позвал их:

—Все, спускаемся. Матвей Федорович позже обещался быть».

—Б-батушка! — озабоченно сказала Машенька. — К-к б-батушке х-хочу!

—Он вернется, — успокоила ее Энни. — Пойдем, милая. Ты подниматься боялась, а все прошло легко. Мы скоро уедем отсюда с твоим батюшкой.

Федор, встав на леса, подал руку племяннице. Мэри, глядя на дочь, горько закусил губу.

—Она со своим отцом никогда не встретится, бедная. Как детки ваши, Михайло Данилович? Тяжело ведь им без ма-тушки?

Волк помолчал.

—Конечно, Марья Петровна. Младшему нашему, Стивену четыре годика всего.

—Энни восемь, — женщина сжала пальцы. — Она труп отца своего на колу видела, Михайло Данилович, с глазами выжженными. Сие Болотников сделал, самозванца подручный. Они брата моего искали и думали, что сэр Роберт скажет им, где Федор, однако он ничего не сказал.

Тряхнув изящной головой в черном апостольнике, Мэри ловко спустилась по хлипкой жерди.

На дворе, укрыв возы холстами, Волк подошел к Федору.

—Вот что, шурин, коли ты здесь остаешься, дак о Болотникове сем не забудь.

Голубые глаза Федора прищурились и он спокойно отве-

тил:

—Око за око, как Писание нас учит. Поехали, до рассвета я хочу оказаться на той опушке.

Волк тронул поводья.

—Все, Господи. Дождемся Матвея Федоровича и пойдем каждый своей дорогой, а в Лондоне встретимся.

—Мусор вывозим ради праздника престольного, — сказал Федор сторожам. — Чего дряни всякой на дворе валяться. Пусть завтра с утра все чисто будет.

Ворота открылись и Федор оглянулся на монастырь.

—Марья с Аннушкой сами до Новых Холмогор доберутся. Марья так стреляет, что мало кто ей ровня, и с конями лучше мужиков управляется. Скажу ей, что к Лизе еду и сюда вернусь.

Возы медленно катились по обледенелой дороге. Прижимая к себе дочь и Машеньку, Мэри закрыла глаза.

—Слава Богу, все кончилось.

Толкнув дверь кельи, Матвей замер на пороге.

—Здравствуй, Марья. Вот и свиделись мы.

Она вскинула голову от Псалтыря. Сине-серые, обрамленные черными ресницами глаза взглянули на Матвея и тот схватился за косяк.

—Ей всего сорок два, — вспомнил Матвей. — Господи, она совсем молодая. Марфа в ее годы последнего родила.

— Жив сыночек наш, — нежно сказала государыня. — Жив Митенька. Спасибо тебе, Матюша. Будет кому мне глаза закрыть на одре смертном. За тебя я помолюсь, — женщина улыбнулась. — Я каждый день сие делаю, с тех пор как увидела тебя на Дмитровке.

Опустившись на пол, прижав ее холодную руку к щеке, Матвей подышал на длинные пальцы.

— Поедем со мной, милая, — попросил он. — Пожалуйста. Я люблю тебя, Марья. Как тогда любил, дак и теперь.

— Я с Митенькой останусь, — Марья Федоровна опустила блуждающие глаза и Матвей невольно поежился.

— Сыночек наш царствует. Ты ведь сего хотел, Матюша, как меня опосля Ивана Васильевича в постель уложил? Ты хотел царю отомстить, чтобы твой сын, а не его на троне сидел? Дак получилось у тебя.

Матвей, поднявшись, встряхнул ее за плечи.

— Нет! Я тебя хотел, Марья.

— Хотел, дак увез бы тогда от сестры твоей, — женщина отстранилась. — Ты ее выбрал. Хоша сына нашего спас, и на том спасибо. Никогда я не любила никого, окромя тебя, Матюша.

Она кусала губы, раскачиваясь, неслышно плача:

— Жив сыночек, жив Митенька.

Поцеловав женщину в лоб, Матвей шепнул:

— Прощай, Марья.

Она положила руки на вышивку с образом. Увидев золо-

тые волосы и ореховые глаза Спаса, Матвей было хотел что-то сказать, но ее тонкие пальцы погладили лицо на вышивке. Женщина ударилась лицом о пяльцы, что-то бормоча. Матвей, не оборачиваясь, вышел в холодный белокаменный коридор.

Маленький, коротко стриженный мужик в потасканном армяке прицелился и рябчик, хлопая крыльями, свалился с ветки.

—Вы, должно, белку в глаз бьете, Марья Петровна, — одобрительно заметил Волк, поднимая птицу.

—Меня матушка стрелять учила, — рассмеялась Мэри, — и батюшка тоже метким был. Мы с Робертом оба охотиться любили. Когда после венчания мы поехали на север, дак от рассвета до заката в седле проводили. И на медведей я ходила в Швеции, — оглянувшись, она тихо добавила:

—Машенька бедная от Матвея Федоровича не отходит. Спасибо, Михайло Данилович, что присмотрите за ними. Дяде Матвею семьдесят лет, не шутка. Мы с вами в Лондоне встретимся?

Женщина засунула пистолет в карман армяка.

—Наверное, — смешливо отозвался Волк, — вы там ранее меня окажетесь. До Белого моря отсюда ближе, чем до Ладоги. Когда обустроитесь, дак приезжайте с Энни в Париж повидаться.

—Спасибо, — отозвалась Мэри, — я думаю, что Джон

меня в Германию пошлет. Заглянем к вам по дороге.

Волк откашлялся.

—Вы еще работать собираетесь, Марья Петровна?

—Конечно, — безмятежно отозвалась Мэри, натягивая овчинные рукавицы, — я людям языки хорошо развязываю, Михайло Данилович. К тому же я вдова теперь, — губы женщины дрогнули. — Для работы сие только на руку.

—Вы, может, еще и замуж выйдете. Вам и тридцати лет нет, — осторожно продолжил мужчина.

—После Рождества двадцать восемь исполнилось, — Мэри мимолетно улыбнулась. — Мне бы дочь вырастить, Михайло Данилович, не до замужества мне. Я дома не люблю сидеть. Я с пятнадцати лет нашим делом занимаюсь, тако же и с Робертом познакомилась. Вы Полли не видели, как в Лондоне были? — спросила она, выходя на узкую тропинку.

—Нет, — ответил Волк, разглядывая ее прямую спину, — Марфа Федоровна объяснила, что им пришлось бежать из Рима. Из Франции они отплыли в Новый Свет с экспедицией, но сим летом должны вернуться.

—Встречу, значит, сестричку мою, — нежно проговорила Мэри. — Мы с ней двойняшки, всю жизнь вместе. У нее муж очень хороший человек, как мой Роберт покойный был, — Мэри усмехнулась.

— Пока мы в Копенгаген не уехали, Роберт для Джона людей убивал. Кого надо было, сами понимаете, — женщина добавила: — Он при батюшке Джона, старом мистере Джоне,

работать начал.

—А в Копенгагене он чем занимался? — поинтересовался Волк, глядя в большие лазоревые глаза.

—С Энни сидел, готовил, читать ее учил, гулял,— Мэри рассмеялась. — Там я работала, при дворе короля Кристиана, а сейчас дядя Мэтью туда едет.

—А вы откуда знаете? — изумился Волк. — Он никому не говорил, куда Машеньку везет.

—Сие дело нетрудное, — отозвалась Мэри. — Вы просто с дядей Мэтью недавно знакомы. Он всегда говорил, что на старости лет хочет осесть в Копенгагене.

Выйдя на опушку, она весело сказала:

—Вот и рябчики. Давай-ка, Энни, ими займемся!

—Мы сами с Машенькой сделаем, — Матвей поднялся. — Пойдем, Машенька, научу тебя, как их готовить.

Он подал дочери руку и та доверчиво посмотрела на отца.

—Х-хорошо, б-батюшка.

Матвей незаметно сглотнул слезы.

—Ничего, она оправится. Я буду заниматься с ней каждый день, гулять, в церковь ходить. Я в Копенгагене не при дворе буду. Сиди, держи безопасный дом, людей встречай и провожай. Времени у меня много, я поставлю ее на ноги.

—К-красиво, — Маша указала на промоину в снегу. Через жухлые палые листья пробивалась зеленая трава.

—Очень красиво, доченька, — он поцеловал золотистые волосы на виске девушки.

Подсадив дочь в седло, Матвей поправил стремя.

— Не бойся, милая, кобылка смирная. Будешь на ней ровно как на лавке.

Опасливо протянув руку, Маша погладила гнедую гриву и лошадь ласково заржала.

— Последите здесь, — велел Матвей мужчинам и кивнул Марье.

— Отойдем.

— Значит так, — Матвей вздохнул. — Федор тебя с рук на руки передаст нашему человеку. Запоминай. Доберетесь до Новых Холмогор и придете в порт. Там спросите мистера Майкла.

— Фамилия его какая? — поинтересовалась Мэри.

— Кто его знает? — Матвей пожал плечами. — Он на работу нанимался, когда у Джона отец умирал. Написано мистер Майкл и все. Половину бумаг того времени сожгли, как ее Величество скончалась. Не след такое хранить было, — он усмехнулся. — Половину разбирают еще, концов не найдешь. Вроде тем годом присылали почту, он еще там.

— Чем он занимается-то? — поинтересовалась Мэри, разглядывая весеннее небо.

— Священник англиканский, как у вас на Москве был, — ответил Матвей.

— Да, — женщина кивнула. — Мы через него передава-

ли донесения на корабли. Все сделаю, дядя Мэтью. Спасибо, что помогли нам.

Мэри поцеловала Матвея в щеку и он ворчливо спросил: — Дом-то ваш в Копенгагене хороший? Я и не был у вас никогда, а мне там жить теперь.

— Очень, — уверила его племянница. — Гавань рядом. Будете ходить пиво пить, а Машенька пусть чаек кормит.

— Пойдем прощаться, — вздохнул Матвей. — До Ладogi путь неблизкий.

Поманив к себе Федора, Матвей строго шепнул:

— К Лизавете загляни, как в Ярославль возвращаться будешь. Не оставляй ее надолго с детьми одну. И осторожней будь. Коли казнят тебя, али еще что, дак Лизавета с тремя детьми на руках останется. Куда ей деваться?

Федор улыбнулся.

— Не казнят, Матвей Федорович. Мы все обделаем, как надо. Василий Иванович на престол сядет и заживем спокойно.

— Ну-ну, — только и ответил Матвей, подставив лицо яркому солнцу. — Весна-то пришла, Михайло, — он взял маленькую руку дочери. — Весна, Машенька.

— Т-тепло, п-папа, — ответила женщина. — Т-тепло.

Перегнувшись в седле, Волк пожал Федору руку.

— Ты помни, шурин, что я тебе в подвале сказал, не за-

бывай.

—Ладно, — буркнул тот и обернулся к сестре.

—Поехали. Может, пока мы до Двины доберемся и лед сойдет, дак лодку возьмем.

—Счастливого пути, Марья Петровна, — Волк склонился над ее рукой. — С тобой, Энни, мы на Темзе покатаемся, — добавил он. — Кузина твоя, Белла, в Лондоне приедет к тому времени. Ей тринадцатый год идет, вы подружитесь.

Мэри перекрестила их.

—На рожон не лезьте, поняли?

—Вы тако же, — Матвей пришпорил своего коня.

Посмотрев вслед трем всадникам, удаляющимся по северной дороге, Волк тихо спросил:

—Все хорошо с ними будет, Матвей Федорович?

—Марье палец в рот не клади, — присвистнул Матвей.
— Ты за нее, Михайло, не беспокойся. Она тебя в Лондоне первая встретит.

Волк еще раз оглянулся, но дорога уже опустела. Темный лес стоял стеной, где-то тоскливо кричала птица. Волк, пожившись, крепче взялся за поводья.

Высокий человек в черном камзоле шагнул в лодку. Завернувшись в грубый плащ, он велел на ломаном, с акцентом, русском:

—К фактории.

Обернувшись на корабль, он незаметно погладил тяжелый

мешочек с золотом, спрятанный под плащом.

Огромная Двина топорщилась под южным ветром, в лодку плескали речные волны. В тумане виднелись очертания деревянного острога на холме и низкие здания складов под откосом.

Корабли стояли бесконечной стеной, разноцветные штандарты мокли под дождем. Майкл Кроу улыбнулся.

—Очень хорошо, что царь велел не препятствовать въезду и выезду иностранцев. Здесь такая толкотня, что можно свободно исчезнуть. Последние деньги я получил, пора отправляться восвояси.

Ловко соскочив на пристань, он пошел к пристроенной сбоку фактории бревенчатой церкви.

— Я слышал, что вы уезжаете, мистер Майкл, — остановил его знакомый голландский капитан. —Очень жаль, как мы теперь без священника? Говорят, что у нового царя жена будет католичка. Явятся сюда прелаты из Рима, как будто нам в Европе их не хватает.

Голландец закурил, облокотившись о сырые перила причала.

—Приедет кто-нибудь, — успокоил его Майкл. — Царь разрешил свободно путешествовать, чего здесь никогда не случалось. Может быть, кто-то из немецких пасторов соберется или из Англии, как я.

—А вы домой? — поинтересовался голландец. — В Лондон?

—Обратно на Яву, — Майкл, поклонившись, пошел дальше.

—Хороший человек, — пробормотал голландец. — Только к себе очень строг, хотя для пастора это правильно.

Зайдя в факторию, повернув на жилую половину, Майкл опустил засов на дверь своей маленькой комнаты. На столе лежала Библия женеvского издания, а над простой лавкой, где он спал, красовался деревянный крест. Опустившись на колени, он подцепил кинжалом половицу. Порывшись в шкатулке с письмами, Майкл развернул листок.

—К следующему лету окажись в месте, которое мы обсуждали, — читал преподобный отец. — Капитан Ньюпорт ведет три корабля из Лондона с более чем сотней колонистов. Учитывая твой финансовый вклад, ты станешь членом совета, который будет руководить поселением и принимать все решения. Одновременно со строительством форта мы заложим церковь и у тебя появится место для служб. Разумеется, католиков в колонию мы не допустим. Более того, учитывая близость испанцев, совет вынесет решение прочитывать все письма поселенцев перед отправкой их в Англию. Желаю тебе счастливой дороги.

Убрав письмо, Майкл потрещал костяшками пальцев.

—Может быть, заехать в Лондон? Нет, — он покачал головой, — рисковать нельзя. Я потерплю. Сначала папин клад, потом братец Ник, а потом я приеду и заберу все, мне

причитающееся.

Налив себе воды из кувшина, он взгляделся в туман, затянувший берег Двины.

— Жаль, что не удалось прочесть завещание младшего Кроу, — задумался Майкл. — Там сын и две дочери. Остальных шлюха принесла в подоле и вряд ли дядя Питер оставил им деньги. Прекрасно, избавимся от сына, женимся на дочери, и тогда будет, как надо.

Устроившись за столом, придвинув к себе чернильницу с пером, Майкл углубился в подсчеты.

Невысокий мужичок в промокшем армяке, выпрыгнув на глинистый берег, сказал светловолосому мальчишке:

— Вылезай, это Новые Холмогоры.

Помогая матери вытащить лодку, Энни зачарованно ахнула:

— Сколько здесь кораблей!

— Это ты еще лондонский порт не видела, — Мэри похлопала себя по карманам.

— Один кинжал, и все. Пистолет остался, а вот пороха в лесах взять неоткуда. Ничего, мы не голодали. Рыбы в реках столько, что хоть по колено в ней ходи. Правильно я Федора к Лизе отпустила. Он сейчас воевать пойдет, мало ли что случится. Глаза у него грустные были, видно, что тосковал по ней. Ксения Борисовна пусть там хоша на стены лезет,

— Мэри незаметно усмехнулась. — Не получилось у нее, и слава Богу.

Потрогав воду, Энни поежилась.

— Холодная еще! Ты здесь бывала, мамочка? Я помню, что мы на Москву ехали через Ригу.

Мэри погладила льняные, начинающие отрастать волосы дочери.

— Совсем маленькой девочкой, когда нас батюшка мой покойный сюда привез.

— Привыкай к воде, — она рассмеялась. — в твои года мы каждый день с утра в реке плавали. В Лондоне у бабушки есть особая ванна, сделанная в Париже, медная с львиными головами. И отдельная купальная комната.

Энни открыла рот.

— В Лондоне нет бань, как в Стамбуле или в Москве?

— Нет, — вздохнула Мэри, — пошли!

Поправив заячий треух, она решительно зашагала вниз по течению реки, где в серой мороси высились корабельные мачты.

Майкл поднял голову. В дверь кто-то громко стучал. Убрав записи в шкатулку, он откинул засов.

— Здравствуйте, — сказал по-русски синеглазый паренек в грязном армяке и шароварах. — Можно зайти?

Майкл кивнул и паренек шагнул через порог, ведя за собой худого белобрысого мальчишку. Стащив потрепанную шапку, гость продолжил по-английски:

—Меня зовут леди Мэри Пули. Я вдова сэра Роберта Пули, убитого прошлым летом вместе с царевичем Федором. Эта моя дочь Энни, — она подтолкнула мальчишку вперед и тот поклонился.

—Мы бежали из Горицкой обители, нам надо добраться до Лондона.

—Садитесь, пожалуйста, леди Мэри, — поклонился священник. — Я принесу поесть, вы наверняка проголодались. Меня зовут Майкл Кроу, рад встрече.

Лазоревые, большие глаза распахнулись и Мэри удивленно проговорила:

—Кузен Майкл! Я только слышала о вас, Господи, вот где довелось встретиться! Я Мэри Кроу в девичестве, дочь миссис Марты и вашего дяди, Питера Кроу. Вы знаете, что ваш брат пропал без вести? И что Мирьям обручилась? И что Белла жива?

—Очень хорошо, — обрадовался Майкл. — Братец пропал, а сучку кто-то подобрал, не побрезговал. Позже я разберусь и с ней и с ее сестрой, отродьем шлюхи. Я действительно избранник Господень. Леди Мэри сама пришла ко мне и теперь не надо никуда ездить. У нее дочка, все как по заказу.

—Во-первых, — мягко сказал Майкл, — я принесу еды и еще одну лавку. Вы с Энни поселитесь здесь, кухня Мэри.

—Но как же вы, — запротестовала женщина. — Куда вы...

—Я здесь пять лет, — отмахнулся священник. — Найду,

где переночевать. Я вас устрою, вы пообедаете, и все мне расскажете, а потом отдохнете.

Лазоревые, красивые глаза священника лучились теплом. Привалившись к бревенчатой стене, прижав к себе Энни, Мэри облегченно вздохнула.

— Я так рада, что встретила вас, кузен Майкл.

— Я тоже, — присев поодаль, он погладил по голове Энни.

— Ты тем более должна лечь и выспаться, милая. Вы с мамой обе устали. Ни о чем больше не волнуйтесь, — он взглянул на Мэри. — Я все устрою. Для этого я здесь, — он поднес к губам маленькую, с мозолями от весел, руку Мэри. — Я сделаю все, что потребуется, кухня, и даже больше.

Когда он ушел, Энни восторженно спросила:

— Это сын дяди Стивена, Ворона? Ты говорила, что их двое братьев — один моряк, а второй священник, он жил в Женеве. Какой он красивый! Его отец тоже такой был?

— Я ни разу не видела его отца, — ответила Мэри. — Когда он привез в Лондон Мирьям, мы с Полли гостили в имении у друга матушки. Мы с твоим папой тогда уже обручились. И кузена Ника я не встречала. Он пропал в океане пять лет назад. Теперь уже и не найдется, наверное.

— Я бы хотела помолиться за папу, если здесь есть наша церковь, — твердо сказала Энни. Девочка сдержала зевок.

— Как уютно!

Когда Майкл вернулся, Энни уже спала, положив голову на колени матери. Ласково взяв ее на руки, он шепнул:

—Пусть отдыхает, а вы поедите и все мне расскажете. Потом я принесу горячей воды и чистую одежду, — он немного покраснел. — И вы тоже поспите, пожалуйста, кузина Мэри.

Дочь, свернувшись в клубочек, сопела, положив голову на подушку, укрытая плащом Майкла. Мэри тихо сказала:

—Я вам так благодарна, мы ведь одни сюда добирались. Моему старшему брату, Теодору...

—Я его помню, — улыбнулся Майкл, — мы с ним построили водяную мельницу в усадьбе.

—Ему надо было вернуться к жене, — женщина стала накрывать на стол, но Майкл остановил ее.

—Я сам, кузина Мэри. Вы моя гостья, пожалуйста, не надо.

Мэри невольно подумала:

—И, правда, красавец какой. Мама говорила, что она не видела мужчин красивее отца и сэра Стивена. И он высокий, шесть футов два дюйма, наверное, а то и выше.

Майкл налил ей вина.

—Я сам не пью, а вы, выпейте, пожалуйста, кузина. Это хорошее, французское. У нового царя дорогие вкусы, — он усмехнулся. — Говорят, что он уже ввел дополнительные налоги на покрытие своих расходов. Еще и свадьба его предстоит. На Москве и сейчас от поляков не протолкнуться, а приедет еще больше.

Выпив, Мэри удивленно заметила:

—И правда отличное. Дяде Мэтью понравилось бы. Он в

Копенгаген поехал с дочкой, теперь там жить будет. Кузина Тео умерла родами, прошлой осенью. Она мать Беллы, сестры вашей.

Майкл вспомнил темноволосую зеленоглазую девочку, которая играла с ним и Николасом.

—Еще одна шлюха. Дорогой папа до конца дней своих ни одной юбки не пропускал. Троюродную племянницу в постель уложил, развратник.

—Очень жаль, — вслух сказал Майкл. — Давайте я помолюсь за кузину Тео и за вашего покойного мужа.

—Мы даже не знаем, где могила сэра Роберта, — горько отозвалась Мэри. — Бедной Энни так тяжело, она еще ребенок.

—Вам тоже, — ласково ответил Майкл.

Мэри отвернулась, кусая губы.

—Поплачьте, — Майкл взял ее за руку. — Когда вы родились и умерла наша матушка, мы с Ником плакали. Нам тогда было всего шесть лет. И потом у папы на «Святой Марии» мы тоже плакали каждую ночь.

—Рядом с вами оставался отец, — вздохнула Мэри. — Я утешаю Энни, но отца ей уже не вернешь.

—Рядом, — Майкл вспомнил темный чулан при камбузе, где спали они с братом. — Да, рядом, кузина Мэри.

Прижавшись лицом к его плечу, она пробормотала:

—Простите. Я сейчас. Так иногда одиноко.

Майкл погладил короткие белокурые волосы. От нее пах-

ло дымом, лесом, речной водой. Священник нежно ответил:
—Я здесь, кузина Мэри, я с вами.

Она сдавленно зарыдала и Майкл холодно подумал:

—Сейчас она в постель не ляжет. Она не из таких, осторожная. Где здесь можно повенчаться поблизости? В Тромсе. Там и повенчаемся, а потом отправимся в Лондон.

Он едва удержался от смеха.

—В Лондон, к маме под крыло. Лондона, ты у меня, дорогая, до конца дней своих не увидишь. Девке наверняка какое-то наследство после отца осталось. Тоже славно, пригодится

Он вложил в тонкие пальцы кузины платок и Мэри вытерла лицо.

—Спасибо, кузен Майкл, извините меня.

—Что вы, — он поднялся. — Ешьте, а я пока принесу воды.

Женщина проводила взглядом его прямую спину и широкие плечи. Обняв дочь, она поцеловала мягкую щеку девочки.

—Все будет хорошо, милая. Все закончилось.

—Почему вы не женаты, преподобный отец? — Энни покраснела. — Простите, я не должна была.

Они стояли на берегу Двины. Разглядывая темную полосу леса напротив, Майкл мягко ответил:

—Ничего страшного, милая. Я пока не встретил той, с кем

хотел бы повенчаться и жить вместе до конца наших дней.

— Мне теперь так хорошо, так спокойно, — девочка помолчала. — Спасибо, что мы помолились за душу папы. В их церквях шумно и много золота с иконами. Я не могла там ничего делать, мне было неуютно, а у вас уютно.

— Умница, — незаметно усмехнулся Майкл. — Когда мы доберемся до земли обетованной, тебе станет еще уютнее, а если откроешь рот, то отведаешь от Писания. Сказано: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Дочь надо наказывать еще строже. Женщина с детства должна учиться покорности и молчанию.

— Они же язычники, — вздохнул священник. — Как католики, только еще хуже. Ты читала Библию, милая.

Энни кивнула.

— Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им.

— Конечно, — Майкл указал на купол церкви рядом с острогом. — Они нарушают Десять Заповедей. Разве так должны вести себя христиане?

Помотав головой, Энни робко спросила:

— Можно мы еще помолимся? Если у вас есть время, подобный отец...

— Дядя Майкл, милая, — улыбнулся он. — Я твой родственник, пусть и дальний. Помни, что у священника нет своего времени, оно принадлежит прихожанам. Пойдем, —

он взял девочку за руку. — Пора обедать. На следующей неделе мы уезжаем. Я довезу вас с мамой до Лондона, где мы и расстанемся.

— Но куда вы поедете? — удивленно спросила Энни, когда они шли по берегу реки к складам и пристани.

— В Новый Свет, где основывают первую английскую колонию, — ответил Майкл. — Я буду там священником и начну проповедовать туземцам. Я уже трудился миссионером на Яве, в джунглях.

— И вам не страшно? — восхищенно спросила Энни. — Там же, наверное, опасно! Как вы там будете один?

Над Двиной в сиянии яркого солнца кружили чайки. Майкл поцеловал белокурый затылок девочки.

— Я столько лет один, милая, я привык. Ничего, справлюсь.

Энни еще крепче взяла его большую руку.

— Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, — тихо усмехнулся Майкл. — Мы еще несколько раз с ней помолимся и она сама уложит мать мне в постель. Видно, что моя кузина все, что угодно сделает ради дочери. Вот и прекрасно.

Когда они подходили к фактории, Майкл ласково сказал:

— Если хочешь, то мы с тобой можем позаниматься. Мама пусть отдыхает, а я проверю, как ты пишешь, подиктую тебе. Я знаю французский и немецкий, не только русский.

— Никогда в жизни слова по-русски больше не скажу, —

зло проговорила Энни. — Они убили папу и вообще я хочу уехать отсюда, как можно быстрее.

Девочка добавила:

—Позанимайтесь, дядя Майкл, я буду вам благодарна.

Майкл постучал в дверь комнаты и Мэри откинула засов.

Священник весело сказал:

—Смотрите, кухня, верба! Мы принесли букет, в Англии они так рано не цветут.

Мэри потрогала серые пушистые сережки.

—Спасибо, кузен Майкл. Я накрыла на стол. Мойте руки и садитесь за трапезу.

—Глаза всех к Тебе устремлены и Ты даешь им пищу во время. Ты открываешь руку Свою и щедро насыщаешь все живое, — Майкл склонил голову и Энни тихо проговорила:

—Аминь.

Мэри стояла на откосе холма, сняв шапку. Западный ветер ерошил ее короткие волосы. Энни прижалась к ней сзади.

—Дядя Майкл едет в Новый Свет совсем один! Он рассказывал мне о джунглях на Яве. Туда ведь дедушка Виллем ходит за пряностями для дяди Питера?

Мэри взяла маленькие ладошки дочери в свои руки.

—Мы с Полли осиротели пятилетними, — пронзительно поняла женщина. — Я помню батюшку, он был такой добрый.

Кузен Майкл тоже добрый. Он все нам отдал и заплатил за проезд. Здесь сейчас никого из наших капитанов нет, только чужие, а ждать корабля Московской компании опасно. Нас, наверное, уже ищут. Доберемся до Тромсе, потом до Бергена, а там и Лондон неподалеку. Но что потом? — она вздохнула. — Всю жизнь провести одной? Я-то ладно, но хочется, чтобы бедная Энни была счастлива.

Энни потянула ее за руку.

— Садись, мамочка, а я тебя обниму.

Мэри поцеловала льняные волосы девочки.

— Как ваши занятия с дядей Майклом?

— Очень хорошо, — Энни подняла серьезные серые глаза.

— Он так много знает! Он терпеливый, всегда все объясняет и совсем не сердится на ошибки. И ты ему нравишься, — решительно закончила девочка.

— Ерунда какая, — отозвалась Мэри. — Мы просто родственники, как с дядей Майклом, мужем покойной тети Тео.

— Ему ты тоже нравилась, — Энни улыбнулась и Мэри незаметно закусила губу.

— Как она похожа на Роберта, Господи.

Дочь потерлась головой о ее руку.

— Я все вижу, ты не думай. Дядя Майкл тоже на тебя смотрит, но так, чтобы ты не заметила. Выходи за него замуж.

Мэри отозвалась:

— Нельзя выходить замуж просто так. Надо, чтобы люди любили друг друга, как мы с твоим папой, храни Господь его

душу.

Сорвав травинку, Энни небрежно проговорила, зажав ее в зубах:

—Если бы он тебя не любил, он бы на тебя так не смотрел. Я только хочу, чтобы у меня был отец.

Нахлобучив шапку, девочка направилась вверх по берегу к фактории.

Мэри опустила голову в руки.

—Ты тоже на него тоже смотришь, дорогая моя, и взгляды его видела. Может, и вправду осесть в деревне, пироги печь, детей рожать? Матушка обрадуется. Он ведь семья, сын сэра Стивена.

Полюбовавшись золотящимися в закате парусами, Мэри твердо сказала:

—Так тому и быть.

На аккуратно прибранном столе горели свечи.

—Посидите со мной, кузен Майкл, — попросила Мэри. — Мне неудобно. Мы здесь живем, а вы ночуете на кораблях или на складе, где даже негде прилечь как следует.

Майкл улыбнулся.

—Когда я жил на Яве, я спал в джунглях на земле. И в Новом Свете мне придется ночевать в лесу, когда я поеду проповедовать туземцам.

—И вы не боитесь, — женщина погладила по голове спя-

щую дочь.

—Господь меня защитит, — наклонившись над Энни, Майкл перекрестил девочку. — Спокойной ночи, кухня Мэри, отдыхайте.

—И вам никогда не бывает одиноко? — лазоревые глаза смотрели на него в трепещущем огне свечей. — У вас же нет семьи, кузен Майкл.

—Конечно, одиноко, — он склонился над ее рукой. — Однако у меня такая стезя. Я сам себе ее выбрал и вряд ли найдется та, кто захочет ее со мной разделить.

—А если бы нашлась? — Мэри почувствовала прикосновение его губ.

—Какие у него волосы красивые, — полюбовалась она, — словно темный каштан, а на концах играют золотом.

—Если бы нашлась, то я сделал бы все, чтобы она была счастлива — он вздохнул, не поднимая глаз. — Все, что в моих силах, кухня Мэри, и больше того. Всегда, всю мою жизнь.

—Так сделайте, кузен Майкл, — она положила руку на его волосы. — Я буду очень рада и Энни вас любит.

Распрямившись, Майкл покачал головой.

—Нет, кухня Мэри. Я не могу, не имею права. Я еду в Новый Свет. Как бы я вас не любил, а Господь мой свидетель, я люблю вас более жизни своей, я не должен подвергать вас и Энни опасности. Я доведу вас до Лондона, передам миссис Марте, и мы простимся.

—А вы? — она потянулась к нему. — Что станет с вами, кузен Майкл?

— Я буду исполнять свой долг пастыря, кузина Мэри, и до конца моих дней молиться о том, чтобы вы и Энни были счастливы. Доброй вам ночи.

Поклонившись, он вышел из комнаты. Мэри прислонилась к бревенчатой стене.

—Нет, дорогой мой Майкл, никуда ты без нас не поедешь, не будь я Мэри Кроу.

Поднявшись на палубу рыбацкой шхуны, завидев Мэри с Энни, Майкл улыбнулся.

—Сегодня вечером отходим в Тромсе. Я за все расплатился, кузина Мэри, не беспокойтесь. От Тромсе до Лондона я тоже вас довезу. Извините, — он развел руками. — Каюта маленькая, но идти нам недолго, ветер хороший. В Тромсе мы пересядем на большой корабль.

—Но где же будете вы, кузен Майкл? — спросила женщина.

—В трюме, — он рассмеялся. — Мои вещи уже там. Поедемте, — он указал на берег. — Я сегодня служу последнюю обедню. Ожидается много прихожан и неудобно их задерживать. Жаль, что вам нельзя прийти. Могут обратить внимание и донести местному воеводе, что я прячу незнакомцев.

Когда они уже сидели в лодке, Энни дернула мать за рукав армяка.

—Давай я с ним поговорю!

Погладив дочь по голове, Мэри только вздохнула, глядя на широкую, в черном плаще спину священника. Опустив руку в холодную воду Двины, Энни взглянула на запад.

—Новый Свет, — подумала девочка. — Как интересно! Дядя Майкл такой добрый, заботливый. Вот если бы он стал мне отцом! И у меня появились бы братья и сестры, как у всех.

Лодка лавировала между стоящими в фарватере кораблями. Мэри погладила дочь по голове.

—Ты уверена?

Решительно кивнув, Энни крепко сжала руку матери.

—Я помолюсь, чтобы у вас с дядей Майклом было все хорошо, мамочка.

Мэри присела на бревно, валяющееся у подножия холма. Рядом тлел костер, Двина топорщилась под сильным ветром. Женщина вздохнула.

—И вправду, хорошо будет идти.

Энни слонялась по берегу, кидая в мелкую воду палочки.

—Пошьем в Тромсе платья, — решила Мэри, — хотя там шелка не найдешь. На корабле его и не надо, простая шерсть и лен подойдут.

—Я не понимаю, — упрямо сказала Энни, — ты смелая, мамочка. И папа не хотел бы, чтобы ты осталась одна. Поче-

му ты боишься?

— Я не боюсь, доченька, — Мэри чертила палкой на влажном песке. — Дядя Майкл не хочет везти нас туда, где опасно, вот и все.

— Чушь, — Энни цыкнула выпавшим зубом. — Он рассказывал, что там возведут форт, как здесь, — девочка указала на деревянные стены острога. — Там появятся пушки, оружие, корабли. Чего нам бояться?

Повернувшись к склону холма, девочка помахала.

— Дядя Майкл!

— Вот и я, — он поцеловал Энни в лоб. — Готовы отплыть? Стойте! — Майкл посмотрел на реку. — Что там?

— Человек за бортом, — донеслось с голландского барка неподалеку. — Человек за бортом!

— Подержи, — велел Майкл Энни, снимая плащ и расстегивая камзол. Через мгновение его темноволосая голова пропала за серыми волнами Двины.

— Холодно же, — ахнула Энни.

— И здесь сильное течение, — Мэри вскочила с бревна. — Господи, а если он утонет, — женщина зашептала. — Пусть вернется, пожалуйста, пусть он вернется!

— Смотри, мамочка, — сказала Энни, — там все в порядке, с барка сбросили трап.

Выбравшись на берег, Майкл улыбнулся.

— Матрос упал с мачты, но я вовремя оказался рядом. Сейчас его обогреют, разотрут и все будет в порядке.

—Вы очень хорошо плаваете, — восторженно проговорила девочка.

—Я вырос на корабле, — Майкл попытался забрать свой камзол.

—Нет, — преградила ему путь Мэри. — Энни, беги в факторию и попроси у них водки.

—Я не пью, — стуча зубами, запротестовал мужчина.

—Сейчас выпьете, кузен Майкл, — Мэри подтолкнула его в сторону костра. — Я тоже вас разотру. Еще не хватало, чтобы вы заболели. Рубашка быстро высохнет у огня.

—Как удачно, — незаметно усмехнулся священник. — У нее ловкие руки, ничего не скажешь. Терпи, Майкл, нельзя ее спугнуть.

—Теперь выпейте, — скомандовала Мэри, — и завернитесь в плащ. Энни, возьми мой армяк и ложись, ты уже зевашь. Дядя Майкл согреется и мы отправимся на корабль.

—Идите сюда, кухня Мэри, погрейтесь, — Майкл приподнял полу плаща. Сердце женщины прерывисто стучало. В белесом свете северного вечера румянец на ее щеках казался особенно мягким.

—Я не белоручка, кузен Майкл, — тихо сказала Мэри. — Я могу врачевать и хорошо знаю травы, научилась на Москве. Я трудностей не боюсь, вы не думайте.

—Я не могу себе позволить... — начал священник, но Мэри поцеловала его в губы.

—Можете, кузен Майкл, — ее лазоревые глаза заблесте-

ли.

— Лет пять она у меня проживет, — решил священник, — а потом девке исполнится четырнадцать и я на ней женюсь. Пусть кузина родит пару здоровых сыновей, а потом я ее похороню. Не жалко.

Он нежно коснулся ее щеки.

—Я должен тебе кое-что рассказать, милая. Может быть, ты не захочешь... — глубоко вздохнув, Майкл посмотрел в сторону.

Выслушав его, Мэри удивленно сказала:

—Но ведь тебе уже за тридцать.

—Осенью мне исполнится тридцать пять, — Майкл покраснел. — Что делать, любовь моя, я священник и не могу поступать так, как обычные мужчины. Я боюсь, что тебе не понравится, — он замолчал.

Мэри поцеловала каштановые волосы на его виске.

—Все будет хорошо, милый, — твердо сказала она. — Однако ты должен выслушать меня. Я расскажу о случившемся в Москве после убийства моего мужа.

—Еще одна шлюха, — холодно подумал Майкл, целуя ее руки. — И мать под всей Европой полежала, и дочь. Ничего, я выбью из нее разврат, она станет, как шелковая. Будет молчать, рожать детей и вести хозяйство. Кинжал с пистолетом я у нее заберу после венчания.

—Любимая, — Майкл прижал ее к себе, — забудь о прошлом. Мы начинаем новую жизнь и я обещаю тебе, что в ней

все будет хорошо.

Мэри положила голову ему на плечо.

—Я так счастлива, Майкл, так счастлива! Если тебя ждут в Новом Свете, то можно отправиться прямо туда и не заезжать в Лондон. Матушке я напишу из Тромсе, чтобы она знала, где мы и не волновалась.

—Напиши, — хмыкнул Майкл, помогая ей зайти в лодку. Устроив спящую Энни на коленях у матери, он незаметно улыбнулся.

—Напиши, дорогая, а я отправлю письма.

Нежно поцеловав Мэри, он сел на весла.

—Любимая, я хочу поскорее оказаться в Тромсе, — признался Майкл. — Я священник и договорюсь с тамошним пастором. Нам не придется ждать три недели, но вы с Энни должны сшить платья, чтобы все было, как надо.

Погладив белокурые волосы дочери, Мэри шепнула:

—Милая, теперь у тебя есть отец!

Рыбацкая шхуна, снявшись с якоря, пропала в густом тумане, скрывающем Двину.

Эпилог

Тромсе, апрель 1606

Оправив чепец серого льна, Энни разгладила подол платья, сшитого из грубой коричневой шерсти. Девочка вспомнила:

—Правильно сказал апостол Павел: «Чтобы также и же-

ны в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом и не жемчугом». Папа Майкл тоже всегда скромно одевается.

Постучав в дверь их комнаты, единственной в крохотной таверне прямо у пристани, Мэри спросила:

—Ты готова?

Энни восхищенно сказала:

—Ты такая красивая, мамочка!

Мэри поцеловала дочь.

—Каждая женщина в день своей свадьбы самая красивая на свете, дорогая моя. Ты тоже будешь самая красивая!

Потрогав крохотный крестик на шее, Мэри взглянула на гавань. Их корабль, такая же рыбацкая шхуна, только побольше, покачивался у причала. Они плыли в Исландию, в Хабнарфьудор, а потом отправлялись в Новый Свет, в Сент-Джонс и оттуда на юг, в новую колонию. Мэри жалела, что она не увидит Полли, однако женщина успокоила себя тем, что сестра наверняка уже на пути в Лондон.

—Письма до них дойдут, — твердо сказала себе Мэри, — Майкл договорится с капитаном барка, плывущего в Берген, а наша брачная ночь пройдет на корабле, — она немного покраснела.

—Ты не волнуйся, мамочка, — Энни оказалась у нее под боком, — все будет хорошо. У меня появится братик или сестричка?

—Даст Бог, — улыбнулась Мэри. — Беги, жди нас в церк-

ви.

Энни ускакала вниз по узкой лестнице. Мэри, высунувшись в окно, проводила ее взглядом. Снег таял. Ветер донес до нее блеяние овец, пасущихся на склоне холма. Мэри вдохнула соленый воздух.

—Какой городок маленький, — хмыкнула она. — Только десятка два домов, гавань и деревянная церковь.

С порога раздался веселый голос Майкла.

—Все письма я отправил. Видишь барк, выходящий из гавани? В Бергене капитан их отнесет в контору Ганзейского союза, как ты и просила.

—Спасибо, — Мэри повернулась и Майкл ахнул:

—Какая же ты красавица!

Женщина немного смутилась.

—Здесь нет дорогих тканей. Эта синяя шерсть – лучшее, что я нашла в лавке.

—И не надо ничего другого, — Майкл поцеловал ее теплые губы. — Для меня нет никого красивее тебя, любовь моя. Пойдем? – он подал руку Мэри.

—Письма, — усмехнулся Майкл, держа тонкие пальцы.

—Твои письма, вернее, их обрывки уже в море и плывут по течению. Получилось очень хорошо. Крест она у меня снимет. Незачем украшать себя золотом, как дикарка. Снимет и наденет простой, деревянный или железный. У мамочки был медный крестик, а потом она его потеряла, бедная. Той весной и потеряла, а потом умерла.

—Ты о чем-то задумался? — тихо спросила Мэри.

—Я вспомнил матушку, — вздохнул Майкл и Мэри погладила его надежную руку.

—Бедный, он тоже сирота. У нас была мама, а он лишился своей всего лишь в шесть лет. Теперь и Николас пропал, однако у Майкла появилась семья, то есть мы с Энни. Потом у нас родятся еще дети.

Очнувшись от веселого голоса Майкла, Мэри обнаружила, что они подходят к церкви.

—Ты покраснела, — шепнул ей священник и Мэри опустила глаза.

—Я все-таки волнуюсь.

—Не надо, любимая, — он поднес к губам маленькую руку. — Все будет хорошо. Я теперь с вами и никогда вас не оставлю.

Помахав ждущей их на паперти Энни, священник в который раз подумал, что ему стоит выбросить кинжал и пистолет. Он, впрочем, считал, что оружие пригодится в Новом Свете. Майкл, разумеется, не собирался отдавать его своей в скором времени жене.

—Ты рада, доченька? — спросил он.

—Очень, папа Майкл! — Энни прижалась к нему, а Мэри улыбнулась.

—Энни счастлива, а что мне еще надо? Я тоже буду счастлива, Майкл такой заботливый и добрый. Матушка вышла замуж за Виллема, и я проживу с Майклом душа в душу до

старости. Будем воспитывать детей и любить друг друга.

Зайдя в скромную церковь, взяв Мэри за руку, Майкл опустился на колени перед алтарем.

Свернувшись в клубочек на узкой корабельной койке, Энни сонно сказала:

—Здесь так уютно, мамочка! В Исландии мы переберемся на другой корабль?

Мэри кивнула.

—Да, милая, и оттуда мы пойдем в Новый Свет.

Шхуна шла ровно, дул хороший восточный ветер. Мэри поняла:

—Я бы могла и сама встать к румпелю. Здесь мало парусов, я бы справилась. В Новом Свете мы заведем лодку. Майкл отличный моряк, сэр Стивен хорошо его обучил.

—Я уже сплю, — томно проговорила Энни. — Доброй ночи, мамочка!

Девочка спокойно засопела носом. Перекрестив ее, укрыв одеялом грубой шерсти, Мэри задула свечу в фонаре на переборке. В их каюте было тепло. Закрыв дверь, женщина нежно сказала:

—Энни уже спит. Я тоже всегда хорошо сплю на кораблях. Муж поцеловал ей руку.

—Наверное, и нам пора в постель, да?

—Ты не волнуйся, — Мэри обняла его. — Я здесь, я с тобой.

Вспомнив свою брачную ночь, она скрыла вздох.

—Надо быть терпеливой. Роберт не торопил меня. Нам некуда спешить.

—Помоги мне раздеться, пожалуйста, — попросила Мэри. Сняв чепец, она лукаво улыбнулась.

—У меня нет корсета, но удобнее, когда это делает кто-то другой.

Оставшись в одной рубашке, она потянула ее вверх, но муж остановил ее,

—Не надо. Так хорошо, так мне нравится.

—Ты тоже ложись, — Мэри устроилась на постели. — Ложись рядом и я все сделаю.

Погладив ее светлые волосы, Майкл незаметно хмыкнул:

—Хорошо. Это я запрещать не стану. Покойный муж ее хорошо обучил, а моя сестрица ничего не умела. Интересно, кто ей не побрезговал, шлюхой? Хватит, так Мэри не забеременеет, а надо.

—Подними рубашку, пожалуйста, — попросил Майкл, — до пояса.

Койка размеренно скрипела и он почувствовал руку жены.

— Не надо, милая, — попросил Майкл.

—Тогда ты, — попыталась сказать Мэри, однако он закрыл ее рот поцелуем.

—Еще чего не хватало, — усмехнулся про себя Майкл. —

Она теперь жена, а не шлюха. Пусть забудет о своих прошлых развлечениях.

Мэри лежала, придерживая рубашку у пояса, слушая его тяжелое дыхание. Скрип убыстрился, муж поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, любимая. Доброй тебе ночи.

— Очень хорошо, — Майкл обнял жену. — Пока мы доберемся до Нового Света, она понесет. Родит мне ребенка, потом еще одного, а я разберусь с остальной семейкой. Никуда она от меня не денется, потому что у нее дочь и появятся еще дети. Прекрасное приобретение, поздравляю тебя, мой дорогой преподобный отец.

Мэри прижалась щекой к ладони мужа.

— Будет лучше, — уверила себя женщина. — Он стеснялся, у него все случилось в первый раз. Будет лучше, надо только подождать.

Она заснула, положив голову на широкое теплое плечо. Корабль, подгоняемый ветром, исчез в просторе ночного моря.

Часть четвертая

Москва, лето 1606 года

Баба, полоскающая белье на мостках, распрямилась. Окинув презрительным взглядом незнакомца, она громко сказала:

— Житья от поляков нет! Понаехали и бродите по всей Москве!

Невысокий, изысканно одетый мужчина, заметно покраснев, заторопился по осклизлым доскам, брошенным у ручья.

— Хоша б ты себе голову сломал, — сочно пожелала ему вслед баба. — Сидел бы лучше в Кремле. Опосля венчания царского там который день гудят, не просыхают.

Сплюнув, подхватив плетеную корзину с бельем, она пошла вверх, к Конюшенной слободе.

Остановившись на пороге пустынного черного зала кабака, мужчина кашлянул, Целовальник приоткрыл один глаз.

— Замкнуто, — на ломаном польском языке сказал он. — К обеду откроемся, тогда приходи. К обеду!

Отвернувшись, целовальник завозил по стойке грязной тряпкой. Твердая рука тронула его за плечо. В полутьме блеснули прозрачные глаза поляка.

— Письмо, — он протянул сложенную грамотцу.

Что-то буркнув, целовальник развернул бумагу.

— Вот как, — протянул он, читая ровные строки. — Жив он, значит.

— Жив, — согласился поляк. Подбирая слова, он попросил:

— Можно присесть?

Сунув грамоту в пламя свечи, целовальник растоптал серые хлопья.

— Не след такое хранить-то, — коротко усмехнулся он. — Садитесь, пан Ян. Я сейчас девчонку позову. Она бойко повашему болтает, за год научилась. Девчонка моя, не беспо-

койтесь, — целовальник улыбнулся. — С ней и по тайности можно. Выпить хотите, али закусить?

Поляк, кивнув, откинулся к бревенчатой стене кабака.

— Правильно, что я отправился в Копенгаген навстречу мистеру Мэтью, — похвалил себя Джон. — Майкла здесь помнят, потому что эта пивная должна была ему перейти. И вовремя я нашел документы о другом мистере Майкле.

Придя с бумагами к миссис Марте по ее возвращении из Картахены, Джон услышал о пропаже Мэри. Поехав из Копенгагена в Норвегию, он выяснил, что в Бергене Мэри никто не видел. Пастор в Тромсе оказался сговорчивым. Теперь у Джона имелась копия свидетельства о венчании, однако он так и не узнал, куда Майкл увез Мэри и Энни. В Новых Холмогорах Джон услышал, что пастор собирался на Яву.

— Это вряд ли, — он подавил зевок, — Майкл попросту заметал следы. Ничего, мы все равно его найдем.

Выпив водки, Джон опять зевнул.

— Поспать бы, Господи. Которую ночь в дворце гуляем, со счета сбились. И не только во дворце, пьяные наемники по всему городу бродят.

— Здравствуйте, пан, — раздался рядом робкий женский голос. Открыв глаза, Джон поднялся перед невысокой белокурой девчонкой с милым заспанным личиком.

— Сие Дуня, — смешливо сказал целовальник, подтолкнув девчонку вперед. — Я Никифор Григорьевич, но вы такого не выговорите, пан.

Джон попросил:

—Садитесь, пани. Садитесь, пожалуйста.

—Спасибо, пан, — робко ответила она, опустившись на лавку поодаль, скромно склонив изящную голову с наскоро заплетенными косами.

—Мне нужен пан Теодор, — подождав, пока Дуня пере-ведет, Джон добавил:

—Он где сейчас?

—Здесь, — усмехнулся целовальник, выслушав Дуню. — Подниметесь наверх, третья каморка направо. Он, правда, спит еще. Из Владимира вчера вернулся, долго в седле про-вел.

—Михайло Данилович здоров ли? – озабоченно спросил целовальник.

Джон улыбнулся.

—Здоров, а как же. Сыну его младшему пять лет испол-нилось и внук у него родился от дочки приемной. Старший сын у него женился, так что еще внуки появятся.

—Слава Богу, — целовальник перекрестился. — Вы пе-редайте, пан Ян, что, когда бы он ни приехал, я ему полный отчет дам обо всех прибылях, как положено. Кланяйтесь ему от меня. Батюшку его поминают, как он велел, в монастыре Крестовоздвиженском, тако же и матушку.

—Его отец известным вором был на Москве? – поинтере-совался Джон. Никифор Григорьевич аж рот открыл, а Дуня звонко рассмеялась.

—Со времен государя Ивана Калиты Волки всегда Москвой правили, — гордо ответил целовальник. — В Кремле государь, а у нас здесь, — он обвел рукой кабак, — свои законы, сами понимаете.

—А как же, — согласился Джон. Поблагодарив целовальника, он скрылся на узкой деревянной лестнице за пестрядинной занавеской.

Поймав тоскливый взгляд Дуни, Никифор Григорьевич сердито сказал:

—Рот закрой, человек по делу приехал. Ежели встала, дак дуй на Красную площадь. Петя, сын Федора Петровича, с мальчишками на Неглинке рыбу удить должен. Скажи ему, что отец вернулся.

Девушка только вздохнула, подперев щеку рукой, перебирая костяные пуговицы на холщовом сарафане.

Ему снилась Ксения. Вернувшись в Горицкую обитель, после побега кишевшую стрельцами, Федор покачал головой.

—Пока жена моя жива, дак не быть нам вместе, Ксения. Сие правда, что люблю я тебя, однако невместно нам блудом заниматься. Ежели случится что, дак я сразу под венец тебя поведу, но сейчас нет.

Она кивнула, опустив укрытую черным апостольником голову.

— Я всю жизнь буду вас ждать, Федор Петрович. Сколь надо, столь и буду.

Федор вздохнул, не открывая глаз.

— Хорошо, что самозванец ее в монастырь во Владимире перевел. Иноканию Марфу сюда привезли, в Новодевичью обитель. Ксению он боится в Москве держать, и правильно делает, — Федор усмехнулся. — Какое у нас сегодня число? Четырнадцатое мая. Через три дня Москва набат услышит и от царя Дмитрия Иоанновича останутся одни кишки.

Потянувшись, он замер от легкого скрипа половиц. Открыв глаза, Федор изумленно сказал:

— Рискуете, ваша светлость герцог.

Откусив от рыбного пирога, Джон зачерпнул кружкой из жбана с квасом.

— Рискую, — согласился он. — Поднимайтесь, пан Теодор, нам надо многое обсудить. Уже к утрени звонили, я скоро должен вернуться в Кремль. Сами знаете, что государь изволит пировать.

Выматерившись, почесав рыжую бороду, Федор стал одеваться.

Царь Дмитрий Иоаннович спал, уткнув сальное лицо в помятую шелковую подушку. В опочивальне воняло потом и кислятиной. Жирная муха назойливо жужжала, ударяясь в закрытые ставни.

Царица Марина Юрьевна спустила нежные ступни на тол-

стый персидский ковер. За серебряной решеткой изразцово-
печи тлел огонь. Девушка все равно накинула на плечи ме-
ховую полость. Майское утро оказалось прохладным. При-
открыв ставни, Марина выпустила муху в кремлевский двор,
где еще гремела музыка из нижних палат.

— Семь десятков музыкантов одних, — вспомнила Мари-
на. Взяв золотой гребень, она кое-как расчесала спутанные
черные волосы.

— Еще сани с серебряной упряжью, такая же карета и шка-
тулка с драгоценностями, — презрительно поморщившись,
она взглянула на спящего мужа. — Говорят, что ему осталось
жить всего три дня, а потом я останусь вдовствующей госу-
дарыней. Обвенчаюсь с Теодором и будем править.

Дмитрий, зевнув, потер глаза.

— Я пойду на пир, дорогая. Одевайся, тебя ждут поддан-
ные.

Когда за ним захлопнулась резная дверь, девушка прошла
в нужной чулан. Подмываясь из серебряного кувшина, она
зло пробормотала:

— Подданные! Подметные листки по всему городу раз-
бросаны, открыто говорят, что Шуйский с боярами в набат
ударят, а он все французское вино пьет и наемникам золото
обещает.

— Так у него и золота нет, — раздался ленивый голос с
порога. Марина застыла с кувшином в руках. Высокий, чер-
нобородый мужчина притянул к себе девушку.

—Государыня, давно не виделись, — усмехнулся Болотников. — Как ваше девство поживает, кое вы в Самборе хранили?

Марина вскинула голову.

— Я замужем, пан Иван, повенчана уже.

—Слышал, — протянул Болотников. — Я вам обещал, что встретимся, так я свои обещания держу.

—Как вам угодно, пан Иван, — выдохнула девушка.

—Хорошо, — Болотников намотал на руку ее растрепавшиеся волосы. — Хорошо, пани Марина. Вижу, вы не забыли, что мне нравится. Пана Теодора я нашел, — он улыбнулся.

—Где? — спросила она, отстранившись.

—Потом расскажу, — пообещал Болотников, притягивая ее к себе. — Горячая вы баба, государыня, повезет пану Теодору. Через три дня он здесь вместе с Шуйским будет мужа вашего убивать. Знаете, небось, что на рассвете в субботу в набат зазвонят. Ждите, он сюда непременно явится.

Вдохнув запах мускуса, Болотников незаметно хмыкнул.

— Где пани Эльжбета, я тоже знаю, проследил за гонцом, что грамотцу к ней привез. Ничего, осталось недолго, я потерплю. Сынка его, Петра, я в Самборе запомнил. Он меня к отцу и привел, на Чертольскую улицу, когда я его в Китай-городе увидел с другими мальчишками.

—Вы не защитите моего мужа, пан Иван? — томно спросила Марина. Болотников расхохотался.

—У меня пять тысяч людей с оружием в селе Коломенском стоят, пани Марина. Коли я захочу, от Шуйского с его заговорщиками одни кишки останутся. Только вот я не хочу, — он резко рванул ее к себе.

Марина еще успела спросить:

—А чего вы хотите, пан Иван?

—Сие мое дело, пани Марина, — он закрыл глаза. — Только ее и хочу. Только пани Эльжбету, навсегда, до самой смерти моей и никого больше. Надо будет, дак хоша всю Москву ради сего сожгу.

Когда он ушел, Марина оправила постель. Позвав прислужниц, она велела нести одеваться, выбрав расшитое алмазами и жемчугом серое бархатное платье западного кроя. Музыка внизу заиграла еще громче. Спускаясь по лестнице, Марина остановилась у распахнутых ставень. Черное воронье каркало над Троицкой церковью, кружась в ясном весеннем небе.

Федор хмуро оглядел сына. Тринадцатилетний Петя казался взрослым мужчиной.

—Что Степан, видел ты его? — поинтересовался он.

—А как же, — ухмыльнулся подросток, — он сейчас сии, как их там...

—Фрески, — помог отец.

—Ага, — откусив от калача, Петя добавил с набитым ртом, — их рисует. В Андрониковом монастыре с помоста

не слезает. Я ему строго-настрого велел и носа на улицу не показывать, как вы говорили, батюшка. Гонец от матушки вернулся. Все в порядке у них с Марьей, я вам грамотцу приносил.

—Хорошо, — Федор поскреб в бороде. — Вы где ночуете сейчас с мальчишками, на Яузе?

Сын, кивнув, осторожно спросил:

—На Красную площадь можно прийти в субботу?

—Даже и не думайте, — отрезал Федор. — Сидите в Китай-городе. Когда все закончится, дак на Воздвиженке встретимся. Иди, сейчас здесь люди будут.

Петя тоскливо взглянул на отца и тот на мгновение привлек к себе подростка.

—Повоюем еще, — рассмеялся Федор. — Ты думаешь, что сей Болотников просто так из-под Москвы уйдет? Беги, милый, — поцеловав рыжий затылок, он подтолкнул сына к двери. Когда Петя застучал босыми пятками по лестнице, Федор пробормотал:

—Болотников, сука, неизвестно на чью сторону переметнется. В Коломенском у него тысячи человек. Если они через реку перевалят, то не видать Василию Ивановичу престола. Послать бы туда кого-то, но кого? Хоша бы узнать, что он делать собирается. Хотя за Роберта он мне заплатит, я и Джону тако же сказал.

Задернув занавеску, достав из-под лавки альбом, Федор потянулся за угольком. Он рисовал по памяти, с полузакры-

тыми глазами.

—Ах, Ксения, Ксения, — тоскливо сказал он, — что же нам с тобой делать?

Закончив, Федор взглянул на бумагу. Она смотрела вдаль, немного отвернувшись. Черные косы струились по спине. В темных глазах девушки поселилась тоска. Вырвав лист, Федор

поднес его к пламени свечи. В дверь три раза быстро постучали. Подняв засов, он впустил Шуйского и Татищева.

—Я велел водки нам принести, пирогов тако же, — князь Василий Иванович удобно устроился на лавке.

—Угу, — Федор развернул план Москвы. — На Ильинке в набат забьют с рассвета. Михаил Никитич со своими людьми все сделает.

Татищев открыл дверь Дуне. Девушка внесла запотевшую бутылку водки и блюдо пирогов. Поймав ее за руку, Шуйский что-то шепнул, кивнув на пестрядинную занавеску соседней каморки. Дуня опустила ресницы.

—Я вас подожду, ваша милость.

Татищев хохотнул, разливая водку.

—Что, Василий Иванович, перед венчанием на царство хотите в последний раз московских блядей попробовать? Потом-то не сможете.

Шуйский тоже рассмеялся.

— Дак такая девка сладкая, что ради нее и от шапки Мо-

номаха можно отказаться, Михаил Никитич.

—К делу, бояре, — велел Федор. — Когда набат забьет и толпа на Красную площадь попрет, там мои люди заорут, что поляки церкви оскверняют, невместное едят, что бесы они и что у царя под сапогами копыта, и сам он тоже бес. Обычные вещи. Тако же Никифор Григорьевич туда несколько девок пошлет, жаловаться, что поляки их опозорили.

—Их опозоришь, — ехидно заметил Татищев, — хоша поляки и вправду насильничали честных женок, а толпа разбираться не будет.

—Насчет Кремля теперь, — Федор отрезал кусок пирога. — На воротах будет сотня немцев наемников, как мне скажали.

—Кто? — заинтересовался Шуйский.

—Неважно, — отмахнулся Федор. — Василий Иванович, велите в ночь с пятницы на субботу раздать народу оружие, которое я договорился привезти из Владимира. Людей соберем на пустоши на Яузе. Кто в Разбойном приказе сидит, дак тех сторожа выпустят. Никифор заплатил кому надо.

—Охрану кремлевскую надо уменьшить, — заметил Татищев. — Сим я займусь вечером в пятницу. Окромя Басмановых, никого рядом с ним не будет?

—Не должно быть, — ответил Шуйский. — Басмановых не жалеть.

—Не собираемся, — уверил его Федор, указав на план Москвы. — Петька мой с мальчишками отметили, где поля-

ки живут, кои не в Кремле обретаются. Их тоже надо навестить.

—Навестим, — Татищев выпил. — Что с сей блядью? То же, как мужа ее? — он сделал недвусмысленный жест.

—Не надо, — велел Шуйский. — Пусть ее не трогают. Сошлю в Ярославль вместе с ее отцом, а потом за выкуп в Польшу отправлю. Денег нет в казне, бояре, все на французское вино да серебряные упряжи потратили. Вот еще что, — он помолчал. — Надо кого-то к Болотникову послать. Хоша бы понять, что он делать намерен, а то, ежели он через реку полезет самозванца защищать, дак мы не устоим.

—Пошлем, — сказал Федор. — Есть у меня человек один на примете. Он все сделает, как надо.

—Ладно, — Шуйский поднялся, — пойду я, бояре. Напоследок сладкого отведать хочется, а то вы жените меня на колоде хороших кровей, и придется с ней жить, — он рассмеялся.

Когда дверь за князем закрылась, Татищев, поиграв кинжалом, невзначай заметил:

—Василию Ивановичу шестой десяток идет, и в первом браке у него детей не было. Вам сколько, Федор Петрович, тридцать четыре?

—О чем ты, Михаил Никитич? — подозрительно спросил Воронцов-Вельяминов.

—Двое сыновей у вас здоровых, кровь с молоком, — словно не слыша его, продолжил Татищев. — Ни о чем, Федор

Петрович, подумалось просто. Завтра увидимся.

Бесцветные глаза холодно блеснули. Неслышно отворив дверь, Татищев исчез.

—Голову чуть выше подними, — велел Федор Дуне. — Так и сиди, не двигайся.

В раскрытом окне светелки переливался нежный золотистый закат, звонили колокола церквей, с реки дул свежий ветер. Зажав в зубах свинцовый карандаш, растушевывая рисунок хлебным мякишем, Федор пробормотал:

—Хорошо!

—Вы нас по столько раз рисовали, — смешливо сказала Дуня. — Зачем вам сие?

—Я каждый день рисую, — отозвался Федор. — Иначе нельзя.

Девушка, помолчав, робко спросила:

—К вам, Федор Петрович, мужчина приходил, поляк, пан Ян. Придет он еще?

—Придет, — рассеянно ответил Федор. Девушка только грустно вздохнула. Закончив рисунок, он велел:

—Завтра с утра в Коломенское отправляйся. Никифор Григорьевич тебе лоток устроил, будто ты вразнос торгуешь. Посмотри, сколько человек у Болотникова и что там говорят — куда они двигаться собираются. Сможешь?

Дуня кивнула изящной головой. В окошке светелки над

московскими крышами уже повисла бледная луна.

Фроловские ворота Кремля стояли широко открытыми. Немецкие наемники, пьяно перекликаясь, бродили по кремлевскому двору. Полюбовавшись Троицкой церковью, Джон быстро прошел на Красную площадь. На поросшем свежей травой откосе Неглинки устроились мальчишки с удочками.

Самый высокий, по виду лет семнадцати, в потрепанном кафтане, поймав взгляд Джона, указал вниз по течению реки.

Постояв немного, разглядывая рыночную толчею, Джон ленивой походкой направился восвояси.

— Вырос сын Теодора, — хмыкнул он. — Когда мы в Венеции играли в мяч, ему было семь лет.

Джон заставил себя не думать о ее изящно вырезанных, самих сладких на свете губах.

— Оставь, — сказал себе он, — удостоверься, что она в безопасности и уезжай. Ты еще в Венеции услышал, что она тебя не любит.

Под деревянной галереей, переброшенной через ручей, царил прохлад. Неслышно подойдя, Джон опустил рядом с Федором.

— Я смотрю, ты уже не боишься, — заметил он после недолгого молчания.

— Посидел бы ты с мое в четырех стенах, тоже бы на улице рвался — сварливо отозвался Воронцов-Вельяминов. — В Кремле никто ничего не подозревает?

—Царю уже кто только не говорил, что завтра утром на Ильинке в набат забьют, — лениво ответил Джон. — Он отмахивается, что все это ерунда и надеется на Болотникова.

—Я человека в Коломенское послал. Он должен прийти скоро, — Федор почесал в голове. — Тебе в Кремль возвращаться не след. Кстати, как ты туда пробрался после Новых Холмогор?

—У вас всюду неразбериха, — отмахнулся Джон. — Любкой, кто знает польский, сейчас приходится ко двору, а бумаги у меня хорошие, надежные.

—Да, — Федор сплюнул. — Доберись я тогда до Новых Холмогор с Марьей, ничего бы сего не случилось, но я к семье торопился, — он покраснел. — Марья, сам знаешь, лучше любого мужика стреляет и с конями управляется.

—Она все-таки женщина и у нее дочь, — вздохнул Джон. — Судя по тому, что мне рассказали твоя матушка с Виллемом и Джованни, преподобный отец — страшный человек. Ничего, мы ее найдем, а что касается Кремля, то я и не собираюсь туда идти. Я тебе говорил, что это ваше дело и я не могу в него вмешиваться.

—Однако об охране ты мне рассказал, — не удержался Федор.

—Ничего такого, чего бы вы не могли узнать сами, — рассмехался Джон. — Ваш самозванец нам не нужен, но помогать вам я не имею права и не буду.

—Сами справимся, — буркнул Федор. Прищурившись,

он добавил:

—Вот и Дуня. Послушаем, что она выведала, заодно и перекусим. Ты потом останься здесь до завтрашнего вечера. На улицу не выходи, а то мало ли что. Знаешь, как говорят — глас народа, он ровно глас Божий. Еще под горячую руку попадешь.

В каморке вкусно пахло свежесвепеченным хлебом. Поставив на стол горшок со щами, Дуня смущенно сказала:

—Ешьте, пан Ян, не стесняйтесь, пожалуйста.

—Не буду, пани Эва, — рассмеялся Джон, исподволь полюбовавшись ее белокурыми волосами.

—Почему вы меня так называете? – робко спросила девушка, переминаясь у порога.

—Мне так больше нравится, пани Эва, — Джон взглянул в ее лазоревые глаза.

—Можно ведь, да? Если вам не нравится, я не буду.

—Мне нравится, пан Ян, — она перебирала в руках кончик косы.

—Расскажи, что ты в Коломенском видела, — велел Федор.

—Садитесь, пожалуйста, пани Эва, — Джон поднялся. — Поешьте с нами. Вы проголодались, путь на тот берег неблизкий.

Устроившись на краю лавки, девушка отщипнула кусочек

хлеба.

—Щи я сами варила, — Дуня покраснела, — они с того дня настоялись, вкусные должны быть.

—Очень, — ласково отозвался Джон. — Очень вкусные.

Глубоко вздохнув, девушка pokrutila ложку.

—Шатров у них много, как бы ни сотня. Все на конях, с оружием, телеги тако же есть, и даже пушки на оных.

—Пушки-то где они взяли? — удивился Джон.

—Сие дело нетрудное, — хохотнул Федор, — у нас главное, чтобы золото в мошне водилось. За оное тебе и Царь-Пушку с Красной площади выкатят, и хоша весь Пушечный двор на руках вынесут. Главное — плати.

Дуня покраснела еще пуще.

—Они говорили, что на Москву не пойдут. У них пьяных много, а самого Болотникова третий день никто не видел, но вроде здесь он, в городе, — девушка добавила:

—Они сказали, что им все равно, кто царем станет. Как они на Дону гуляли, дак и здесь погуляют.

—Да, — хмыкнул Федор, — Ладно, спасибо тебе. Беги, поспи, а то ты рано сегодня поднялась. С проклятой свадьбой здесь отбоя от посетителей нет.

Что-то пробормотав, Дуня мышкой шмыгнула за пестрядинную занавеску.

—В городе, — Федор задумался, — Москва такой город, что в нем годами можно прятаться и не найдет никто. Хоша на меня посмотри. Здесь высоких чернобородых мужи-

ков каждый второй. Однако, что гулять они собрались, дак сего мы не позволим.

Он повернулся к Джону.

—Ты слушаешь меня али нет?

—А? — отозвался тот. — Слушаю, слушаю. Ты сказал, что вы им гулять не позволите.

Федор усмехнулся:

—Хочешь, я с Никифором Григорьевичем договорюсь и он тебе ее на ночь пришлет? Девка она сладкая, семнадцати годов не исполнилось. Сам князь Шуйский любитель ее на спину уложить. Хоша теперь ему неуместно сюда заглядывать будет.

Коротко ответив: «Сам разберусь», Джон вышел из каморки и Федор потянулся.

—Покончим с государем и пошлю за Лизаветой с Марьей. На Воздвиженке за год кто только не побывал. Пущай она хозяйство в порядок приводит, а касаясь остального — там видно будет. Господь все рассудит.

Взглянув на полуденное солнце за окошком, Федор стал собираться. На Москве-реке его ждала лодка.

Волны тихо набегали на травянистый берег. Ниже по течению поблескивали купола кремлевских соборов

—Темза шире, — хмыкнул Джон. — Однако здесь красивее и как цветами пахнет, словно в деревне.

—А в Польше хорошо? — робко спросила Дуня, сидевшая

поодаль.

—В Польше-то я и не был никогда, — скрыв улыбку, Джон решительно ответил:

—Очень хорошо, пани Эва. Давайте я вам расскажу о городе, где я родился. Он, правда, не в Польше.

Она слушала, подняв длинные ресницы, а потом восторженно спросила:

—Весь на воде? Зимой она замерзает, наверное? Там на санях ездят, как у нас по Москве-реке?

—Нет, — Джон покачал головой. — Там круглый год тепло, все на лодках катаются.

—И возков там нет, — зачарованно протянула Дуня. — Как в сказке, пан Ян. Хотела бы я там оказаться, а то, кроме Москвы, я ничего и не видела, даже в Лавре не была, — девушка озорно тряхнула головой. — Впрочем, на Москве тоже сладко, люблю я ее.

—Сладко, — Джон искоса посмотрел на нее. — Господи, она словно картина синьора Боттичелли, которую я видел во Флоренции. Она та, что справа идет и разбрасывает цветы. Улыбка у нее такая же. Флора, да.

Сорвав цветок, Джон задумчиво спросил:

—У вас девушки гадают на жениха, пани Эва?

—А как же, — она рассмеялась. — Лепестки отрывают, пан Ян.

—Хотите? — Джон придвинулся к ней поближе. От девушки пахло весенним лугом и у него сразу закружилась голова.

— Меня никто замуж не возьмет, пан Ян, — грустно сказала Дуня. — Я с четырнадцати лет сим ремеслом занимаюсь. Я подкидыш, без роду, без племени, на улице выросла. Сначала я Христа ради по церквям просила, на Красной площади с лотков воровала, а потом к Никифору Григорьевичу пришла. Дорога-то известная, — она отвернулась.

— Этого вы не знаете, пани Эва, — ответил Джон. — Погадайте, пожалуйста.

Она несмело взяла цветок и Джон решил:

— Хватит, я увезу ее отсюда, когда Федор с семьей окажется в безопасности. Нечего ей здесь прозябать.

Лепестки взвились в воздух и Дуня расхохоталась:

— Получилось, что по сердцу я кому-то, вот уж не думала!

Джон спросил:

— Пани Эва, можно вас за руку взять?

Девушка кивнула, опустив ресницы. Джон нежно коснулся тонких пальцев.

— Накиньте мой плащ, а то вечереет, холодно.

Дуня вздохнула.

— Не надо вам сейчас на улице показываться, пан Ян. Видно, что вы нездешний, мало ли что случится.

— У меня есть и сабля и пистолет, — ответил Джон. — Не случится, пани Эва, поверьте мне.

— Все равно не надо, — твердо ответила девушка. Пойдемте, — она потянула Джона за руку. — В кабаке сегодня гуляют. В Кремле веселье и у нас тако же. Поспите в Федо-

ра Петровича каморке. Я вам все чистое принесу, и воды согрею помыться.

Джон взглянул в лазоревые, как небо, глаза:

—Пани Эва, если вы хотите, то...

Она долго молчала, а потом, утерев слезу, шепнула:

—Очень хочу, пан Ян. Как я увидела вас, так и хочу, и всегда хотеть буду. Только ведь...

—Все будет хорошо, — Джон неловко коснулся ее теплой щеки. — Все будет хорошо, счастье мое.

В раззолоченных нижних палатах кремлевского дворца гомонили перепившиеся гости. Дмитрий Иоаннович поковырялся в зубах.

— Семь десятков музыкантов, дорогая моя. На Москве такого никогда не видели. Я намерен устраивать балы каждую неделю. Московский двор должен стать таким же блестящим, как парижский.

От царя разило потом. Марина вспомнила, как Басманов предупреждал мужа о настроениях москвитов.

—Якобы им не нравится, что царь не ходит в баню, — поймав взгляд сидящего неподалеку отца, Марина выразительно закатила глаза. Юрий Мнишек только развел руками. Потянувшись за изящной вилкой, отец стал расправляться с куском осетрины.

—Вилки им тоже не нравятся, — кисло хмыкнула Мари-

на. — Вилки, польское платье, музыка, танцы — им ничего не нравится. Теодор жил в Италии и мы быстро наведем здесь порядок. Они скинут дикарские одежды и постригут бороды.

Погладив короткую, на польский манер, бородку воевода Петр Басманов наклонился над креслом царя. Выслушав его шепот, Дмитрий отмахнулся.

—Вздор, — громко рыгнув, он повторил:

—Вздор, я ничего не хочу слышать. Москвичи преданы мне и никогда не поднимутся против законного царя.

—Государь, — Басманов повысил голос, — сегодня черни раздадут оружие. Я прошу вас, велите прочесать город.

Дмитрий, пьяно покачиваясь, поднялся.

—Сидите, господа, сидите.

Расстегнувшись, он помочился на расписанную золотом стену.

—Завтра мы с государыней будем спать до обедни, а вы пируйте дальше, вина еще много.

Он щелкнул пальцами.

—Принесите в нашу опочивальню еще вина. Не беспокойтесь, господа, отряды Болотникова в Коломенском верны мне, и встанут на мою защиту. Музыканты, играйте громче! Я хочу, чтобы сегодня все веселились!

Его липкая, холодная рука зашарила по колену Марины и девушка заставила себя сказать:

—Доброй ночи, господа, встретимся завтра утром.

В опочивальне его вырвало в подставленный Мариной се-

ребряный таз. Царь заснул, уткнувшись лицом в подушку, похрапывая. Налив себе вина, закутавшись в меховую полость, Марина села в кресло. Над Кремлем висела черная, беззвездная ночь, дул резкий ветер. Внизу все завывала назойливая музыка.

В каморке, устроившись на лавке, Дуня положила голову на плечо Джона.

— Я у Федора Петровича спрашивала, вернетесь ли вы, — призналась девушка. — Как он сказал, что вернетесь, так мне сразу хорошо стало, — Дуня прижалась щекой к его руке. — Тепло, как на солнце.

Джон поцеловал ее белокурый затылок.

— Я видел, что ты на меня смотрела и тоже глаз от тебя отвести не мог, — прижав девушку к себе, он добавил:

— Когда здесь все закончится, я тебя увезу. Я бы и сейчас увез, но мне пока нельзя уезжать.

— Далеко увезете, пан Ян? — Дуня поцеловала его пальцы. — Да хоть бы и на край света, только с вами.

— Далеко, — Джон вдохнул цветочный аромат ее волос. — По морю. Знаешь, что такое море?

— Слышала, — свернувшись в клубочек, Дуня положила ему голову на колени. — Оно ведь без края, да?

Трещала, шипела свеча. Наклонившись, он поцеловал лавровые глаза. Девушка счастливо улыбнулась, и Джон со-

гласился:

—Без края. Поплывем с тобой на большом корабле, а потом обвенчаемся и всегда будем вместе.

Девушка лукаво спросила:

—Вы никак замуж меня взять собрались, пан Ян?

—Собрался, — он приник к ее губам и Дуня, глубоко вздохнув, попросила:

—Еще.

—Только это делать и буду, — весело ответил Джон.

—Больше ничего? — один голубой глаз приоткрылся.

—Не болтай, — велел Джон, — а обними меня. Вот так, — он пристроил девушку у себя на коленях. —Сказал бы мне кто, что так бывает, я не поверил бы, — понял он. — Впрочем, папа говорил, когда еще был мальчишкой. Господи, какое счастье.

Потом она лежала на боку, прижавшись к нему белой, белее снега спиной. Джон поцеловал ее куда-то за ухо.

—Меня еще ни одна женщина не любила. Так тоже случается, пани Эва, а я любил.

Повернувшись, она шепнула:

—У вас глаза были такие, пан Ян, как будто грустно вам. Что вас не любили, так сие прошло и никогда не вернется, покуда я жива, я вам обещаю, — Дуня спрятала лицо у него на плече.

Он проснулся на рассвете от гула колоколов. Звонили, перекликались церкви и монастыри. Поцеловав ее закрытые,

сонные глаза, Джон захлопнул ставни.

—Набат, — тихо сказала Дуня, потянув его за руку. — Побудьте со мной, пан Ян, хоша и готовились они к сему, а все равно страшно.

—Ничего не бойся, — Джон обнял ее. — Я теперь с тобой, и так будет всегда.

За окном гудели колокола Москвы — от Чертольской улицы и Конюшенной слободы до Ильинки и самой Красной Площади.

Приподнявшись в стременах, князь Василий Иванович Шуйский крикнул:

—Православные! Царя Дмитрия Иоанновича поляки убить хотят! Защитим государя. Бейте их, никого не жалеть!

Толпа, вооруженная дрекольем и вилами, возбужденно завыла. Федор с высоты своего роста, сидя в седле, заметил знакомые рыжие кудри.

Пришпорив жеребца, поймав сына за плечо, он встряхнул парня.

—Я сказал тебе сидеть на Китай-городе и сюда не соваться!

—Дак здесь все наши, — жалобно ответил подросток. — Мы на плане дома отмечали, батюшка, где поляки живут. Сейчас и покончим с ними одним махом.

—Ладно, только осторожней, — велел Федор. Повернувшись к Михайле Татищеву, он усмехнулся.

—Ловко мы придумали. Сейчас хоша поляки защищать его не полезут и мы их в постелях перережем.

На Ильинке гудел набат, по мосту через Неглинку валили еще люди. В толпе блестели сабли и бердыши. Подняв пицаль, Федор выстрелил.

—Лестницы несите, сейчас на стены полезем!

Фроловские ворота трещали под натиском толпы. Над площадью пронесся низкий крик. Немец наемник, поднятый на вилы, дергался, разбрызгивая темную кровь.

—Началось, — сладко протянул Татищев, доставая саблю. Федор тоже вынул свой клинок.

Ворота рухнули, люди топтали трупы немцев. Кто-то ринулся бежать, но его притащили за волосы обратно к воротам и пригвоздили деревянным колом к доскам. Жеребец Шуйского наступил копытами на затрещавшую голову немца.

Держа меч и наперсный крест, князь поехал к Успенскому собору. Трупы отшвырнули ко рву под стенами Кремля. Толпа, выкрикивая ругательства, повалила за Шуйским. С Ильинки заорали:

—Сейчас живьем на куски порвем!

Спешившись на булыжном кремлевском дворе, Шуйский благоговеино приложился к иконе Божьей Матери.

—Бить еретика насмерть!

Толпа, улюлюкая, подняв вилы и колья, бросилась к входу в новый царский дворец.

Оглядев опочивальню, Марина дрожащими пальцами подергала золотой крестик на шее.

—Сейчас его убьют и я стану вдовствующей государыней, — пожелала девушка. —Впрочем, ненадолго. Надо потом выйти к толпе и увещевать их. Я правильно сделала, одевшись по-русски.

Она поправила кикю серого бархата, расшитую жемчугом и серебром.

—Меня венчали на царство, — твердо напомнила себе Марина. — Я ношу московскую корону и так будет всегда.

Заглянув в дверь, муж выругался сквозь зубы по-польски: —Ничего не бойся, это пьяная толпа. Я кину им золото и они разойдутся.

Марина, прижавшись к стене, взглянула вниз. Немецкие алебардчики стояли, выставив пики вперед. Из толпы полетели камни и над площадью заметался надсадный крик:

—Руби их!

Толпа полезла на крыльцо. Стая бродячих собак на дворе грызлась из-за свежих кусков мяса. Вороны, каркая, слетались на окровавленные булыжники.

Растворив ставни, Басманов обернулся к Дмитрию.

—Попробую их увещевать.

Высунувшись наружу, воевода громко сказал:

— Православные, вы достаточно пошумели! Хватит убивать невинных, расходитесь по домам!

—Выдавай нам вора, — издевательски велели с крыльца,
— тогда и поговорим!

—Я спущусь к ним, — вздохнул Басманов, — а вы, государь, идите к царице, успокойте ее.

—Где мой меч? — сквозь зубы спросил Дмитрий. Выматерившись, царь вырвал алебарду стоящего на лестнице охранника.

—Меня так просто не убьешь, — презрительно выпятив губу, он подтолкнул Басманова.

—Идите.

Дверь медленно открылась, толпа отхлынула и Федор услышал жалобный голос воеводы:

—Православные!

Татищев, сплюнув, вразвалочку взошел на крыльцо. Басманов, пятясь, отступал и толпа заревела:

—На кол его!

Засучив рукав поношенного кафтана, Татищев одним ударом кулака сломал ему нос. Воронцов-Вельяминов, пройдя сквозь расступающихся людей, свалил с ног кричащего, хватающегося за кровавую кашу лица Басманова.

—Спасибо, Федор Петрович, так и держите его, — попросил Татищев, медленно перепиливая Басманову горло. Кровь потоком хлынула на крыльцо и толпа возбужденно взывала:

—Смерть еретику!

Опустив засов на двери опочивальни, Дмитрий выглянул в окно. Труп Басманова, с расколотой головой, втоптали в пыль на дворе. Толпа ломала двери дворца.

—Если побежать по галерее, то можно спастись, — спокойно прикинул Дмитрий. — Дворец не достроен. Я спущусь по лесам, затеряюсь в толпе и уйду в Коломенское. Там Болотников, он поможет. Ничего, еще погуляем.

Двери на крыльце рухнули и он бросился бежать. Когда толпа хлынула во дворец, Шуйский обернулся к Воронцову-Вельяминову.

—Федор Петрович, присмотри, чтобы с государыней ничего невместного не сотворили, — Шуйский издевательски усмехнулся. — Иначе потом хлопот с выкупом не оберешься. Ты, Михайло Никитич, найди ее отца и отвезите их в Разбойный приказ. Пусть пока посидят в подвале.

С Житного Двора, от кремлевских амбаров, донесся возторженный крик:

—Он живой, сука! Спрыгнул с лесов, грудь себе разворотил, руку сломал, но живой!

—Подождет государыня, не денется никуда, Василий Иванович, — рассмеялся Воронцов—Вельяминов. — Пойдемте, истребим сатанинское отродье раз и навсегда.

Вокруг стонущего человека завывала возбужденная толпа. Кто-то, выматерившись, заорал:

—Кончать его, суку!

—Водой облили, государь, — услужливо сказал кто-то из стрельцов Шуйскому.

Дмитрий кричал, закусив посиневшие губы:

—Больно! Больно как! Я сын царя Ивана, оставьте меня! Я его сын!

—Инокня Марфа здесь неподалеку, — задумчиво проговорил Шуйский. — Она из Новодевичьего в Вознесенский монастырь днями перебралась. Сбегайте кто-нибудь к ней через площадь, спросите, ее ли он сын.

—Василий Иванович, — неслышно сказал ему на ухо Татищев. — Вы же сами знаете...

—Знаю, — безмятежно ответил Шуйский. — Не волнуйся, Михайло, вот она смотрит, — Шуйский указал на высокую, тонкую фигуру в черной мантии. Инокня Марфа стояла у окна монастыря.

—Ты в Угличе не был, а я был. Она вспомнит набат.

Били, гудели колокола кремлевских соборов. Стрелец, вернувшись, махнул рукой:

—Вдовствующая государыня сказала, что ее сына убили в Угличе!

Шуйский наступил на сломанную руку Дмитрия. Раздался сухой треск и раненый страшно, по животному, завыл. Князь велел:

—Кончайте с ним!

Выстрелив из пищали в слепо ползущего куда-то Дмитрия, Федор приказал стрельцу:

—Алебарду сюда давай!

Пнув исколотый пиками труп, Шуйский заметил:

—Людам понравится, коли они с Басмановым на Красной площади полежат. Я распоряджусь. Вы, бояре, Мнишеков собирайте, как и договорились.

Оскальзываясь в лужах крови, Федор пошел к изломанному дворцовому крыльцу.

Забившись в угол опочивальни, Марина осторожно выглянула наружу. Толпа волочила к Фроловским воротам полуголый труп мужа. Кто-то крикнул:

—Басманова тоже тащите, кинем его в навоз.

Проколов тело воеводы вилами, здоровый мужик понес его вслед за толпой. Оглянувшись, девушка взвизгнула. Дверь опочивальни, треснув, упала. Марина схватилась за жемчужное ожерелье поверх богатого бархатного опашения.

—Пан Теодор!

Хмуро оглядев палаты, он махнул стрельцам:

—Дверь на лестницу закрыть и никого сюда не пускать!

—Пан Теодор, — пробормотала она, тяжело дыша. — Пан Теодор, наконец-то!

Он отшвырнул обломки двери.

—Так, пани Марина. Сейчас найдут вашего отца, опосля чего вас отвезут в Разбойный приказ, а оттуда в ссылку, куда новому государю угодно будет.

Марина не успела отпрянуть. Брезгливо поморщившись,

Воронцов-Вельяминов сорвал с ее шеи жемчуг.

— Наворовали, суки, — выругался он. — Все сие оставите здесь. В казне денег нет, а вы золотом с головы до ног обвешаны.

От него пахло свежей кровью и порохом.

— Как в Самборе, — вспомнила девушка, пытаясь устоять на ногах. — Тогда у него тоже под ногтями запеклась кровь после охоты.

Ее рука потянулась к серебряным пуговицам опашеня.

— Пан Теодор, — Марина опустилась на колени. — Пан Теодор, ради вас я сделаю все, что угодно. Мы можем обвенчаться и царствовать...

Сбросив кику, девушка встряхнула растрепанными черными волосами. Его красивые губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Коли я захочу, пани Марина, — ответил он, — дак я вас на площадь Красную выведу, где найдется много охотников на ваши прелести. Об венце царском забудьте, вы обманом его получили. Сбирайтесь, в тюрьме вам немного понадобится.

Девушка поползла за ним, плача, припав губами к его сапогу.

— Пан Теодор, я прошу вас, не надо. Я вас люблю, вас одного, и буду любить всегда!

— Сие мужа вашего покойного кровь, что вы с моих подошв слизываете, — он рассмеялся. — Сейчас возок за вами

пришлют с решетками и вывезут через задний двор. Стоит вам, пани Марина, на Красной площади появиться, дак вы оттуда живой не выйдете. Всего хорошего,

Отбросив с дороги обломки двери, он что-то коротко приказал стрельцам. Марина рванулась за ним, но передняя опустела. На лестнице стоял стрелецкий караул. Засунув в рот рукав опашеня, девушка тихо зарыдала.

На Красной площади гудела толпа. Дюжий мясник, вооружившись длинным ножом, взрезав живот трупу Дмитрия, бросил на синеватые кишки причудливо разукрашенную маску, одну из тех, что готовились для придворного карнавала. Сейчас они валялись в грязи среди вещей, выброшенных из разоренного дворца. Из разорванного рта торчала дудка, тело измазали навозом и засыпали песком. Изуродованный до неузнаваемости труп Басманова валялся в куче рыночных отбросов. Глаза воеводы клевала ворона.

Проехав мимо, Шуйский тихо сказал:

—Хорошо. Дня два пусть полежат, препятствий к поруганию не чинить. Потом зароем их за Серпуховскими воротами на кладбище для нищих.

Федор, кивнув, взгляделся в толпу. Мальчишки насаживали отрубленные головы поляков на пики, стоящие вдоль Неглинки.

—Петька там, — узнал он сына. — Слава Богу, все хоро-

шо.

Одна из голов выскользнула на землю. Парни, хохоча, пинали ее сапогами.

—Батюшка! — Петя помахал ему. Протолкнувшись сквозь толпу, сын восхищенно сказал:

—Слава Богу, конец самозванцу!

Подросток засучил окровавленные рукава рубахи. Федор скрыл вздох.

—Да что это я? Он у меня под Кромами тем годом людей вешал.

—Говорят, больше полусотни поляков зарезали сегодня, тако же и немцев. Никто разбираться не стал, — Шуйский потрепал подростка по плечу:

—Молодец, Петр Федорович.

—Государь, — мальчик склонил рыжую голову.

—Хорошо сына воспитал, Федор Петрович, — бесцветные глаза Татищева усмехнулись и он шепнул:

—Через два дня вас выкликать на царство будут, Василий Иванович, люди готовы.

—Игнатия, патриарха ложного – в ссылку, — велел Шуйский. —Кто из митрополитов не переметнулся к самозванцу?

—Исидор, новгородский митрополит, — ответил Федор. — Он войско приводил к присяге царю Федору Борисовичу опосля смерти Бориса Федоровича.

—Помню, — Шуйский потрещал костяшками пальцев: —

Воронье сюда, кажется, со всей Москвы слетелось. Пусть он меня на царство и венчает. Хватит нам недели две, чтобы здесь все обустроить? — князь махнул в сторону Кремля.

—Более чем, — заверил его Воронцов-Вельяминов. — Почти ничего не пострадало, Василий Иванович.

—Первого июня тогда пусть возложат на меня венец царский, — прошелестел князь. — Мы Бориса Федоровича объявим виновным в смерти царевича Димитрия. Мол, он стольникам заплатил, невинное дитя зарезавшим.

Подавив тяжелый вздох, Федор вежливо ответил:

—Разумеется, Василий Иванович.

Подняв гудящую от слез голову, Марина ахнула. В проеме окна раскачивалась веревка. Болотников, улыбаясь, нырнул в палаты.

—Хороша охрана в Кремле, — он рассмеялся. — Хоша отряд по крыше пусти, никто не заметит. Что мы грустим? — он небрежно потрепал по голове девушку:

—Ах, да, вы же овдовели, пани Марина. На Красной площади труп вашего мужа в навозе валяется, весь оплеванный. И с паном Теодором у вас не получилось царствовать.

—Ничего, пани Марина, — взяв открытую бутылку вина, Болотников выпил из горлышка. — Вы посидите пару лет в тюрьме монастырской, лишитесь зубов, а потом вас отправят в Польшу за выкуп. Если вы не сдохнете, конечно, до сего

времени.

Марина разрыдалась.

—Пан Иван, я прошу вас! Спасите меня, я все, что угодно сделаю! Только не оставляйте меня здесь! Я кем хотите для вас буду!

Он покачал головой.

—У меня дела, а вы с батюшкой отправляйтесь в Каргополь. Счастливого пути, пани Марина.

Она обхватила его за ноги.

—Но вы же обещали, пан Иван!

Болотников отпихнул ее сапогом.

—Ничего я не обещал. Я с вами развлекался, но я, пани Марина, венчаюсь днями, и буду верным мужем, как положено. Разошлись наши дороги.

—Не трогайте пана Теодора, — выпрямившись, потребовала Марина. Девушка взвыла. Ударом кулака Болотников разбил ей губы.

—Заткнись, сучка, — схватив веревку, вскарабкавшись на крышу, он исчез из вида.

Выплюнув на ковер сгусток крови, схватив с поставца серебряный бокал, девушка запустила его в стену. В опочивальне резко запахло вином. Марина, раскачиваясь, схватила себя за всклокоченные волосы.

—Суки! Суки! Все равно он будет моим! Хоть как, но будет!

В Спасском соборе Андроникова монастыря царила прохлада. Остановившись на пороге, Федор любовался темным золотом, багрянцем и свежей зеленью фресок.

— Мы сейчас так не умеем, — вздохнул он. — Две сотни лет почти прошло, как фрескам синьора Джотто в Падуе. Я тогда там неделю почти провел, днями сидел и рисовал. Инока Андрея Рублева сотоварищи, чьих рук здешние росписи, еще будут так же ценить, как синьора Джотто. Жаль, что в Лавре не снимают оклад царя Ивана с его Троицы. Судя по ликам, там есть на что посмотреть.

С деревянного помоста раздалось шуршание. Легкий рыжеволосый мальчик свесил голову вниз.

— Батюшка!

— У тебя штукатурка сохнет, — ворчливо ответил Федор.
— Не отвлекайся.

Перекатившись на спину, Степа вернулся к работе. Порывшись в куче холщовых передников, оставленных ушедшими на обед богомазами, Федор поднялся на помост. Устроившись рядом с сыном, он рассмеялся:

— Я смотрю, тебя до ликов не допускают еще в девять лет.

— Лики здесь трогать нельзя, — озабоченно сказал Степан, ловко прописывая растительный узор. — Тако же и одежды. Сие инока Андрея рука, куда нам до нее.

Перехватив кисточку левой рукой, Степа продолжил работать.

— Сбили здесь, что можно было, и по мелочи подновляем,

— добавил мальчик.

— Дай я тоже, — пошарив рядом с собой, Федор нашел кисть. — Смотри-ка, — он искоса взглянул на сына, — я правой только могу, а он как синьор Леонардо, обеими рисует. Он все обеими делает, с детства еще. Он похож на Лизу, только волосы у него мои. Петр, тот у нас высокий, понятно в кого.

Федор мимолетно вспомнил черные, тяжелые волосы, дымно-серые глаза.

— Жаль, что я сжег все ее портреты, — он скрыл вздох. — Я рисовал ее в сторожке, обнаженную. Взглянуть бы на нее сейчас. Лиза говорила, что у нее то ли семь, то ли восемь детей. Мальчики все, только девочка старшая. И наша девочка лежит в Несвиже, на их кладбище. Там хорошо, красиво.

— Как Петя? — спросил Степан, на мгновение прервавшись.

— Хорошо, — рассмеялся отец, — на Воздвиженке строителями командует. Пока матушка с Марьей приедут, мы все закончим. Там год хозяйской руки не было, сплошной разор. Сейчас Василия Ивановича на царство повенчаем, дак у меня меньше забот в Кремле будет и я сам стройкой займусь. За матушкой я скоро пошлю, а то ты соскучился, наверное.

Лихим росчерком закончив завиток, Степа признался:

— Соскучился, так же и по Марье. Вы, батюшка, наверное, проголодались? Я из трапезной блинов принесу, хоша холодные, а все равно вкусные. Я сам пек, — гордо добавил

мальчик.

— Давай, — Федор оценивающе взглянул на штукатурку.
— Сей кусок мы сделали, а новый вы опосля обеда начнете.

Они сидели на помосте, передавая друг другу жбан с квасом. Степа, пережевывая блины, слушал о фресках синьора Джотто. Вытерев руки, мальчик потянулся за бумагой и угольком.

— И вот, представляешь, — сказал Федор. — Иуда положил Иисусу левую руку на плечо, и смотрит преданно, но видно, что за поясом у него кинжал.

Быстро набросав композицию, Степа мечтательно отозвался:

— Когда я вырасту, то отправлюсь в Италию, Петя хоша Венецию помнит, а я вообще ничего, я же маленький был.

— Все вместе отправимся, — пообещал отец. Притянув к себе сына, он поцеловал рыжий затылок.

— Ты пока здесь сиди. Как матушка вернется, я грамотцу пришлю.

Выходя из храма, Федор оглянулся

— Я в его годы тоже работал. Надо его следующей весной на стройку отправить. Камни ему таскать не по силам, дак пусть отделкой займется.

Спустившись к берегу Яузы, отвязав свою лодку, Федор зло сплюнул в прозрачную воду.

— Болотников, сука, делся куда-то. За одну ночь лагерь в Коломенском снялся и ушел. Бог ведает в кою сторону. Дуня

туда ходила, спрашивала в окрестных селах, но никто ничего не знает. Или говорят, что не знают. Еще не хватало, чтобы он народ мутить зачал.

Во дворе городской усадьбы Воронцовых-Вельяминовых пахло свежим деревом. Встретив отца на крыльце, Петя озабоченно спросил:

— Как Степан, батюшка?

— Рисует, — усмехнулся Федор. Поднимаясь по ступеням, он добавил:

— Чтобы не мешал нам никто, понял?

Подросток кивнул.

— От Никифора Григорьевича Дуня приходила с паном Яном. Они принесли водки и закуски, как вы и велели.

— А сами куда отправились? — поинтересовался Федор.

— Гулять, сказали, на Москву-реку, — подхватив топор, Петя пошел к плотникам, чинящим кладовые.

Взобравшись на крышу, перевязав кудри шнурком, мальчик принялся за работу.

Высокий чернобородый мужчина, стоя наискосок от ворот усадьбы, засунул руки в карманы потрепанного кафтана. Обернувшись к своему подручному, он тихо сказал:

— Ежели возки будут выезжать, али еще что, дак немедля сообщи мне, я в обычном месте буду. Говоришь, девка какая-то приходила в Коломенское с лотком, выводывала, где

мы?

Неприметный человек ответил:

— Она уж второй раз явилась с пирогами, Иван Исаевич. Белокурая девка, глаза голубые, роста невысокого. Я ее узнаю, ежели увижу. Она здесь тако же была сегодня с мужиком. Он темноволосый, из Немецкой слободы, как мне кажется. На нашего не похож.

— Вот оно как, — Болотников поиграл кинжалом. — Девку сию они за нами следить приставили, дак пожалеет она о сем, поверь мне. Мужик поляк, али немец? Не зарезали его, как всех резали?

— Поляк вроде, — прошелестел подручный. — Они в кабаке обретаются, на улице Чертольской.

— В сей кабак соваться не след, — протянул Болотников. — Я слышал, там такой хозяин, что вмиг в Москве-реке в мешке окажешься. Для сего его у ручья и поставили. Там подпол есть, дак мне говорили, что в тот подпол люди спускались и не видел их более никто. Не надо нам московским вора́м дорогу переходить.

— Ничего, — Болотников поскреб в бороде. — Придумаем, как с ними расправиться.

Потрепав подручного по плечу, легко перебежав улицу, он пошел восвояси.

— Не обессудьте, бояре, — Федор разлил водку. — Лиза-

вета Петровна моя приедет из подмосковной и поедем как положено. Тако же и холопов оттуда привезу, а пока здесь разор, как есть разор.

— Дак у всех он, Федор Петрович, — Михаил Татищев принял стопку. — Пройдите по Рождественке да Дмитровке. Все, кто в деревнях сидел, возвращаются и усадьбы чинят.

— Отменные пироги на Чертольской улице, — Шуйский приняхался. — Хоша и постные, а все равно вкусные.

— У вас под Рузой подмосковная, Федор Петрович? — спросил Татищев. — Охота там хороша, наверное. Места глухие, лес непролазный.

— Тако же и рыбалка, — Федор подставил к изрезанному ножами столу покосившуюся лавку. — Там у нас озеро, Михайло Никитич, реки две, Руза и Москва, дак есть где сети забросить.

— Что мы пеплом самозванца в сторону Польши из пушки выстрелили, за сие вам, бояре, спасибо большое, — усмехнулся Шуйский. — Хоша слухи всякие прекратились, однако все равно на заборы лепят подметные листки, что якобы жив царь Дмитрий.

Федор подул на ссадины у себя на руке.

— Мы с Михайло Никитичем в Разбойном приказе человек пять за ребро подвесили, Василий Иванович, и останавливаться не собираемся. Колы у Троицкой церкви поставим и быстро о сих ересьях забудут.

— Вот и славно, — Шуйский погладил бороду. — Марин-

ка с отцом уже в Ярославль едет.

Федор поморщился.

—Что-то вы мягко с ними, Василий Иванович. В Каргополь бы ее, в яму подземную.

—Мне перемирие с Польшей заключать надо, — отозвался Шуйский. — Навряд ли они обрадуются, если мы отправим им беззубую развалину, лишившуюся ума.

—Все равно, Василий Иванович, надо их стеречь как следует, — вмешался Татищев. — Не приведи Господь, еще кто выкрасть вздумает, тот же Болотников.

Шуйский сочно выматерился.

—Сего мерзавца надо отыскать. У него тысячи человек в Коломенском стояли. Куда они в одночасье делись? Только от одного самозванца избавились, дак другой появится?

Татищев протянул:

—В листках подметных сказано было, что у царевича Дмитрия, чудом спасшегося, верные воеводы есть. Вот вам и воевода оный, зачем далеко ходить?

—У меня, Василий Иванович, с Болотниковым свои сче-ты, — заметил Федор. — Найдем, и я его самолично жизни лишу, своими руками.

Федор вспомнил нежную зелень и золото узоров в Андрониковом монастыре.

—Теми же руками, да, — скрыв вздох, он добавил:

—Давайте вторую бутылку откроем. Я на досуге карту нарисовал. Посмотрим, куда Болотников мог отправиться.

Джон вытащил лодку на белый песок.

— Не думал я, что у вас есть такие горы!

— Называются Воробьевы, — отозвалась Дуня. — Здесь птиц много, и ягод, и грибов. Когда я девчонкой была, мы их собирали, а потом на Красной площади торговцам сдавали. Так летом и кормились.

— Когда я девчонкой была, — приподняв белокурую косу, Джон поцеловал ее нежную шею. — А сейчас ты кто?

— Мне на Покров уже семнадцать, — рассудительно сказала Дуня. — О моих годах бабы деток приносят.

Девушка, покраснев, смешалась.

— Я не то хотела сказать, пан Ян, простите, пожалуйста.

— Очень даже то, — смешливо отозвался Джон. — Этим годом не обещаю. Дай Бог, мы только к Покрову вашему до Лондона доберемся и обвенчаемся. Однако следующим годом обязательно.

Бросив на берег кафтан, он скрыл усмешку.

— Хорошо, что Никифор достал мне русскую одежду, все меньше в глаза бросаюсь. Кормят здесь и правда вкусно. Жаль, что вино только в Немецкой слободе можно купить, хотя к водке привыкаешь.

Устроив Дуню у себя в руках, он вдохнул запах цветов.

— Сие Сетунь, — Дуня показала на речку слева, — на ней рыбалка хорошая и на Москве тако же. На том берегу монастырь Новодевичий, где боярские девицы хороших кровей

пребывают, тако же и вдовы. Меня Федор Петрович тем годом посылал туда, когда сестру его, Марью Петровну, самозванец постриг насильно.

—Вернемся в Лондон и я разузнаю, куда мог отправиться преподобный отец, — решил Джон. — Говорили, что хотят основать какую-то колонию в Новом Свете. Может быть, он туда поехал. Миссис Марта рассказывала, что она на этих горах родилась. Здесь стояла старая усадьба ее отца.

—Вы правда князь, пан Ян? — робко спросила Дуня.

—Вроде того, — Джон обнял ее покрепче. — Станешь княгиней, как положено. Поместье у меня тоже есть, и не одно. Научу тебя на лошади ездить.

—Сие я умею, — отозвалась Дуня. — Тако же и плавать. Я не в боярской усадьбе росла, а в подвале на Китай-городе. Но шить и готовить я тоже могу, — озабоченно добавила девушка. — Вы не думайте, пан Ян.

—Не думаю, — рассмеялся он. Отряхнув подол ее сарафана от песка, Джон лукаво спросил:

—Где вы здесь ягоды собирали? Есть там где спрятаться в лесу?

—О, — Дуня улыбнулась. — Я здесь каждую лужайку знаю, пан Ян. Там такие места глухие, что ввек никто не найдет.

—Покажи, — он поцеловал ее маленькую руку. — Пожалуйста.

Дуня на мгновение прижалась к его губам.

—Сие, пан Ян, только обещание. Пойдемте.

Она шутливо подтолкнула Джона к тропинке, что вела наверх.

—Ты обещания еще на том берегу раздавать начала, — Джон обнял девушку. — Я тебя долго не отпущу, моя дорогая пани Эва.

Дуня помахала берестяным туеском.

—Кваса фляга и пироги. Вы спали сегодня, пан Ян, а я встала и тесто замесила. Тако же и дальше буду делать.

Представив ее в резной, под кружевным балдахинном кровати, среди драгоценных шелков и меха, Джон сказал девушке на ухо:

—Пошли быстрее, потому что я целый день терплю и более не намерен.

Дуня, расхохотавшись, поднялась на откос где зеленой стеной стоял вековой, сосновый лес. Джон, оглянувшись, замер. Над широкой рекой, почти не двигаясь, парил мощный сокол.

—Господи, красиво как, — Джон полюбовался церковными куполами. — Понятно, почему Федор не хочет отсюда уезжать, но я уеду, и не один.

Он улыбнулся, почувствовав сзади легкое дыхание.

—Что это вы? – подозрительно спросила девушка, кладя острый подбородок ему на плечо. Джон взял ее руки в свои.

—Да так. Люблю тебя очень и каждый раз, как об этом думаю, то на месте замираю.

—Я на вас сегодня смотрела, когда вы спали, — шепнула

Дуня. — Так, чтобы вы не заметили. Любовалась.

— Я все равно заметил, — Джон рассмеялся. — Быстро веди меня на лужайку, а то мне надо вернуться на Воздвиженку после обедни.

Пройдя мимо Крестовоздвиженского монастыря, Джон незаметно обернулся.

— Это мне уже не нравится. Мужик здесь который день болтается. Следят за Теодором, только вот кто? Вряд ли будущий царь. Теодор его своими руками на престол возвел и Шуйский ему доверяет. Значит, остались у самозванца преданные люди. Болотников куда-то делся. Наверняка, он здесь своего человека поставил.

Воронцов-Вельяминов рубил дрова.

— Не поверишь, — Федор разогнулся и стер пот со лба. — Захотелось в мыльню сходить, починили ее, ан спохватился, что топить нечем. Строители ушли, Петька спит, он устал сегодня, а холопа нет ни одного. Вот и пришлось самому.

Подняв второй топор, Джон велел:

— Дай-ка я.

— Ловко, — протянул Федор. — Ты вроде и маленький, а сильный. Пошли, выпьем. Я договорился, чтобы мне с монастырской трапезной хоша что приносили. Я-то в Кремле обедаю, али где еще, а строителям есть надо. К тому времени, как закончим, дак самый жар будет. Хоша попарю тебя

по-нашему.

Пустые горницы прибрали, а от выскобленных полов пахло свежестью.

—Младший мой с Андроникова монастыря приходил, — Федор поставил на стол большой горшок. — Он все убрал и помыл. Лавки поломанные мы с ним выбросили. Здесь надо будет все менять. Ты ешь, крошка на квасе монастырском. Тако же и хлеб с их пекарни.

—Следят за тобой, Теодор, — Джон выпил водки. — Я третий раз здесь одного и того же человека вижу. Ты уж поверь, что я в этом разбираюсь.

—Болотников, сука, — процедил Федор. — Я думаю, что он под Кромы отправился по старой памяти, где он начал народу землю и волю обещать. Сейчас я Лизу с дочкой привезу из подмосковной, войско соберем к Успению, и я за ним пойду.

—Не надо бы тебе самому в поместье ездить, — Джон отрезал себе хлеба. — Ты говорил, что место там глухое, а ты у нас человек заметный.

—Петра я тем более туда не отправлю, — ответил Федор. — Ему всего лишь тринадцать лет. Ты не смотри, что он высокий такой.

—Не надо, — согласился Джон. — Я сам съезжу за миссис Лизой. В поместье найдется возок какой-нибудь?

Налив себе сразу полстакана водки, Федор угрюмо кивнул и Джон вздохнул.

— Нет никакой причины волноваться. Я осенью венчаюсь и не собираюсь воровать твою жену. Мне хочется, чтобы ваша матушка была спокойна, вот и все.

Воронцов-Вельяминов хмыкнул:

— Я твою матушку помню, когда тебя дядя Матвей еще родителям не вернул. Вот оно, значит, как.

— Вот так, да, — Джон поднялся. — Давай, води меня в вашу баню. В Кремле ее не было, а в городские меня Эва не пускает. Она говорит, что это опасно, потому что у меня не местное лицо, — он рассмеялся.

— Спасибо тебе, что ты Лизу привезешь, — Федор тоже встал.

— Мы одна семья, — пожал плечами Джон. — Так было и будет всегда. Если тот соглядатай еще будет стоять, когда я в пивную пойду, то я его убью и труп оттащу подальше.

Спустившись с крыльца, они направились через двор в мыльню. Ловко прыгнув с усадебной крыши высокий чернобородый мужчина велел неприметному человеку:

— Следи за кабаком и пошли мне весточку, когда сей поляк уезжать соберется. Где встречаемся, ты знаешь.

Мужчина кивнул и они разошлись в разные стороны.

В каморке горела свеча. Дуня, сидя на лавке, пришивала пуговицу к рубашке Джона. Завидев его на пороге, девушка рассмеялась.

—От тебя вениками пахнет, дубовыми.

—У пана Теодора в бане был, — Джон, зевнув, опустился рядом. Он, было, стал снимать сапоги, как девушка, отложив шитье, принялась ему помогать.

—Еще чего придумала, — сердито проговорил Джон.

—Так положено, — Дуня улыbnулась, — а еще положено меня поцеловать, коли домой пришел.

—И не только, — посадив ее себе на колени, Джон нехотя добавил:

—Мне надо будет уехать к пану Теодору в поместье, жене его с дочкой сюда привезти. Ему не стоит это делать, он приметный человек, а меня никто не знает, Вернусь и отправимся в Новые Холмогоры.

—С тобой поеду, — твердо сказала Дуня, обняв его. — Куда тебе с польским еще и по деревням бродить. Голову снесут, не приведи Господь. Возьму у Никифора Григорьевича мужское, волосы под шапку спрячу и никто ничего не заметит. Я тебя защищу, — она потерлась щекой о его щеку.

—Того человека на улице уже не было, — вспомнил Джон, глядя мягкие белокурые волосы девушки. — Правильно я сделал, взяв у Теодора свечу. Один спрыгнул с крыши его усадьбы и приземлился в грязи. Они постояли немного рядом и разошлись. У кого нога больше, тот двинулся в сторону Красной площади, а у кого поменьше — на Неглинную. Там трава, уже ничего было не разобрать.

— Неужели все-таки Шуйский? — задумался Джон.

Дуня дремала, устроив голову на его плече. Обнимая девушку, Джон тоже заснул под журчание ручья внизу.

Лиза посыпала выскобленный стол мукой. Поставив Марью на лавку, она положила маленькие ручки на скалку.

— Вот так, — Лиза ласково поцеловала каштановые волосы дочери. — Раскатывай, а потом начинку положим и в печь.

— В печь! — радостно повторила Марья. Запыхтев, малышка стала возить скалкой по тесту.

Ставни на поварне раскрыли. Лиза вдохнула теплый, свежий воздух начала лета.

— Как там Федя с мальчиками? — озабоченно подумала она. — Степа в монастыре не оголодает, а вот Петя, небось, ест, что попало, тако же и Федор. Скорей бы домой, я по Феде соскучилась, — Лиза немного покраснела. Взглянув на стол, она улыбнулась.

— Молодец. Сейчас лук порежу с рыбой, и дам тебе мису. Будешь начинку делать.

— Руки грязные, — Марья озабоченно повертела испачканными в тесте ладошками.

— Сама воды полей, большая уже, — отозвалась мать.

Ключница всунула голову в дверь.

— Там двое всадников у ворот, боярыня. С грамотцей, говорят, от Федора Петровича.

— От батюшки! — соскочив с лавки, Марья потребовала:

— Хочу к бабушке!

— Да скоро поедем, — Лиза вышла во двор. Тяжелые ворота заскрипели, и она ахнула:

— Лорд Джон! Вот кого не ожидала увидеть!

Джон, спешившись, поцеловал ей руку.

— Вообще меня здесь зовут паном Яном, хотя поляком сейчас на Москве быть опасно.

Второй всадник, невысокий голубоглазый паренек, тоже соскочил на землю, скинув шапку. Белокурые косы упали на спину и Джон ласково сказал:

— Это моя невеста, пани Эва. Евдокия Ивановна, если по-русски.

Обняв девушку, Лиза шепнула:

— Ох, и счастливая вы, Авдотья Ивановна, вся сияете! Меня Лизавета Петровна зовут, я жена Федора Петровича.

— Мы грамотцу привезли от мужа вашего, — девушка надорвала пальцем подкладку шапки. — На словах он велел передать, что на Воздвиженке строить заканчивают. Он вас ждет с дочкой.

— С сыновьями вашими все хорошо, — добавил Джон, оглядываясь. Усадьба стояла в низине среди холмов. Вдали поблескивала серебристая лента Москвы-реки, а в ярком полуденном небе порхали жаворонки.

— Здесь еще река Руза, — Лиза показала за холмы. — Там она в Москву впадает. Рядом озеро лесное, красивое. Пойдемте, поедем. Дорога сюда неблизкая, вы проголодались,

наверное.

Взяв Дуню за руку, Лиза тихо сказала:

— Отдохнете здесь пару дней. В Москве шумно, людно, а у нас нет никого, спите себе вволю. Велю нам, Авдотья Ивановна, мыльню истопить, сходим сегодня вечером.

Маленькая девочка в синем сарафане вышла со двора. Подозрительно взглянув на мужчину, она требовательно спросила:

— Батюшка где?

— Сие Марьюшка, два года ей Великим Постом было, — подхватив дочку на руки, Лиза ответила:

— На Москве, скоро поедem к нему.

— Она похожа на вас, миссис Лиза, — рассмеялся Джон. Девочка, протянув ладошку, погладила его по щеке.

— Батюшка...

— Потому, что борода, милая, — Джон поцеловал пухлые пальчики.

— Вам идет, пан Ян, — лукаво заметила Лиза. — Хотя вы сразу делаетесь старше, а я помню, что вам нет и тридцати нету. Пойдемте, — она показала на ворота. — Трапезничать пора. Сегодня окрошка и пироги рыбные. Мы их как раз твоили, когда вы приехали.

Взяв Джона за руку, Дуня шепнула:

— Здесь мы, пан Ян, на опушке лесной под кафтаном одним не поспим!

— Поспим, поспим, — уверил ее Джон. — Мне пан Тео-

дор кое-что рассказал о здешних окрестностях. И вообще, я теперь с тобой всю жизнь буду спать вместе и никуда не отпущу.

Марья, обернувшись, громко сказала:

—Мотрите, он ей руку целует!

Лиза, расхохотавшись, поставила дочь на землю.

—Ты лучше под ноги себе гляди, зоркая моя! Каждую неделю носом в землю падаешь.

Зайдя на ухоженный двор, Джон одобрительно заметил:

—Вы времени не теряли!

—Здесь место глухое, — Лиза распахнула двери трапезной, — никого вокруг на версты нет, поэтому нас не трогали. И службы, и припасы – все было в полном порядке. А теперь к столу!

Сидя на косогоре, Джон любовался узкой Рузой.

—Здесь на Темзу похоже, — понял он. — Ивы такие, как у миссис Марты в усадьбе. Скорей бы домой, Господи. Пока мы на корабле будем плыть, Эва выучит английский, она быстро схватывает. Папа был бы рад. Он говорил мне, что надо ждать ту, которая меня полюбит. Вот я и дождался.

Улыбнувшись, он обернулся.

—Теперь от тебя вениками пахнет.

Девушка весело ответила:

—Лизавета Петровна мне свой сарафан дала, а мужскую

одежу постирали.

Дуня стояла в шелковом, цвета небесной лазури сарафане, в кружевной рубашке. Ее светлые, немного влажные косы были сколоты на затылке. Девушка смущенно поправила отороченную мехом бархатную душегрею.

— Я такого красивого и не носила никогда.

Джон притянул ее к себе.

— На свадьбу я подарю тебе ожерелье с алмазами и сапфирами и такое же кольцо, но ты хоть ты в чем ходи, а ты для меня все равно самая красивая.

Девушка, блеснув глазами, рассмеялась.

— Пойдемте, пан Ян, на лодке вас покатаю. Вы меня катали, теперь моя очередь.

На небольшом озерном острове Джон заметил избушку.

— Сие сторожка, — Дуня быстро и ловко гребла. — Ее дед Федора Петровича срубил, его тоже Федор звали. Боярин Вельяминов, его вотчины вокруг.

Над водой повис бледный серп луны. Джон тихо отозвался:

— Да, я слышал о нем.

В сторожке было темно и Дуня, чиркнув кресалом, запылила свечу. Джон разжег дрова, сложенные в сделанном из озерных валунов очаге. Пошарив в углу, Дуня достала бутылку водки.

— Лизавета Петровна сказала, что с Федором Петровичем здесь ночевали на Красную Горку, — девушка мимолетно

улыбнулась.

Расстегивая пуговицы ее сарафана, Джон шепнул:

—Теперь ты, а то холодно еще.

—Как по мне, так жарко, — томно ответила Дуня, пригубив. — Здесь на версты никого вокруг нет, пан Ян, помните?

Над глухим лесом сверкали крупные, будто горох звезды. Мягко хлопала крыльями сова, ухал филин. Болотников подбросил дров в костер.

—Бревна свалили?

—А как же, Иван Исаевич, — ответили с той стороны пламени. — Людей десяток, все с пищалями.

—Хорошо, — мужчина усмехнулся. — Поляка сразу в расход, он нам не нужен. Хотя нет, — Болотников задумался. — Пусть он посмотрит, что я с его девкой сделаю. Еще следить за мной вздумала, сучка. Давай спать, завтра на рассвете поднимаемся.

Завернувшись в армяк, Болотников решил:

—Сразу и обвенчаемся. Наплевать, что она замужем. По-пу к затылку пицаль приставь, дак он с матерью родной поженит. Отвезу ее с дочкой под Кромы. Раньше зимы я на Москву не пойду, дак поживу в семье, в тепле и ласке. Недолго осталось.

Вспомнив ее нежную, словно жемчуг кожу и синие глаза, Болотников холодно решил:

—Пана Теодора я потом убью. Не надо спешить. Правиль-

но покойный Рахман-эфенди говорил, что главная добродетель — умение ждать своего часа. Вот я и дождался.

Невидный возок медленно катился по лесной дороге.

— Рысь хочу, — потребовала Марья у матери. — Дай!

Приподняв сарафан, отвязав от пояса кинжал, Лиза протянула его дочери, строго велев:

— Только из ножен не вынимай, так играй!

— Рысь, — протянула девочка, глядя золотую фигурку. — Рысь красивая!

— Скорей бы уж к Феде, — вздохнула Лиза.

Не выпуская кинжала, Марья прикорнула на бархате сиденья. Возок сопровождали холопы, но пищалей у них не было.

— И у Джона один пистолет, — Лиза взглянула в окошко. — Повезло ему. Дунюшка так на него смотрит, словно никого другого на свете нет. Она совсем молодая, семнадцати не исполнилось. Обвенчаются, будут деток растить, — Лиза улыбнулась.

— Нам теперь с Федей еще одного ребеночка хорошо бы родить, — пожелала она. — Василий Иванович царем станет и на Москве будет спокойно. Все получится, как вместе жить будем.

Достав из шелкового мешочка вышивание, Лиза принялась за работу.

Перегнувшись в седле, Джон взял Дуню за руку.

— Скоро поворот на можайскую дорогу. Там совсем без-

опасно, она оживленная.

По обеим сторонам лесной тропы непроходимой стеной возвышались темные ели. На западе виднелась набухшая дождем грозовая туча. Дуня невольно поежилась.

—Быстрее бы, пан Ян. Как сюда ехали, дак веселей было.

—Понятно почему,— смешливо развел он руками. Приподнявшись в стремянах, Дуня озабоченно сказала:

—Смотрите, пан Ян, там деревья повалены. Ветер вчера был, дорогу перегородило.

—Ветер,— процедил Джон, доставая пистолет. — Знаю я этот ветер. Вели всем, чтобы спешивались. Иди к пани Лизе и уводи ее с ребенком в лес.

—Пан Ян,— испуганно сказала девушка.

Джон, было, притянул ее к себе, но из леса раздался сухой треск выстрелов. Лошади, запряженные в возок, испуганно заржали. Двое парней, спустившись на веревках с вершины сосны, прыгнули на его крышу. Холоп на козлах потянулся за саблей, но сразу захрипел, хватаясь за разрубленное тесаком горло. Столкнув труп на землю, один из парней сунул дуло пищаля в окно возка.

—Тихо!

Заворочавшись, недовольно пробормотав: «Что такое?», Марья заснула еще крепче. Глядя на упертый ей в лицо пистолет, Лиза только кивнула.

—Господи,— испугалась женщина,— у нас и золота нет, нечем откупиться. Людей жалко, их не пощадят. Джон хоть

и в русском платье, но видно, что он не здешний, а поляков не жалуют сейчас. Дунюшку пусть не трогают только, она совсем юная девушка.

Соскочив на землю, пряча за собой Дуню, Джон одним выстрелом снял парня с крыши возка. Тот, матерясь, полетел на землю

— У меня одного пистолет, а они все вооружены и их в два раза больше, — понял Джон. — Может быть, это просто разбойники, а может и Болотников. Хотя зачем мы ему?

— Дай мне кинжал, — потребовала Дуня. — Я подберусь, перережу второму горло и уведу пани Лизу в лес. Дай! — ее рука потянулась к кинжалу. Еле успев толкнуть девушку вниз, Джон велел:

— Лежи тихо, пожалуйста!

Змеей вывернувшись из-под него, вырвав кинжал, Дуня легко побежала к возку. Джон рванулся за ней. Всадник, выехавший из-за деревьев, кинув аркан, опутал его веревкой. Дуня, закричав, схватилась за рассеченную саблей руку.

Лиза остановившимися глазами смотрела на дорогу. Не убирая окровавленного клинка, Болотников ударил девушку плетью по лицу.

— Кончайте со всеми.

Спешившись, подойдя к Джону, Болотников поднял носком сапога его голову:

— Вот и пан поляк, знакомец пана Теодора.

Пистолет лежал совсем рядом с рукой Джона. Ловко пе-

рекатившись на спину, он выстрелил.

— Пороха больше нет, — Джон отбросил бесполезное оружие. — То есть он в возке. Господи, хоть бы они Эву не тронули и миссис Лизу с ребенком. Я-то ладно.

Болотников, выматерившись, стер кровь с уха. Пуля только чиркнула по мочке.

— Поднимите поляка и дайте ему заступ, — велел он. — Девку ведите к костру. Она же это?

Неприметный человечек кивнул.

— Она, Иван Исаевич, та, что в Коломенском шныряла.

Дуня, со связанными руками, сплунула в сторону Болотникова.

— Поляка не троньте, он на стороне Дмитрия царевича и вам пригодится.

— Ври да не завирайся, — посоветовал ей Болотников. — Поляк твой сейчас вам могилу выроет у дороги.

Кто-то из людей Болотникова указал на Дуню.

— Иван Исаевич, может, потешимся?

— Нет, — коротко ответил Болотников. Приставив к виску Джона свой пистолет, он велел:

— Начинай, пан Ян.

Подул холодный ветер и Джон вспомнил:

— Папа мне говорил, что бывает и так, в безымянной яме на обочине. Может, быть они отпустят миссис Лизу и она все расскажет. Пусть только с ребенком ничего не делают. Господи, прошу тебя.

Отбросив заступ, ощутив холод клинка между лопатками, Джон громко сказал по-польски:

— Не трогайте девушку, она ничего не знает.

— Мы и не тронем, — усмехнулся Болотников. — Ведите его сюда.

Неприметный человечек, обернув руку тряпкой, выхватил из огня раскаленный железный прут.

Болотников приложил тряпку к раненому уху.

— Выжжешь ей глаза, дак отпустим и тебя и ее.

Джон осторожно потянулся к валяющейся на земле сабле.

— Вот же сука, — Болотников хлестнул его по лицу. —

Ладно, держите ее крепко, — он принял от подручного железный прут.

Услышав страшный, раздирающий крик, Марья недовольно что-то забормотала. Взяв дочь на руки, Лиза стала ее укачивать, глядя пустыми глазами на пламя костра у дороги. Дуня еще жила. Хватаясь руками за окровавленные выжженные глазницы, девушка куда-то ползла. Болотников, поморщившись, приставил ей к затылку пистолет. Джон даже не стер кровь и что-то белое, тягучее, брызнувшее ему на лицо.

— Голубые, — вспомнил он, — какие они были голубые.

— Неси свою блядь к могиле, — рассмеялся Болотников.

— Вместе в нее ляжете.

Посмотрев в изуродованное лицо, Джон поцеловал ее мертвые губы.

—Дождь начался,— понял он. — Туча шла с запада. Сейчас костер потухнет. Они выстрелят мне в голову и мы упадем туда. Я обещал Эве, что мы всегда останемся вместе.

Он стоял на коленях у края ямы бережно держа на руках тело. Белокурые косы свесились в придорожную грязь и Джон нежно уложил их на груди девушки. Болотников упер ему в спину дуло пищали. Сухо треснул выстрел и Лиза похолодевшими губами пробормотала:

—Зачем?

—Зарывать, Иван Исаевич? — озабоченно спросил подручный. Болотников подставил лицо хлещущему дождю.

—Гляньте, кровь у меня идет еще?

—Остановилась, Иван Исаевич,— подсказали ему услужливо.

—Хорошо,— улыбнулся он. Сняв кафтан, встряхнув его, Болотников пригладил волосы.

— Зарывайте, — распорядился он. — И впрягайте лошадей, я в возке поеду.

Подняв ресницы, Марья увидела рядом изумрудный блеск рысьего глаза. Девочка покосилась на мать. Та сидела, бледная, с ледяными, остановившимися глазами. Марья незаметно сунула кинжал под рубашку.

—Потом еще поиграю, больно он красивый.

—Почему не едем? —капризно сказала она.

—Сейчас поедем! — весело ответил чернобородый мужчина, открывая дверь возка.

— Батюшка! — обрадовалась Марья, протянув к нему руки.

— Ты моя хорошая, — Болотников пристроил девочку на коленях. Вдохнув ее сладкий, детский запах, он тихо сказал:

— Пани Эльжбета...

Она повернула голову. Большие синие глаза словно оставались.

— Вы кто? — спросила женщина, глядя мимо него куда-то вдаль.

— Это батюшка! — весело закричала Марья. — Он приехал!

Поцеловав каштановый затылок девочки, Болотников твердо ответил:

— Я ваш муж, пани Эльжбета.

Она все смотрела поверх его головы. Марья, потормошив мать, озабоченно проговорила:

— Мама! Что с тобой!

Женщина вздрогнув, тихо спросила:

— А я кто?

— Вы пани Эльжбета, моя жена, — терпеливо ответил Болотников. — Сие наша дочка, Мария. Мы долго не виделись, но теперь встретились и сейчас поедем домой.

— Домой, — эхом повторила женщина. Глядя в его карие глаза, она улыбнулась.

— Домой, — рассмеялась Марья. — Хочу к маме!

Приняв девочку, Лиза замолчала. Колеса возка тонули в

лужах грязи. Узкая дорога на запад скрылась в холодном ливне. Вдалеке уже грохотали раскаты грома.

Покосившись на пицаль, игумен Молчанского монастыря осторожно сказал:

—Батюшка Иван Исаевич, все же не делается так. Вы говорите, что давно живете с Лизаветой Петровной и дочка у вас есть, однако же то слова, а мне бы бумагу какую. Сами знаете, что за время на дворе.

—Тебе какую бумагу, поп? — холодно спросил Болотников, поигрывая кинжалом. — Шуйский отправил в ссылку законного патриарха, помазавшего государя Димитрия Иоанновича на царство. Восстановим государя на престоле и будут тебе все бумаги, кои требуются, а пока венчай так.

—Али ты хочешь, чтобы я к воеводе, князю Шаховскому, пошел? Он тебя на твоих же воротах вздернет. Я добрый,— Болотников хищно улыбнулся. — Однако Григорий Петрович, сам знаешь, не слишком. Ну? — он поднял бровь.

—Хорошо, Иван Исаевич, — сглотнул игумен. — Приходите завтра опосля заутрени и повенчаем.

—Сегодня, опосля обедни,— Болотников упер пицаль в лоб монаху. — Смотри у меня, чтобы опись венчальная в порядке была.

Испуганно закивав, перекрестившись, игумен проводил глазами широкие плечи атамана. Вытерев пот со лба, монах пробормотал:

—Он голову снесет и не задумается. Себе дороже с ним связываться!

Выйдя из ворот монастыря, Болотников полюбовался выющим под склоном холма блестящим Сеймом. Вдохнув теплый ветер, Иван Исаевич сладко потянулся.

— Хорошо!

Улицы Путивля кишели народом. Завидев ратников с копьями, Болотников приподнялся в седле.

— Уже и поля вокруг шатрами заняты, а люди все идут и идут, — довольно понял он. — Из Тулы, отсюда, из земли Северской, даже из Рязани и то пришли. Появится у нас царь истинный, я при нем воеводой стану, а народу мы дадим землю и волю. Заживем с Лизой и Марьей спокойно и у нас еще детки родятся. Все будет хорошо, а пана Теодора и сыновей его я своей рукой убью. Памяти от них не останется.

Пришпорив коня, он повернул в узкую, ведущую на холм улицу. Лиза кормила кур на дворе. Болотников издалека приметил ее красивую, покрытую шелковым платком голову.

—Господи, как же я ее люблю! – понял атаман. — Сегодня обвенчаемся и она станет моей навсегда.

Бросив тряпичную куклу, девочка радостно закричала:

—Батюшка!

Болотников подхватил Марью и та расхохоталась. Подергав его за бороду, девочка спросила:

—Все хорошо?

—Я тебя увидел и все хорошо, доченька, — отозвался Болотников.

Поцеловав девочку в щечку, атаман поставил ее на землю. Синие глаза на единое мгновение задержались на его лице. Подобрав куклу, Марья ушла в горницы. Поставив на лавку решето с зерном, Лиза молча взглянула на Болотникова.

—Сегодня венчаемся, — атаман поцеловал ее нежную шею.

—Венчаемся,— повторила она, улыбаясь, глядя куда-то вдаль.

—Все будет хорошо,— твердо сказал себе Болотников, целуя блуждающие глаза женщины. — Она оправится, а что она ничего не помнит, дак то к лучшему. Господи, сегодня ночью она будет моей. Осталось немного потерпеть. Я так долго ждал, Господи.

Он достал из кармана кафтана бархатный мешочек.

—Посмотри.

—Посмотри,— отозвалась женщина.

На его ладони лежало золотое кольцо с большим, окруженным алмазами, сапфиром. Синие глаза безучастно взглянули на него.

Нежно взяв ее руку, Болотников надел кольцо.

—Кровь на нем засохла, — пожалел атаман. — Я палец отрубил, когда его брал, торопился. Ничего, Лиза не заметит.

—Надо одеться красиво, Лизонька,— ласково сказал мужчина. — Марьюшка тебе поможет.

—Поможет,— согласилась женщина. Осторожно взяв ее за стройные плечи, Болотников повел Лизу в горницы.

В соборе пахло ладаном и порохом. Путивльский воевода, князь Шаховской, держа венец над головой Болотникова, тихо сказал:

—Какую красавицу-то берешь за себя, Иван Исаевич и дочка у вас славная. Встретились вы, наконец, после разлуки.

Марья, сидя на руках у предводителя рязанских повстанцев, Прокопия Ляпунова, рыжебородого, с перевязанной грязными тряпками головой, захлопала в ладоши.

—Батюшка!

—Венчается твой батюшка, Марьюшка,— усмехнулся Ляпунов. — Весь Путивль сегодня гулять будет. Бочки с вином на улицах стоят.

—Тридцать тысяч человек с нами,— Ляпунов слушал скороговорку священника. — Мы Шуйского враз скинем. В августе под Кромы идем, оттуда на Тулу с Калугой, а там и Москва рядом. Царь истинный вернется. Иван Исаевич его лично в Москве спас и в Польшу вывез. Жена атамана хороша. Глаза у нее какие, ровно лазурь небесная.

Черниговский воевода, князь Телятевский, пробрался к

невысокому, одетому в польское платье человеку, скромно стоящему в боковом приделе. Воевода шепнул:

—Готовы люди-то?

—А как же,— усмехнулся тот. — Даже двое. Царь Дмитрий Иоаннович и сын покойного государя, Федора Иоанновича, царевич Петр. Его святейшество больше не рискует, пан Анджей.

—Теперь у нас всегда будет замена. Пани Марина грамотцу получила. Когда Шуйский ее в Польшу отправлять соберется, мы и появимся.

—И что,— поинтересовался Телятевский. — Согласна она?

—А у нее есть выбор? – улыбнулся его собеседник. Сложив на животе холеные руки, он покрутил пальцами.

— Все-таки трогательно, пан Анджей, согласитесь. Разлученные войной люди нашли друг друга. Даже слезы на глаза наворачиваются.

—Возвеличися, женише, якоже Авраам, и благословися, якоже Исаак, и умножися, якоже Иаков, ходяй в мире и делай в правде заповеди Божия,— торопливо сказал священник, избегая пустых, остановившихся глаз женщины.

—И ты, невесто, возвеличися, якоже Сарра, и возвеселися, якоже Ревекка, и умножися, якоже Рахиль, веселящийся о своем муже, хранящи пределы закона, зане тако благоволи Бог. Аминь, — облегченно вздохнув, игумен перекрестился.

Ляпунов, удерживая Марью, достал пищаль. Выстрелив в

свод собора, атаман заорал:

—Многая лета!

Собор огласился буйными криками. Марья, слушая звуки выстрелов, весело засмеялась.

В детской горнице горела единая свеча. Уткнувшись носом в жесткую руку Болотникова, Марья зевнула:

—Завтра сказку доскажешь, я спать буду.

Поцеловав ее в лоб, атаман поднялся с лавки.

—Спи спокойно, доченька, да хранит тебя Господь.

На пороге он обернулся. Дитя мирно свернулось клубочком под атласным, подбитым мехом одеялом.

—Там вроде крови нет,— вспомнил Болотников. — Даже и если есть, дак ее не видно, атлас-то темный.

Лиза стояла у окна, глядя на домики в долине Сейма. На улицах полыхали огни костров. Вслушавшись в конское ржание и пьяные крики, Болотников усмехнулся.

—Ежели б Шуйский решил сегодня нас атаковать, дак разбил бы. Ни одного трезвого в войске нет. Оно и понятно, воевода обвенчался. Князь Василий Иванович далеко, ему нас не достать.

Сдерживая дрожь в руках, Болотников коснулся ее плеча, белеющего под кружевной рубашкой.

Наклонившись, он провел губами по нежной коже.

—Я тебя люблю,— сказал он тихо. —Так люблю!

—Так люблю,— отозвалась жена. Повернув ее к себе, Болотников осторожно снял с женщины рубашку. Она не помогала и не сопротивлялась, безучастно смотря на беленую стену горницы, укрытую драгоценной, прожженной выстрелами шпалерой.

Девочка проснулась от размеренного скрипа лавки. Приложив ухо к стене, она услышала задыхающийся мужской голос:

—Я так люблю тебя, так люблю, Господи, наконец-то ты моя!

Лавка заскрипела еще громче. Марья потянула к себе тряпичную куклу с пустыми глазами-пуговицами. Девочка надорвала нежным пальчиком нитки на спине. Внутри тускло засветилось золото. Погладила фигурку рыси на ножках кинжала, Марья велела:

—Жди.

Стянув нитки, завязав их крепким узлом, девочка закрыла глаза. Уронив голову на плечо жены, Болотников выдохнул:

— Я люблю тебя!

—Я люблю тебя,— повторила Лиза, глядя пустыми глазами в низкий потолок горницы.

Эпилог

Путивль, август 1606

Болотников проснулся от пения птиц на дворе. В раскры-

тые ставни слышался скрип тележных колес и звонкий мат. Третий день войско уходило из города. Он поцеловал каштановые локоны, рассыпавшиеся по его руке.

— Я скоро вернусь, Лизонька. Разобьем Шуйского и приеду за вами. К Покрову вернусь.

— Вернусь, — услышал он нежный голос. Поцеловав острые лопатки, Болотников вздохнул.

— Заберу их отсюда на Москву и все будет хорошо.

— Я люблю тебя, — он прижался губами к стройной шее.

— Люблю тебя, — повторила жена, и он шепнул:

— Счастье мое, Лизонька моя.

Одевшись, он мягко сказал:

— Жена воеводы Григория Петровича за вами присмотрит. Не волнуйся, все будет хорошо.

— Хорошо, — дрогнув темными ресницами, Лиза взглянула на него безмятежными синими глазами.

Перед тем, как выйти из дома, Болотников заглянул к Марье. Дочь спокойно сопела, уткнувшись лицом в тряпичную куклу.

— Не надо будить, — решил Болотников. — Вчера мы шумели, дак пусть дитя поспит вдоволь. Сладкая моя девочка.

Он перекрестил ребенка.

— Храни их Господь.

Ляпунов, перегнувшись в седле, захохотал:

—Заждались тебя, воевода! Такую женку, как Лизавета Петровна, трудно оставить!

Вскочив в седло своего вороного кровного жеребца, Болотников сердито спросил:

—Вернулись лазутчики?

—А как же,— отозвался Ляпунов. — Воронцов-Вельяминов и Трубецкой с десятью тысячами ждут нас под Кромами, Иван Исаевич.

—Сие все, кто у них нашелся? — удивился Болотников, вдыхая свежий утренний воздух. Под вершиной холма по северной дороге бесконечной лентой растянулось войско. Золотые купола монастыря осеняли пышную зелень дубов. Атаман рассмеялся.

— Мы их за единое сражение сомнем, Прокопий Петрович! — Ляпунов поджал губы.

—Шуйский их вперед выдвинул, Иван Исаевич, а сам с остальными силами под Калугой затаился.

—Славно, — небрежно отозвался Болотников,— его мы тоже на кол посадим, как доберемся туда, — он засучил рукава кафтана. — С Воронцовым-Вельяминовым я сам посчитаюсь. Мы давние знакомцы, Прокопий Петрович. Он у меня смерти, как милости попросит, — белые зубы блеснули в ледяной улыбке, — только я ныне немилосерден. Что патриарх сей ложный, Гермоген, коего Поместный Собор вместо истинного избрал? — поинтересовался Болотников.

—Анафемствуют нас во всех церквях, — неохотно отве-

тил Ляпунов. — Тако же с амвона он проповедует, что самозванец, то есть царь Димитрий Иоаннович, мертв,— торопливо поправился атаман. — Якобы его на Москве убили.

—Сие он, сука, лжет, — спокойно сказал Болотников. — Тако же на кол сядет, и язык я ему вырву. Ладно, я поеду, Прокопий Петрович, посмотрю, что у нас в голове делается. На ночлеге приходи. Ты под Кромами не воевал, а я кое-что придумал. Я те места хорошо знаю.

Гикнув, подхлестнув жеребца, Болотников умчался вперед.

Проснувшись, Марья повертела куклу.

—Сегодня. Ты здесь останешься за нас.

Соскочив с лавки на пол, девочка пробормотала:

—Нет никого. Черный Иван ушел. Рыжего, отца, Федором звали, я помню.

Одевшись, заглянув в горницу к матери, Марья велела:

—Вставай. Пора нам.

С трудом приподняв крышку сундука, девочка строго проговорила:

—Теперь слушай.

—Рубашка, — терпеливо сказала Марья, указав нежным пальцем на лавку. Мать покорно ее натянула.

—Сарафан, — продолжила девочка, вздохнув. — Платок.

Опустившись на колени, пыхтя, она помогла матери на-

деть обувь.

—Теперь стой.

Мать стояла, глядя в стену. Марья, зайдя в свою горницу, обернулась. Синие глаза матери даже не посмотрели на нее. Подхватив с пола заранее собранный маленький узелок, девочка затолкала его себе под сарафан.

—Пошли, — взяв мать за руку, Марья вывела ее со двора. В городе царила утренняя тишина. Девочка задумалась, глядя на развилку дорог, виднеющуюся за мостом через Сейм. По тропинке, ведущей от монастырских ворот, спускались какие-то люди.

—Идем, — она потормошила мать и та, покорно переставляя ноги, двинулась за Марьей. Нагнав людей, девочка громко спросила:

—Куда вы?

Высокая морщинистая старуха в черном сарафане процедила:

—А тебе-то что?

Здрав голову, Марья твердо сказала:

—Отца ищу.

—Кто сие с тобой? – подозрительно спросила старуха, глядя на Лизу. Седобородый горбатый старик с ржавыми веригами на шее, ловко опираясь на клюку, подошел к ним:

—Не видишь, что ли, мать это ее. Одно ж лицо.

—Как тебя зовут? — спросила старуха, наклонившись к Лизе. Та молчала, разглядывая перелески и холмы за рекой.

—Она моя матушка, — ответила Марья. — Лизавета.

—Лизавета, — согласилась женщина.

Окинув их оценивающим взглядом, цепко взяв седобородого за руку, старуха отвела его в сторону.

—Дитя-то бойкое, — шепнула она. — Подавать много будут и мать у ей красивая. Таких баб больше жалеют. Видишь, она все повторяет, петь научим.

Старик почесал в бороде.

—Давай, Настасья, возьмем их. Девка и правда резвая, пока пусть мать водит, а там разберемся.

Взглянув на дорогу, нищая еле слышно предложила:

—Может, кому из мужиков наших ее отдать? Она понесет и с младенцем еще больше настреляет.

Старик поморщился.

—Она блаженная и все равно что ребенок. Грех сие, Настасьюшка. Была б она как Даренка, — старик кивнул на девушку с обезображенным багровым пятном лицом, укачивавшую дитя в перевязи, — то дело другое. Она хоша и урод, но разумом светла. Нет, не надо сего.

Вернувшись к девочке, Настасья спросила:

—Тебя как величать?

—Марья, — звонко ответила та. — Батюшку моего Федором звали, он рыжий был. Большой, — Марья, потянувшись, показала рукой.

—Где вы жили-то с батюшкой? — поинтересовалась старуха, глядя ребенка по голове. Та шумно вздохнула.

—Не знаю.

Настасья перекрестилась.

— Идемте с нами. Мы в Киев, в Лавру, а потом куда дорога приведет.

—В Киев, — Марья подергала мать за подол сарафана. — Идем!

—Идем, — Лиза послушно направилась вслед за нищими. Марья потрогала узелок:

—Рысь пусть со мной останется, — решила девочка. — Я ее никому не покажу, сама поиграю, раз куклу пришлось бросить.

Старик властно сказал:

—Сие Лизавета блаженная и дочка ее, Марья, она мать водить будет. Никому их не обижать, поняли?

—Поняли, святой отче, — зашумели нищие.

—Пойдемте, — миновав мост, старик повернул на южную дорогу.

—Вы кто? — спросила Марья у Настасьи.

—Люди Божии во славу Иисуса Христа, — перекрестилась та. — Я петь буду, а вы учитесь, пока до деревни добредем. Там милостыню просить придется у добрых людей, а коли поешь, дак больше подают, милые мои.

Старуха начала глубоким, красивым голосом:

А мы нищая братья,

Мы убогие люди,

Должны Бога молити,

У Христа милости просити

За поящих, за кормящих,

Кто нас поит и кормит,

Обувает, одевает,

Христу славу отсылает.

—Христу славу отсылает, — нежным голосом подтянула

Лиза. Настасья улыбнулась.

—Вот и славно.

Марья погладила руку матери.

— Я с тобой всегда буду. Слушай меня.

Девочка запела, глядя в синие, пустые глаза.

Пролог

Джеймстаун, Виргиния, 21 июня 1607

Он стоял на пороге своей церкви. Прохладный, наскоро выбеленный зал пока пустовал. Ровные ряды деревянных грубых скамей разделялись на две половины.

Пройдя к висящему на стене огромному распятию, Майкл взял с кафедры Библию женевского издания. Поцеловав книгу, он опустился на колени. Майкл знал эти строки наизусть.

— И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Господь, что сидел на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец.

— Господи, — сказал Майкл, уронив голову на руки, — ты есть начало и конец всего сущего, мой владыка и властелин, наставь меня и паству мою на путь истинный, путь благочестия и скромности, путь добродетели и верности заповедям Твоим. Аминь, — он перекрестился.

Развернув Библию на Откровении Иоанна, Майкл положил ее на кафедру.

— Первая служба на новой земле, — он закрыл глаза. — Свершилось, Господи, спасибо тебе.

Зеленая трава церковного двора шелестела под соленым ветром. От строящейся крепости пахло свежим деревом, а на тихой воде гавани качались паруса кораблей. Ворота за скрипели, и кто-то из плотников весело сказал:

— Преподобный отец, сегодня мы, наконец, помолимся

как следует, а не на лужайке!

— На лужайке тоже хорошо, — мягко ответил Майкл. — Сами знаете, мистер Уильямс, что Господь везде. Однако здесь праведней, — он указал на раскрытые двери церкви. — Спасибо вам большое, что быстро все построили.

— Преподобный отец, — раздался звонкий голос. — Мы пришли разложить молитвенники!

Проводив глазами маленькую стайку детей, Майкл хмыкнул.

— Трое кроме Энни, а больше-то и нет. Школа начинается со следующей недели и они каждый день будут учиться вместе. Потом родятся еще дети, с Божьей помощью.

— Идите, милые, во славу Божью, — ласково сказал он. Задержавшись рядом, дочка робко спросила:

— Можно, мы потом погуляем на реке, батюшка?

Он помолчал, глядя на нее. Энни поправила чепец, убрав единственную выбившуюся светлую прядь.

— Хорошо, иди, — наконец, сказал священник. — Завтрак готов?

— Да, батюшка, — ответила она тихо.

— Я приду за тобой на реку и пойдем все вместе на службу, — он взглянул на дочь с высоты своего роста. Девочка, присев, прошмыгнула в двери церкви, а Майкл вышел за ворота. Поселение окружал крепкий, в три человеческих роста, частокол. В домах только просыпались и ставни еще были закрыты.

—Божий день, — довольно подумал он. — День отдыха, когда никто не будет работать, а завтра все вернутся к трудам и делам. И я тоже, потому что надо ехать к индейцам вверх по реке. Ничего, их язык я уже немного знаю и могу объясниться. Два месяца мы здесь, как время летит. Обустроимся, с Божьей помощью.

Пройдя мимо деревянного здания, где заседал совет колонии, повернув налево, Майкл зашел на свой чистый, с выбеленным забором двор. На кухне пахло свежим хлебом. Жена, отложив шитье, встала. Склонив укрытую черным праздничным чепцом голову, она тихо спросила:

—Накрывать на стол?

Вымыв руки над медным тазом, подождав, пока Мэри подаст ему холщовое полотенце, Майкл кивнул.

Жена ела, не поднимая глаз. Майкл мягко сказал:

—Мне не нравится, что ты позволяешь Энни не разделять семейные трапезы. Тем более в воскресенье, когда сам Господь предписывает нам быть вместе и радоваться нашему счастью.

Мэри помолчала.

—Она просто рано встала. Прости, пожалуйста, больше такого не повторится.

—Хорошо, — выпив воды из оловянного кубка, сложив руки, Майкл опустил голову:

—Благодарим Тебя, Иисус, Бог наш, за то, что Ты насытил нас земными Твоими благами, не лиши нас и небесно-

го Твоего Царствия: так же, как посреди учеников Твоих Ты пришел, даровав им мир, приди и к нам, и спаси нас.

—Аминь, — отозвалась жена. — Можно убирать со стола?

—Спасибо, милая, — улыбнулся Майкл. Когда она потянулась за тарелкой, священник положил свою большую руку поверх ее маленькой, покрасневшей от стирки.

—Зачем ты ходила вчера в гавань? — поинтересовался он.
— Я видел тебя, когда мы собирались на заседание совета.

—Просто погулять, — сложив посуду в таз на скамье, Мэри потянулась поднять его, но Майкл холодно велел:

—Оставь.

Он спокойно добавил:

—Ты моя жена, Мэри, до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Ты носишь мое кольцо и принадлежишь мне душой и телом.

Жена поставила таз обратно и посуда звякнула. Мэри шепнула:

—Да, Майкл, конечно.

—Ты должна себя вести как подобает моей жене, — продолжил он, глядя на распятие над ее головой. — Я не хочу, чтобы о тебе пошли, — он поморщился, — дурные слухи. Помнишь, что сказано в Притчах: «Добродетельная жена венец для мужа своего; а позорная как гниль в костях его». Ты поняла, Мэри?

—Я просто сходила на берег, — она стояла, не поднимая

глаз. — Энни делала уроки, а ты был занят. Что здесь плохого?

Подойдя ближе, он мысленно помолился:

— Господи, дай мне терпения увещевать и вразумить ее, пожалуйста.

Майкл хлестнул ее по щеке. Изящная голова жены мотнулась и он размеренно сказал:

— Да простит меня Господь за гнев в Его святой день, но ты сама виновата, Мэри. Я говорил тебе, что достаточно оступиться один раз и ты опять погрузишься в пучину греха. Слава Богу, — он перекрестился, — что Господь послал меня, чтобы спасти тебя из омута скверны. Я не позволю, чтобы ты в него опять окунулась. Или ты хочешь, чтобы наша дочь узнала, что ее мать шлюха?

В ее лазоревых глазах стояли слезы.

— Нет, Майкл, — прошептала Мэри, — прошу тебя, не надо. Прости меня, пожалуйста. Я вела себя неразумно и греховно.

— Хорошо, — он вздохнул. — Завтра утром я определяю тебе наказание. Будь готова идти в церковь. Я сейчас приведу Энни и отправимся все вместе.

Она кивнула, оправляя черное платье, покрытое серым холщовым передником.

Спустившись на берег реки, Майкл слышал звонкий

смех. Джеймстаун стоял на большом острове в русле, где коричневая пресная вода смешивалась с прозрачными волнами океана. Присмотревшись к играющим детям, он велел:

—Энни, иди сюда!.

—Ты водишь! – успела крикнуть девочка, шлепнув сына плотника Уильямса между лопаток.

—Да, батюшка, — Энни подлетела к нему, тяжело дыша. Спohватившись, девочка взглянула на белый песок неподалеку. Ее грубые башмаки валялись рядом со сброшенными чулками.

—Ты подняла подол до колен, — зловеще сказал Майкл. — Моя дочь в день воскресный, перед тем, как идти в церковь, подняла подол до колен! Да как ты смела, Энни, и как мне теперь смотреть в глаза общине? Как проповедовать? Что ты еще делала с этими мальчишками?

—Мы только играли, батюшка. Простите, пожалуйста, — она жарко покраснела. — Я больше так не буду.

— Надень обувь и пойдем, — коротко приказал он. Дочь плелась впереди, понунив голову в черном чепце. Майкл вздохнул.

—Господи, и вправду тяжела доля отца. Мне надо воспитать ее так, чтобы она и слова не смела сказать. Иначе что за жена из нее выйдет?

Мэри стояла посреди чисто прибранной комнаты, держа молитвенник.

—Я должен наказать нашу дочь, — сказал Майкл. — Эн-

ни, иди к себе и жди меня.

Взяв в кабинете розги, он открыл дверь ее спальни. Девочка стояла на коленях у грубой лавки, опустив голову в руки. Он поднял подол серого платья.

— Это для твоего блага, Энни. Напомни мне, чему нас учит Писание?

— Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его, — еле слышно проговорила девочка.

— Правильно, милая, — Майкл оценил красные следы порки.

— Я ее наказывал позавчера, а завтра не буду. Хотя нет, завтра начинается школа. Наверняка она сделает какую-нибудь ошибку.

Размахнувшись, он с удовольствием услышал жалобный плач девочки.

На церковном дворе гомонили колонисты.

— Какая прекрасная проповедь, миссис Кроу, — восторженно сказала Мэри одна из кумушек. — Ваш муж говорит так, что прямо заслушаешься. Когда он упомянул о новых людях на новой земле, то я даже расплакалась!

— Спасибо вам большое, — улыбнулась Мэри. — Приходите завтра утром. Преподобный отец уезжает проповедовать к индейцам и я хочу послать с ним подарки. Он везет молит-

венники и было бы хорошо сделать вышитые обложки. Мы с дочкой испечем сегодня печенье.

—Обязательно придем! – встряла вторая кумушка. —
Надо жить в дружбе с индейцами, миссис Кроу. Мы здесь недавно и многого не знаем, а они такие гостеприимные!

—Да, — рассмеялась Мэри, — помните, как они спустились по реке с полными лодками припасов, а совет подумал, что нас атакуют и велел закрыть ворота?

—И зарядить пушки, — подняла бровь ее собеседница, — что вы хотите, они ведь мужчины!

Мэри убрала под чепец выбившуюся льняную прядь.

—Жду вас завтра. Преподобный отец разрешил нам собраться, так что не волнуйтесь, мужа вас отпустят.

Проводив взглядом стройную хрупкую спину в черном платье, первая кумушка шепнула второй:

—Повезло миссис Мэри, ничего не скажешь. Не каждый мужчина согласится взять за себя вдову с ребенком! Да и преподобный отец красавец, глаз не оторвать, и высокий какой! Эх, миссис Уильямс, вот же счастье некоторым.

Протерев стол тряпкой, Мэри вынесла деревянное ведро на крыльцо. Багровый закат висел над широкой рекой, а на востоке над морем, уже вставала луна. Выплеснув грязную воду в канаву, она зачарованно сказала:

—Новые люди на новой земле.

—Энни уже спит, — раздался тихий голос сзади и Мэри вздрогнула.

—Она поняла всю опасность своего поступка, — продолжил муж. — Мы с ней поговорили, почитали Псалмы, и она раскаялась. Все будет хорошо, милая.

В полутьме его лазоревые глаза блестели льдом.

—Я буду в спальне, милая, — он коротко коснулся ее руки. — Поднимайся. Спасибо за обед. Я говорил, что нет ничего лучше семейной трапезы, тем более в воскресенье.

—Я сейчас, — отозвалась Мэри. — Сейчас, Майкл.

Она постояла, вдыхая свежий ветер, слушая шелест деревьев. На востоке шумел океан.

—Господи, — Мэри закусила губу, — куда нам бежать? Матушка не пишет и я не знаю, что с ней, что с семьей, Господи! Год прошел и корабли за это время приходили.

—Я не могу ничего сделать, потому что все письма читает совет, где его слушаются. Ладно, — Мэри вздохнула, — я что-нибудь придумаю.

Как обычно, он открыл Библию на посланиях апостолов. Мэри лежала рядом, в чепце и рубашке с глухим воротом и длинными рукавами, слушая его красивый низкий голос:

—Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в

вере и любви и в святости с целомудрием.

—Аминь, — тихо сказала Мэри. Майкл отложил Библию. Взяв жену за руку, священник поцеловал тонкие пальцы.

—Господи, благослови нашу семью, мою жену Мэри и нашу дочь Энни. Благослови наш брачный союз, освяти присутствием Твоим наше ложе, избавь нас от скверны и сластолюбия и даруй нам здоровое и крепкое потомство во исполнение заповедей Твоих о брачном сожителстве и продолжении рода. Аминь.

Придерживая у пояса рубашку, Мэри отвернула голову, глядя в щель между ставнями, где призрачно светила бледная луна.

—Господи, — попросила женщина, — сжался надо мной. Не надо мне давать дитя, прошу Тебя, не надо.

Сдвинув ноги, Мэри услышала его страстный голос.

—Надо помолиться, милая, — настойчиво сказал муж. — Помолиться, чтобы у нас появились дети. Я и Энни велел молиться. Я буду так счастлив, так счастлив, любовь моя!

—Не надо, — упрямо подумала женщина, закрыв глаза, чтобы не видеть его лица.

Часть пятая

Порт-Рояль, Акадия, июнь 1607

Остановившись на откосе холма, мальчик взглянул на бескрайний океан. Легкий ветер ерошил темные волосы ребен-

ка. Перед ним простирался всего лишь залив, а настоящее море гнало свои валы на той стороне полуострова, но мальчику все равно нравилось приходить сюда, зная, что где-то далеко, на западе лежит огромный континент.

Вздохнув, он присел на свежую траву.

— Там тоже земля без конца, и где-то есть еще один океан, — хмыкнул ребенок. — Теперь не получится стать моряком, а жаль.

Над его головой кружились, перекликаясь, чайки. Помавав им, мальчик разочарованно сказал:

— Хлеба я вам не взял, забыл. Ничего, — он вскочил на ноги, — завтра принесу, а пока ешьте рыбу, — взглянув на прибрежный песок, он стиснул кулаки.

— Не смей! Ты уже большой, не смей плакать!

Вытерев слезы, мальчик все равно зарыдал, опустившись на траву, пряча лицо в коленях.

— Не надо, милый, — раздался сзади тихий голос. Прижавшись мокрой щекой к траурному платью матери, он расплакался еще сильнее. Полли погладила сына по голове:

— Хочешь, сходим к папе? Или тебе надо побыть одному?

Шмыгнув носом, Александр вытер лицо рукавом льняной рубашки. Полли встала, держа сына за руку. Подол ее платья забился на ветру и женщина оглянулась на залив.

— Правильно я сделала, что не отпустила Александра с месье де Шампленом на континент, — вздохнула Полли. — Ребенку не исполнилось семи лет, какие экспедиции? Он,

конечно, рвался, бедный, и просил меня хоть посмотреть на место, где погиб Фрэнсис. Ничего, осенью мы уезжаем. Тем летом кораблей не было, но месье де Шамплен обещал, что в сентябре мы обязательно отплывем. Бедная матушка, наверное, она беспокоится, потому что почту отсюда никак не послать.

Полли открыла калитку небольшого ухоженного кладбища.

—Климат здесь хороший,— она пропустила сына вперед,— колонисты из предыдущего поселения на острове Сен-Круа говорят, что там было гораздо хуже. И аптека моя тоже помогает.

Они остановились у простого камня с крестом.

—Мама,— Александр поднял глаза,— можно потом похоронить папу дома, в Англии? Осенью, когда мы уедем.

Полли, наклонившись, поцеловала сына.

—Мы вернемся за папой, милый, обещаю, но мы сначала плывем в Ля-Рошель, потом едем в Париж, и только после этого возвращаемся домой. Папа говорил с тобой о его работе и пока надо, чтобы его могила была здесь.

Александр, кивнув, погладив камень.

—Папа, я пришел. Давай я тебе все расскажу, хорошо? И про учебу тоже.

—Побудь с папой,— ласково попросила Полли сына, — а я пойду в аптеку. Сегодня должны приехать индейцы и надо сделать для них снадобья.

Она еще раз поцеловала Александра. У выхода женщина оглянулась. Мальчик стоял, склонив голову, что-то тихо говоря. На боку черного детского камзола блестела маленькая шпага. Полли перекрестилась.

— Господи, он сирота. Мы с Мэри в пять лет сиротами остались, а Александр всего в шесть. Прошлым годом в это же время месье де Шамплен вернулся с континента с телом Фрэнсиса в закрытом гробу. Я умоляла дать мне хотя бы на мгновение взглянуть на его лицо, а де Шамплен только покачал головой.

Вытерев слезы, Полли шагнула в прохладный, пахнущий травами барак, где помещалась аптека. Хирург, месье Довилль, высунул голову из своей приемной.

— Я вас заждался, мадам Полина. Два десятка микмаков приехало. Вождь разговаривает с месье де Шампленом, а остальные сейчас придут, так что начинаем прием.

Засучив рукава платья до локтей, надев передник, Полли направилась к колодцу в центре вымощенного камнем двора. Надо было греть воду.

— Жаль, что вы уезжаете, — зорко взглянул на нее Довилль, когда она внесла большой медный таз с прокипяченными инструментами. — И библиотека на вас держится, и в театре вы играли, мадам Полина.

Полли разложила стальные ножи на полотенце.

— Месье Довилль, у меня сын. Мальчику надо учиться, он способный ребенок, а пока здесь появится университет, мно-

го воды утечет.

Впустив высокую, в расшитом бисером кожаном халате женщину с ребенком в перевязи, Полли вежливо сказала, подбирая слова:

—Садитесь, пожалуйста!

—И язык местный она выучила, — вздохнул Довилль, осматривая ребенка. — Когда прошло полгода со смерти ее мужа, кто только ей руку и сердце не предлагал! Я тоже, кстати. Она красивая женщина, молодая еще, хозяйственная, умная, и сын у нее прекрасный. Однако она не хочет, говорит, что нечего ей здесь делать. Ее домой тянет, во Францию. Месье де Шамплен сказал ей, что месье Франсуа якобы утонул, и правильно сделал. Не надо ей знать, что муж ее повесился, ни к чему это.

В бревенчатом обеденном зале жарко горел очаг. Остановившись на пороге, Полли звонко сказала:

—Уважаемые кавалеры Ордена Веселья! Библиотека будет открыта после трапезы и вы сможете обменивать книги. Завтра месье Лекарбо прочтет новые стихи и переводы индейских песен!

Вернувшись в боковую комнату, где ели женщины, Полли хозяйским взглядом оглядела стол.

— Завтра с утра нас ждут огороды, уважаемые мадам! — заявила она. — Надо прополоть грядки и начинать высажи-

вать семена. Лето обещает быть теплым, так что к осени мы будем с овощами.

—Все равно от цинги они не спасут, — вздохнул кто-то из дам.

—Отчего же, мадам Маргарита, — Полли принялась за рагу из лесных голубей, обильно сдобренное пряностями. — Месье Довилль говорит, что свежие овощи и свежее мясо помогают от цинги. Ту зиму, благодарение Господу, мы миновали без нее, — Полли перекрестилась, — и эту минуем.

—Вы-то уезжаете, мадам Полина,— поджала губы мадам Маргарита,— и бросаете нас. В Париже, конечно, ни о какой цинге и не слышали.

—Да,— мечтательно заметила еще одна женщина,— пройтись бы по лавкам. Я уж и забыла, какие они — кружевные рубашки.

—Мадам Луиза,— Маргарита понизила голос,— сами знаете, у нас так мало женщин, что наши мужья рады не то, что кружевам, а даже и самому простому холсту. Главное, чтобы мы его вовремя снимали, — женщины расхохотались и Полли тоже улыбнулась.

Вечером она плотнее укрыла Александра. Сын настаивал на том, чтобы спать с открытыми ставнями, а ночи еще оставались прохладными. Пройдя к себе, Полли принялась приводить в порядок рецепты лечебных снадобий. Отложив пе-

ро, прислушавшись к шороху волн под холмом, женщина вздохнула. Забравшись в пустую кровать, свернувшись под меховым одеялом, Полли ждала, пока ее глаза закроются.

Ей снился Париж. Распахнув ставни в томную апрельскую ночь, Фрэнсис весело сказал:

—Я не понимаю, почему люди не устраивают три или четыре венчания? Мы могли бы отправиться еще и в Стамбул. Роберт много рассказывал о Турции. Там бы мы тоже поженились. Или в Индии, у Великого Могола.

—Признайся,— лениво заметила Полли, протянув смуглую руку за бокалом вина, — тебе просто хочется получить еще один серебряный сервиз или шпалеры.

Забрав у нее кубок, Фрэнсис ласково ответил:

—Даже все богатства Великого Могола не сравнятся с одним твоим поцелуем, любовь моя.

Уткнувшись мокрым от слез лицом в грубый холст простыни, Полли прошептала:

—Господи, даруй ему покой. Господи, я прошу Тебя, ведь Ты же можешь.

—Здесь надо идти осторожно,— капитан Николас Кроу повернулся к первому помощнику. — Давайте карту, мистер Девенпорт. Фарватер мог измениться, потому что залив довольно мелкий. Не хватало нам сесть на днище у самого берега после всех наших странствий. К тому же здесь самые высокие приливы из всех, что я видел.

Взглянув на зеленые склоны холмов по правому борту,

Девенпорт спросил:

— Вы плавали здесь с французом, капитаном де Шампле-ном?

Ник медленно орудовал румпелем. «Независимость» шла под половинными парусами, ловя легкий ветер с юга.

— Да, — отозвался он. — Четыре года назад мы вместе пошли на север и расстались в устье реки Святого Лаврентия, потому что Сэмуэль хотел по ней спуститься, а я, — капитан смешливо потер нос, — хотел пойти дальше, мистер Девенпорт.

Сверяя по карте очертания берегов, помощник заметил:

— Вы из тех, кто всегда ходит дальше других, капитан Кроу.

— Так говорили о моем покойном отце, — Ник улыбнулся, — а я еще молод, мистер Девенпорт, мне нет и сорока лет и до отца мне еще расти и расти.

— Сэр Стивен такой был один, — согласился помощник. Подняв голову, он закричал:

— Эй, на марсе! Вы заснули, что ли? Даже мы видим флаги по правому борту.

Взяв подозрную трубу, Ник хмыкнул:

— В Сент-Джонсе я пил с капитаном Хейном, голландцем. Он дрался с португальцами в Мозамбике и рассказывал, что у него служил юнга, зорче которого Питер еще никого не встречал. Вот бы и нам такого отыскать. Мальчишка сам себя звал Вороненком, — Ник рассмеялся. — Был бы жив мой

отец, он наверняка взял бы его к себе просто за наглость.

Девенпорт отозвался:

— Вас тоже зовут Вороном, капитан, поэтому и вы можете нанять этого паренька.

— Пойди найди его теперь, — Ник внимательно разглядывал вершину холма. — Хейн говорил, что парня ранило в Мозамбике, а когда они вернулись на Карибы, его сманил к себе кто-то из французов. Уж больно мальчишка лихой, судя по всему.

Отложив подозрную трубу, капитан широко улыбнулся.

— Бросаем якорь, мистер Девенпорт. Мой друг месье Сэмуэль, которого видно и без подозрной трубы, здесь недурно укрепился. Мы хотели пополнить запасы пресной воды и провизии, а то до Карибского моря путь неблизкий. Заодно и отдохнем. Спускайте шлюпку.

Ник первым спрыгнул в мелкую прозрачную воду. Капитан прищурился.

— Молодец Сэмуэль, он выбрал красивое место для форта и гавань здесь тоже отличная. Три или четыре корабля встанут свободно.

— Николя! — маленький быстрый капитан де Шамплен, сбежав вниз, раскрыл объятья.

— Мой дозорный едва не сломал ногу, спускаясь с вышки. Он торопился сообщить, что видит флагманский корабль испанской эскадры.

— Заведи себе дозорных, не путающих английский флаг

с испанским, — рассмеялся капитан Кроу.

Нагнувшись, он обнял друга.

— Я рад тебя видеть, Сэмуэль! В Сент-Джонсе на зимовке мне говорили, что вы собираетесь основывать поселение, но, честно говоря, — Ник указал на крепость, — я не думал, что вы так быстро управитесь.

— Мы здесь уже два года, Николя, — рассмеялся де Шамплен, — трудов вложено много, — он окинул капитана зорким взглядом, — а ты стал еще шире в плечах и сразу видно, что уже не мальчик.

— Мне осенью тридцать шесть, — Ник похлопал француза по плечу, — а что касается обороны, то мои семьдесят пушек разнесли бы твой форт по бревнышку. Я ведь как взял на борт шесть лет назад, после Сент-Огастена, запасы пороха и ядер, так они у меня и лежат. Ничего, на юге пригодятся. У тебя же здесь сколько орудий, — поинтересовался капитан Кроу, — меньше тридцати, наверное?

— Два десятка, — неохотно ответил де Шамплен, — но здесь некого бояться. Микмаки люди мирные, они уже стали креститься и приезжают на мессу. Ты на севере так и не заряжал пушки? — удивился он.

Ник легко поднимался наверх, к воротам форта Порт-Рояль.

— За три зимовки во льду мне ни разу не понадобилось стрелять, — отозвался он. — Не в кого было, дорогой Сэмуэль.

— Что Северо-Западный проход, — де Шамплен приостановился, — нашел ты его?

Капитан Кроу положил руку на эфес клинка, изукрашенный золотыми наядами и кентаврами.

— Нашел бы, — вздохнул Ник, — то повесил бы шпагу моего отца в кабинете над камином, а сам бы уже получал звание рыцаря из рук короля Якова.

— Но, Сэмуэль, у меня еще все впереди, — он поднял красивую бровь. — У меня остались кое-какие дела на юге, а потом я вернусь туда, — Ник указал в сторону шумящего в скалах океана, — и добьюсь своего.

Де Шамплен обвел рукой просторный, чисто выметенный двор крепости.

— Сейчас ты со мной пообедаешь, а потом я тебе все покажу. Винный погреб у нас, разумеется, полон, — рассмеялся француз.

— А что на обед? — поинтересовался Ник, разглядывая крепкие, срубленные из вековых деревьев дома. Из раскрытых ставен донесся наставительный голос:

— А теперь, Александр, расскажи нам, что такое аблатив! — капитан Кроу весело заметил:

— И здесь латынь. Я думал, что хотя бы в Новом Свете мы от нее откажемся, однако нет, притащили и мучают детей! Я три года ее учил в школе и ничего не помню.

Шамплен открыл тяжелую дверь обеденного зала.

— Не преувеличивай, — отозвался француз. — Я видел

тебя читающим «Комментарии» Цезаря.

— Чтение для школяров, — отмахнулся капитан Кроу, — но, кстати, я бы их перечитал, потому что мои съел медведь.

— Как это? — француз открыл рот.

— На зимовке мы отправились в небольшую экспедицию, — Ник уселся на широкую скамью, — однако на наш тент напал медведь. Зверя мы застрелили, но вещи, — он смешливо развел руками, — было уже не вернуть. Так что на обед?

— Рагу из оленины и пирожное с марципаном от наших дам, — де Шамплен разлил вино. — «Комментарии» есть в нашей библиотеке. Можешь взять, пока ты здесь.

— Спасибо, — Ник поднял бокал. — Как у вас говорят, *votre santé!*

— Да, — задумчиво сказал де Шамплен, — твой отец дружил с капитаном Гийомом. Они были другие люди, нам не чета. Олень повисел в кладовой столько, сколько нужно. Я сам проверял мясо, — Ник заметил:

— Ты привез сюда специи с пряностями, но что касается пушек, дорогой Сэмуэль, то попроси у короля Генриха побольше, потому что они тебе пригодятся.

— Ты знаешь чего-то, чего я не знаю? — усмехнулся де Шамплен. Ник вздохнул:

— Нет, милый мой французский друг, я просто догадываюсь.

На южном склоне холма виднелись аккуратные квадрати-

ки огородов. Ник набрал в ладонь земли.

— Я всю жизнь на морях, Сэмуэль. Начал еще в шесть лет у отца покойного на камбузе, а все равно — он понюхал землю, — я иногда думаю осесть на одном месте, завести семью и детей.

— Ты можешь жениться в Англии, — удивился Сэмуэль.

— Встреть я ту, ради которой был бы готов бросить море, — Ник отряхнул руки, — то я бы так и сделал. Ходил бы из Дувра в Кале и обратно, — мужчины расхохотались.

— Или, — задумчиво продолжил Ник, — ту, что согласилась бы отправиться со мной на край земли и даже дальше. Но, Сэмуэль, первой я пока не нашел, а вторых не бывает, — Ник скорчил веселую гримасу. — Это всего лишь мечты. А что пшеница?

— Не растет, — вздохнул Сэмуэль, — потому что для нее нужен более мягкий климат, южнее.

— Южнее, — пробормотал Ник, глядя на спокойные волны залива, — хотя рыбалка и охота здесь наверняка отличные и вы не голодаете.

— Я боялся цинги, — признался Сэмуэль, — сам знаешь, что она бич северных поселений. На острове Сен-Круа у меня умерло с десятков колонистов.

— Лимонный сок вам в помощь, — наставительно отозвался Николас. — Мы спасались им две зимы, а потом я вспомнил, что туземцы вообще не слышали о цинге, а лимонов у них нет. Нам помогло свежее сырое мясо, Сэмуэль, и

особенно тюлений жир.

Де Шамплен с отвращением закашлялся.

—Слава Богу, нам не надо пробавляться такой мерзостью,— гордо сказал приятель,— овощи в прошлом году удались на славу. Ягоды мы тоже собрали и держали в холодной воде, а потом заморозили.

Мимо них с криками пронеслись дети. Высокий темноволосый мальчик задержался рядом.

— Вы капитан корабля, что стоит в бухте?

—Месье Николя,— протянул руку капитан Кроу.

—Рад знакомству,— мальчик поклонился,— я Александр.

—Расскажешь про аблатив?— широко улыбнулся Николас и мальчик расхохотался:

—Только если вы научите меня вязать узлы, капитан!

—Договорились,— мужчина потрепал его по плечу.— Собирай друзей. Шлюпка будет ждать вас завтра после занятий. Пока я здесь, вы хоть немного научитесь морскому делу.

—Спасибо!— восхищенно сказал Александр. Мальчик ринулся вниз, восторженно крича:

— Все сюда! Капитан Николя разрешил нам отправиться на его корабль!— Николас ухмыльнулся.

— Я в его годы уже стоял на марсе. Сколько ему, лет десять?

—Семи еще не исполнилось,— ответил де Шамплен,— он растет высоким, в мать. Жаль мальчика, он осиротел про-

шлым годом. У меня всего трое колонистов здесь умерло. Двое от болезней, а его отец повесился,— он кивнул на берег, где мальчишки шлепали по воде.

— Отличный был человек месье Франсуа, — де Шамплен помолчал. — Ты, Николя, тоже не первый год в Новом Свете и знаешь, что от хорошей жизни сюда мало кто едет.

— Это точно,— согласился капитан Кроу и де Шамплен добавил:

— Увидев его семью, я понял, что в Старом Свете у них случилось несчастье, от которого они пытаются убежать. Да только у месье Франсуа ничего не получилось. Он даже записки не оставил. Мы были в экспедиции на континенте, — де Шамплен махнул в сторону залива, — я его и нашел в лесу, но вдове, понятное дело, сказали, что он утонул.

— Жаль, — продолжил капитан. — Человек он был смелый и порядочный и оружием владел отменно, чего я не ожидал от провинциального нотариуса. Очень полезно, Николя, иметь в экспедиции хоть одного чиновника,— де Шамплен усмехнулся.— Месье Франсуа привел все наши записи в порядок. Вдова тем летом хотела уехать, однако не было кораблей, а потом, как прошло полгода, мы все стали ей предлагать руку и сердце. Я первым, — Сэмуэль пожал плечами, — но нет, она не хочет оставаться. Осенью она забирает сына и плывет в Ля-Рошель.

— Она такая красавица? — удивился капитан Кроу.

— Не в этом дело,— сердито ответил де Шамплен,— хо-

тя глаз не отвести. Сам знаешь, Николя, что в наших краях уныние страшнее цинги. Она придумала Орден Веселья и мы все теперь его рыцари. У нас есть юноша, который пишет стихи, так она убедила его сочинить комедию и мы ее разыграли. Она привела в порядок библиотеку и в общем,— он вздохнул, — будь на то моя воля, я бы запер мадам Полину в Порт-Рояле и никуда бы не отпускал. Пошли, познакомишься с ней, а заодно она выдаст тебе «Комментарии» Цезаря.

Николас обернулся на сверкающий под летним солнцем океан.

—Пару недель можно побыть здесь, — решил он, — а потом заняться капитаном Вискайно, который на этот раз от меня не уйдет.

Подходя к высокому частоколу форта, Ник небрежно спросил де Шамплена:

—Скажи, а что слышно об испанцах? Мой старый друг капитан Вискайно все еще в Новом Свете?

—Твой старый друг, —де Шамплен остановился,— уже два года как лежит на кладбище в Риме, дорогой Николя.

—Вот оно как, — капитан Кроу прислонился к ограде. — Получается, что мерзавец умер в своей постели.

Де Шамплен присвистнул.

—Так ты ничего не знаешь! Впрочем, ты тогда сидел во льдах. Капитана Себастьяна убили, громкое дело было. При чем убил чиновник папской канцелярии, потом бесследно пропавший. Видимо, Вискайно ему сильно насолил.

Де Шамплен понизил голос.

— Говорят, что чиновник его изуродовал, выколол глаза, отрезал язык и еще кое-что, а потом сунул головой в камин, лицом на угли, и держал так, пока Вискайно не умер.

— Да, — Николас поежился, — не хотел бы я перейти дорогу такому человеку.

Де Шамплен рассмеялся.

— Многие, включая тебя, должны его благодарить. Пошли, — он подтолкнул капитана, — я похвастаюсь тебе нашей библиотекой. У нас есть школа, а университет еще появится.

— Здесь? — удивленно спросил Николас. Нырнув в темноватый коридор, де Шамплен отозвался:

— Нет, мы пойдем дальше, Николя, на запад. Впереди целый континент и я намереваюсь сделать его владением Франции.

Капитан Кроу только тяжело вздохнул.

Водрузив перед собой стопку книг, поправив темный локон, спускающийся из-под чепца на смуглую, прикрытую скромным воротником шею, Полли принялась за работу. В открытые ставни доносился детский смех и она узнала голос Александра.

Взяв изящное издание «Комментариев», Полли вспомнила, как в Бордо покойный муж повел сына в книжную лав-

ку. Александр тогда тоже выбрал себе Цезаря. Окунув перо в чернильницу, Полли закусила губу.

— Не надо вспоминать Бордо, — велела она себе, — и все, что случилось потом, тоже не надо.

В дверь постучали и она вздрогнула.

— Вот и мадам Полина, — весело сказал де Шамплен. Женщина поднялась и капитан Кроу, глядя на нее, сглотнул.

— Рад встрече, мадам.

Она была высокой, ниже его на голову, но все равно высокой и стройной. Траурное платье облегло большую грудь, и от нее неуловимо пахло розами. Черные, с золотистыми искорками глаза посмотрели на него из-под длинных ресниц. Женщина улыбнулась.

— Мой Александр прибежал похвастаться, что вы разрешили им побыть на корабле. Большое вам спасибо, капитан, — смуглые пальцы сжали переплет книги и Ник отчего-то откашлялся.

— Николас Кроу, — поклонился он, — я англичанин.

— Я поняла, — темная бровь поднялась вверх, — акцент вас выдает.

— Мадам Полина, покажите капитану библиотеку, а я, с вашего разрешения, удалюсь, — вмешался де Шамплен, — пора ехать к микмакам за мехами.

— Счастливого пути, Сэмуэль, — Николас все не мог отвести от нее глаз. Подождав, пока дверь закроется, женщина неожиданно опустила засов. Так и держа «Комментарии»,

она повернулась к Нику.

—Здравствуйте, кузен ,— сказала она, — Я Полли Кроу, дочь миссис Марты и вашего дяди Питера.

Открыв калитку кладбища, Ник пропустил Полли вперед. Она подошла к простому камню.

— Здесь мы похоронили Фрэнсиса. Александр долго плакал, кузен Ник, потому что мальчик был очень привязан к отцу.

—Мне так жаль, кузина Полли,— мимолетно коснувшись ее плеча, вздрогнув, Ник опустил руку.

— То, что сделал ваш муж, должен был сделать я, кузина. Отомстить за отца, за кузину Тео и за Беллу.

Полли взглянула в его лазоревые глаза.

—Но кузина Тео и ваша сестра живы, Ник, то есть были живы, когда мы бежали из Рима. Мой отчим, адмирал Виллем, нашел Тео с семьей в Японии и привез в Лондон. Она, слава Богу, ушла от Вискайно к своему первому мужу. Беллу Вискайно похитил и оставил в монастыре в Картахене, в чем он и признался Фрэнсису. Моя матушка должна была ее привезти в Лондон. Я написала письмо почерком Вискайно и приложила его печать.

Николас побледнел.

—Господи, кузина Полли, я ведь и не чаял. Я Беллу последний раз видел, когда ей исполнилось два месяца. Но все равно,— он встряхнул головой,— я сам должен съездить в

Картахену и удостовериться, что все в порядке. Вашей матушке ведь уже много лет,— он вздохнул.

Полли мимолетно улыбнулась.

—Поверьте, кузен Ник, что моя матушка кого угодно заткнет за пояс, — она задумалась. — Если вы отсюда пойдете на Карибы, то нам лучше спокойно дожидаться корабля здесь и отправиться в Ля-Рошель.

Ник чуть не крикнул:

—Нет!

Она стояла совсем рядом. На склоне холма пахло солью и свежестью. От ее смуглой теплой кожи веяло розами, а за ее спиной шумело вечернее море.

Ник понял:

—Я не могу, не могу ее отпустить. Никогда, пока я жив.

Полли вдруг нахмурилась.

—Хотя нет. Когда мы еще жили в Риме, там ходили разговоры, что у нас в Англии, — она рассмеялась, — хотят основать постоянное поселение в Новом Свете. Где-то севернее Сент-Огастена, испанской крепости.

—Да, мне в Сент-Джонсе рассказывали что-то похожее,— вспомнил Ник,— называется Джеймстаун. Я его даже отметил на карте.

—Прекрасно,— решительно сказала Полли, поправляя чепец,— вы сможете отвезти нас туда, кузен? Это ведь по дороге, если я правильно помню.

—Правильно,— вздохнул Ник,— только зачем вам туда,

кузина Полли?

Женщина указала на тропинку, ведущую к берегу.

— Давайте спустимся к морю, хорошо? Хоть Фрэнсис в нем и утонул, — она сжала губы, — но я его все равно люблю.

— Ты никогда не скажешь ей, что случилось с ее мужем, — велел себе Николас, глядя на ее изящную спину. — И вообще, капитан Кроу, если тебе повезет, то ты будешь ее оберегать и защищать до конца дней своих.

— Стойте, кузина Полли, — капитан обогнал ее. — Давайте руку и я вам помогу. Не хватало, чтобы вы поскользнулись.

Она протянула нежную, без колец и браслетов руку.

— Спасибо, кузен Ник.

Устроившись на камне, Полли покрутила ленты чепца.

— Мы здесь не просто так жили, кузен Ник, а по работе. Я должна рассказать о планах французов, об их обороне, и вообще, — она повела рукой в сторону форта, — я здесь провела два года. У меня много опыта и я буду полезной в наших колониях.

Он помолчал, глядя на еще бледные звезды.

— Поэтому я и отправился на север, кузина Полли, — признался Ник. — Испанцы другое дело, мы с ними воюем, а Сэмюэль мой друг и я никогда бы не смог его атаковать, — он пожал плечами.

— Поэтому пусть здесь все делят без моего участия, а я предпочитаю искать Северо-Западный проход. Вас я, конечно,

но, отвезу в Джеймстаун, — добавил он.

—А потом? — она повела плечами, будто от холода. Расстегнув потрепанный камзол, Ник строго велел:

—Накиньте.

—Солью пахнет, — Полли на мгновение прижалась щекой к ткани. — Кто вам зашивает дырки от пуль, капитан Кроу? — она коснулась грубого, но крепкого шва и Ник рассмеялся.

—В меня давно не стреляли, кузина Полли, на севере этого делать некому. Порвал, когда поскользнулся на льдине и упал носом вниз. Сам же и зашил.

Полли расхохоталась.

—Все равно получился героический рассказ, кузен»

—Потом? — он почесал густые, цвета темного каштана волосы. — Я, наверное, закончу жизнь во льдах, кузина. Там так красиво, — он посмотрел вдаль.

—Какой у него голос, — поняла Полли, — будто тягучий сладкий мед.

—Представляете, кузина Полли, — Николас подошел к кромке волн, — там попадаются ледяные горы выше собора Святого Павла. Весной льды вскрываются, корабль идет по бирюзовой воде, а вокруг тысячи тысяч птиц, киты, тюлени и белые медведи. Ты ведешь корабль бесчисленными проходами во льдах, и впереди нет ничего, кроме свободы, — он обернулся к женщине.

—А вы? Что потом, кузина Полли?

— Я уеду в родовую усадьбу Фрэнсиса, воспитывать Александра и выращивать овощи, — озорно ответила Полли. — У меня очень хорошо получается, кузен Ник. Еще я хочу переводить. На досуге я читаю месье Рабле, — она сдержала улыбку, — и все время думаю, как он будет звучать по-английски, а мистера Шекспира я бы с удовольствием услышала по-французски.

— Месье Рабле, значит, — Полли увидела искорки смеха в лазоревых глазах. — Вам не нужен помощник, кузина Полли? — капитан Кроу повернулся к ней и Полли запустила по воде плоский камешек.

— Какие у него глаза, — она искоса поглядела на мужчину, — у его отца такие были. Словно самая чистая, самая глубокая небесная синева.

— Ловко вы, — одобрительно сказал Николас. — Я мог бы чинить вам перья, кузина Полли, пропалывать грядки, заниматься с Александром верховой ездой и фехтованием. И вообще, — он пожал широкими плечами, — делать все, чтобы вы были счастливы до конца наших дней.

— Но льды, кузен Ник? — сама того не ожидая, спросила Полли. — Как же без них?

— Я буду возить сушеную рыбу из Норвегии, — он рассмеялся, — где тоже достаточно льдов.

— Вот, кузина Полли, — он опустился на колени, — я вам все и сказал. Я еще в библиотеке все понял, но, — он улыбнулся, — три дня собирался с духом, простите. Я еще нико-

гда не делал предложения. Александр мне говорил, что вы любите Шекспира, а я его и не читал никогда. Я тринадцать лет не был в Англии, кузина Полли, — он поднял лазоревые глаза, — пора и домой и если вы позволите, то с вами. Я, — Николас прервался, — был бы очень этому счастлив.

Она молчала. Черные глаза заблестели слезами и Николас осторожно взял ее прохладные пальцы.

— Я буду ждать столько, сколько надо, — твердо сказал он. — Сколько вы скажете, столько и буду, кузина Полли.

Полли вспомнила золото лесов и блестящую ленту Темзы под откосом холма.

— Фрэнсис говорил то же самое, — женщина скрыла вздох. — Господи, и правда, прошло тринадцать лет. Не смей, — приказала она себе, — нельзя!

— Вы не сможете ждать всю жизнь, кузен Ник, — едва слышно сказала Полли. — Таким, как я, нельзя выходить замуж. Простите, — вернув ему камзол, она пошла по тропинке вверх.

Ветер развеивал подол ее платья, играл лентами чепца. Темные волосы бились по стройной спине. Капитан Кроу положил руку на эфес шпаги.

— Что бы там ни случилось, я с этим справлюсь, — он обернулся к океану и тот знакомо зашумел. Николас улыбнулся.

— Обещаю.

—Голова не кружится? — спросил Николас у Александра. Перегнувшись вниз с марса, мальчик весело ответил:

—Нет, капитан! Наоборот, — ребенок раскинул руки, — здесь хорошо!

—Это пока ветра нет, — ухмыльнулся Николас, — однако попробуй удержаться в шторм, да еще когда сверху поливает дождь. Я впервые сюда поднялся восьмилетним, на корабле своего отца.

Александр зачарованно сказал:

—Ваш отец Ворон. Мама мне о нем рассказывала. Я бы хотел стать моряком, — мальчик погрустнел, — но теперь не получится. Мама мне сказала, что с вами можно говорить, — Александр помялся, — потому что вы ее кузен.

—Можно, конечно, — ласково сказал Николас, — и я знаю, чем занимался твой отец.

Мальчик вздохнул.

— Я ведь единственный сын, дядя Николас, — покраснев, он пробормотал:

—Ничего, что я вас так называю?

—Так и надо, — капитан Кроу пригляделся. — Смотри, кит. Маленький, правда, на севере они больше.

Мальчик заворожено проследил за китом.

—Мне надо заниматься поместьем и землями, — добавил он, — поэтому я не могу уезжать из Англии. Жаль, — Александр помолчал.

—Ты всегда можешь завести бот и выходить на нем в мо-

ре, — решительно сказал Николас. — Спускайся на палубу, мы возьмем шлюпку и поучимся ходить под парусом, но потом ты отправишься делать уроки, а то твоя мама на меня рассердится.

— Она плачет ночами, — нехотя сказал Александр, когда они возились со шлюпкой. — Она думает, что я не слышу, а я все слышу, — мальчик стукнул кулаком по борту «Независимости».

— Днем она веселая, а все равно плачет. Почему так, дядя Николас? — капитан погладил его по голове.

— Даю тебе слово, — серьезно сказал Ник. — Я сделаю все, чтобы твоя мама никогда больше не плакала.

Ловко спустившись по веревочному трапу, Александр сел на весла шлюпки.

— Спасибо вам, дядя Николас.

Выйдя за частокол, Полли полюбовалась морем, блестящим среди мягких очертаний зеленеющих холмов. Закатное солнце расписало воду залива медью.

— Усадьба Фрэнсиса стоит на Темзе, — вздохнула Полли. — Доберемся домой и Александр покатает меня на лодке. Надо поговорить с Джоном, чтобы тело Фрэнсиса отсюда забрали. Мы придумаем, как все обставить. Интересно, вернулись ли Мэри и Роберт с Москвы? Энни уже десять лет. Наверное, они решили растить ее дома. Вот и хорошо, мы

навестим их на севере, — она услышала мягкий голос:

— Я принес цветы, дорогая кузина.

— Кузен Ник, — она покраснела и Николас скрыл вздох.

— Господи, она и правда словно смуглая роза.

— Спасибо, — Полли взяла скромный букетик ромашек и

Ник смущенно сказал:

— Здесь больше ничего нет, но знаете, кузина, цветы растут везде, даже на севере. Вы не поверите, но я видел их своими глазами. Такие маленькие, белые. Мой отец рассказывал, что он встретил подмаренник на необитаемом острове рядом с Ледяным Континентом.

— Давайте погуляем, — предложила Полли, — такой вечер тихий, что даже необычно. Здесь редко когда бывает безветренно.

— С Мирьям все хорошо? — весело спросил Ник, когда они оставили за спиной серый частокол форта. — Она на акушерку учится? Как мачеха моя покойная, миссис Эстер, да хранит Господь ее душу.

— Когда ваш отец приезжал в Лондон, — Полли посмотрела на мужчину, — мы с сестрой гостили в деревне и не видели его, но матушка нам много о нем говорила, а когда он погиб, мы утешали Мирьям. Она, бедная, так плакала. Она его очень любила.

— Я помню Мирьям малышкой, — кивнул Николас, — я запускал с ней воздушного змея и заплетал ей косы. Жаль, что мой брат, Майкл, ушел из семьи. Я ведь и не знаю, где

он теперь. Он учился в Женеве на священника, а потом... — пожав плечами, капитан замолчал.

Они стояли, глядя на океан. Вдохнув запах роз, Ник решительно продолжил:

— Кузина Полли, то, что вы мне сказали на берегу... Если я вам хоть немного по душе, то пожалуйста, подумайте. Я сделаю все, чтобы вы были счастливы, вы и Александр. Я еще никогда не любил, кузина Полли, хоть мне уже скоро тридцать шесть.

Ее длинные пальцы перебирали край шали. Ник вспомнил закат над крышами Амстердама и тихий голос отца:

— Когда ты встретишь ту, без которой не сможешь жить, сынок, то не бойся и скажи ей об этом. Я говорил, — Ворон усмехнулся, — правда, один раз мне ответили, что и без меня обойдутся. Так тоже случается, — он потрепал сына по плечу, — но если не говорить, то еще хуже, помни.

— Можно ваш камзол, кузен Ник? — едва слышно попросила она.

— Конечно, — пересохшими губами ответил мужчина. — Конечно, кузина Полли.

Опустившись на землю, Полли расправила подол черного платья. Прижавшись щекой к грубой шерсти камзола, накинув его на плечи, женщина глубоко вздохнула.

Она лежала в широкой кровати, глядя на закат, играющий

над черепичными крышами города. Дом стоял рядом с гаванью. Полли казалось, что раскрой она шире ставни, и можно будет услышать шорох парусов и скрип канатов. Александр спокойно спал в соседней комнате, положив щеку на «Комментарии» Цезаря. В открытой шкатулке на поставце белели документы.

—Бумаги хорошие, надежные, — вспомнила она письмо дяди Мэтью. — Сэмуэль де Шамплен ждет вас в Ля-Рошели, откуда отплывает экспедиция. Я его предупредил, так что все устроено.

—Господи, — прошептала Полли, — Господи, Ты же можешь. Сделай так, чтобы все было хорошо.

Фрэнсис вернулся за полночь, когда над Бордо взошел тонкий золотой серпик луны. С улицы доносились голоса патрульных солдат. Полли закрыла глаза, услышав его шаги. Муж долго лежал, не говоря ни слова, а потом пробормотал:

—Все в порядке.

Полли попросила:

—Может быть...

—Не сейчас, прошу тебя, — поцеловав ее в лоб, Фрэнсис отвернулся. Заставив себя не плакать, Полли слушала его дыхание, зная, что он тоже не спит.

—Кузина Полли, — Ник сидел рядом, не смея коснуться ее. Тяжелая слеза сползла по смуглой щеке и Полли опустила

лицо в колени.

—Мой муж! Мой муж, с которым я прожила десять лет! Я никого не знала, кроме него, кузен Ник, и никого не хотела знать, но мой муж не хотел меня после того, как Вискайно взял меня силой. Он ничего не мог с собой сделать, кузен Ник, он просил у меня прощения на коленях, но у него ничего не выходило, раз за разом, каждую ночь.

Вырвав из земли травинку, Полли продолжила:

—Когда мы оказались в безопасности, в Бордо, я предложила ему сходить к шлюхе, чтобы проверить, — женщина горько улыбнулась. — Он отказывался, но потом все-таки пошел.

—И? — Ник заставил себя не трогать ее безжалостно комкающие траву пальцы.

—И все было хорошо, — Полли сжала руки между коленями. — С ней, но не со мной, потому что со мной все оставалось по-прежнему. Когда мы приехали в Ля-Рошель, стало понятно, что он заразился французской болезнью.

— И, правда, как тихо, — понял Ник, — даже чайки не кричат. Господи, что мне сделать, что мне сказать? Я не могу смотреть, как она мучается.

—Это я во всем виновата, — тихо сказала Полли. — Фрэнсис знал, что это не лечится. Он велел мне уехать в Англию с Александром, но я не могла его оставить. Я его любила, кузен Ник, всегда любила. Он рисковал жизнью, чтобы отомстить за меня. Как я могла его бросить, больного? Да и

кораблей не было.

—Потом он погиб, — женщина смотрела вдаль, — я вам говорила, кузен Ник, что мне нельзя выходить замуж. Мой собственный муж не хотел меня, что говорить о других!

—Она никогда ничего не узнает, — пообещал себе капитан Кроу, — ни она, ни Александр. Клянусь, никогда.

Николас приложил ее руку к щеке.

—Пожалуйста, не вините себя, Полли. Я прошу вас, не надо. А что вы говорили, — он улыбнулся, — о мужчинах, которые вас не захотят, то я хочу, и буду хотеть всегда. Простите, что говорю об этом так прямо.

Покраснев, Полли погладила рукав его камзола.

—Но как вы можете, кузен Ник...

—Могу и хочу, — он поцеловал каждый ее палец и каждую нежную жилку на смуглом запястье. —Могу и буду, Полли, каждый день и каждый час, если ты мне разрешишь, — он все не отрывался от ее руки. Женщина прижалась губами к его теплым, пахнущим солью волосам.

—Конечно, Ник.

Ее губы были сладкими, словно ваниль с миндалем.

—Печенье, — еле слышно сказал капитан Кроу. — Признавайся, ты пекла печенье.

—Марципан, — она развязала ленты чепца и пышные волосы хлынули ей на плечи. Темная бровь взлетела вверх и Полли спросила:

—Как вы все это время терпели, капитан Кроу?

—Терпел, — ворчливо отозвался капитан, целуя ее смуглую шею, — но более не намерен. Только, любовь моя, придется подождать до Англии, потому что больше венчаться нигде.

Полли положила голову на его широкое плечо.

—Мои ставни выходят прямо на залив, хотя это неразумно.

—Неразумно, — согласился Ник, обнимая ее. — Искать Северо-Западный проход тоже неразумно, а я который год этим занимаюсь. Так что мне не привыкать, любимая.

—В полночь, — она приникла к его уху. — Я буду тебя ждать.

—Еще пять часов, — понял капитан Кроу, слыша, как бьется ее сердце. — Господи, дай мне прожить эту ночь, а там и погибать не страшно.

—Если только я не умру от счастья до этого, — рассмеялась Полли и Ник кивнул.

—Я тоже.

Ромашки стояли на столе в простом оловянном кувшине. Неслышно приоткрыв дверь, Полли заглянула в боковую комнату, где спал Александр. Перекрестив ребенка, она забрала с кровати «Комментарии» Цезаря.

Взяв свечу, Полли шепнула:

—Господи, дай нам счастья, прошу Тебя.

Закрыв дверь на засов, она подошла к распахнутым в летнюю ночь ставням. На темной воде залива покачивался

стройный силуэт «Независимости».

— Ник вернется в Джеймстаун, заберет нас, и мы поедem домой, — Полли присела на подоконник. — Матушка будет рада, потому что он семья и у нас появятся еще дети, — она счастливо улыбнулась.

От корабля отошла шлюпка. Опустив глиняный подсвечник на стол, Полли приложила ладони к горящим щекам.

— Не бойся, — сказала себе женщина. — Не надо бояться.

Поводив свечой из стороны и сторону, она прислонилась к бревенчатой стене.

— Господи, какая она красавица, — Ник на мгновение замер. — Спасибо Тебе, Господи. Оставляю ее с Александром в Джеймстауне, там безопасно, а потом вместе поплывем в Плимут.

— Счастье мое, — он поцеловал ее длинные, темные ресницы. — Полли, я так люблю тебя.

Женщина взяла его за руку и Ник привлек ее к себе.

— Все будет хорошо, — сказал он, слыша ее взволнованное дыхание. — Полли, милая, все закончилось, я с вами и так будет всегда.

Опустившись на пол, Полли потянула его за собой.

— Александр просил, чтобы у нас был вид на море. Иначе тебе пришлось бы лезть через частокол.

— И перелез бы, — Ник не отрывался от ее смуглой, теплой шеи. — И вообще, прошел бы через лед и пламя, только бы добраться до тебя. Иди ко мне, — почувствовав ее неж-

ные пальцы на воротах своей рубашки, он чуть не застонал.

—Надо вести себя тихо, — Полли сбросила с кровати на пол меховое одеяло.

—Будет тихо, — пообещал Ник. — Сейчас, а когда мы доберемся до Англии, там, любовь моя, нас услышит весь Лондон.

—Буду ждать, капитан Кроу, — лукаво сказала она и Ник пробормотал:

— О, Полли, ты даже не представляешь себе, как громко это будет.

Она была вся словно соткана из жаркого солнечного света и запаха роз.

—Я не знал, что бывает такое счастье, — признался Ник, подняв голову. — Как хорошо, Полли, господи, как хорошо, — он протянул руку и женщина попросила:

—Еще!

—Сколько угодно, хоть всю жизнь, — тихо рассмеялся Ник. — Все, что ты хочешь, любимая. Потом мы приедем в Лондон, обвенчаемся и отправимся в деревню. Ты поселишься там с Александром и детьми, а я буду ходить в Северном море. Деньги у меня есть, — Ник помолчал, — хоть на десятерых хватит. И отец оставил для меня какие-то документы у твоей матушки. Наверняка он зарыл клад на Карибах.

—Клад? — удивилась Полли.

—Не зря отец три десятка лет плавал в тех краях, —

смешливо ответил Ник. — Я съезжу и привезу его. Если найду Майкла, то отдам ему четверть, как положено, девочкам тоже, а остальное будет наше. Если не найду, — он вздохнул, — то пусть его часть останется у «Клюге и Кроу» для его наследников.

Полли устроилась у него в руках.

—Я так тебя люблю, Ник, так люблю! — выдохнула она и Ник отозвался:

—Я тоже люблю тебя, Полли и мне никого другого не надо.

В щели между ставнями серел утренний туман. Ник поцеловал ее черные, уже сонные глаза.

—Завтра в полночь мы опять увидимся, а через три дня уже и отплывем. Я скажу Сэмуэлу, что иду в Старый Свет, поэтому собирайтесь потихоньку.

Полли вздохнула.

—Только давай ничего не говорить Александру до Англии. Мало ли что, — женщина запнулась, — ему будет тяжело потерять еще и тебя.

—Ничего не случится, — сердито ответил Ник, — не придумывай ерунды. Но ты права, потому что море есть море. Он такой прекрасный мальчик, Полли, и я так счастлив, что теперь у меня есть семья.

—Это мы счастливы, — Полли велела, — спи до обеда, капитан Кроу, а потом приходи в форт. Я сегодня готовлю. Будут устрицы и свежая рыба с пряностями.

— Не могу ее оставлять, — подумал Ник, целуя ее напоследок. — Ничего, скоро мы всегда будем вместе.

Закутавшись в меховое одеяло, Полли устроилась на кровати. Она спала, улыбаясь, и видела во сне детей, наперегонки бегущих к тихой, осененной золотом осенних ив Темзе.

— Последняя шлюпка возвращается, — капитан Кроу пожал руку де Шамплону.

— Спасибо тебе за все, Сэмуэль.

Тихие волны залива шипели на белом прибрежном песке. Француз вздохнул.

— Надеюсь, что у вас будет легкий переход до Ля-Рошели. Ты потом куда, опять на север?

— Посмотрим, — отозвался Ник. — Может быть и отдохну немного. Я столько лет не был дома.

— Дома, — де Шамплен, размахнувшись, бросил в воду камешек. — Вы, англичане, все такие. Где бы вы ни странствовали, вас всегда тянет домой.

— А тебя нет? — удивился Ник. — Не хочешь во Францию? Смуглое, живое лицо де Шамплена расплылось в улыбке.

— Я в ней, дорогой мой Николя, в новой Франции. Дай нам время и здесь станет не хуже, чем в Париже.

— Говорил я тебе, что надо попросить пушек, — коротко велел Ник. — Скоро, — он махнул в сторону океана, — ты увидишь там английские корабли.

Сэмуэль раскрыл рот и капитан добавил:

— Не меня, потому что, пока я жив, я не стану воевать

с друзьями. Слава Богу, на свете еще много неизведанных мест. Я буду открывать земли, а делить их, — Ник пожал плечами, — оставлю другим.

— Ледяной Континент, — де Шамплен испытующе посмотрел на капитана Кроу. — Твой отец был совсем рядом с ним. Я слышал, что голландцы решили найти земли на юге от Молуккских островов и Явы, о которых писал покойный Гийом. Вернешься в Лондон и узнаешь, удалось им, или нет.

— Я не люблю жару, — рассмеялся Ник. — Отец как раз наоборот не любил холод. Он один раз зимовал в Сент-Джонсе, один раз стоял в Бергене, и все. Конечно, он пытался отыскать Ледяной Континент, однако все-таки не дошел до него.

— Ты и дойдешь, Николя, — де Шамплен похлопал его по плечу и Ник скептически глянул на «Независимость».

— Ей уже шесть лет, Сэмуэль, — сказал он. — Она молодой корабль, но ты знаешь, во что обходится одна зимовка во льду. Посмотрим, насколько ее еще хватит. Я всегда говорил, что во льдах не нужны большие корабли с низкой осадкой, они там застрянут. Она легкая и верткая, и прекрасно справляется. Кстати, мне еще надо расплатиться за нее, — Ник помолчал.

— Я остался в долгу перед Адмиралтейством. Ничего, — он улыбнулся, — я разберусь. Вот и мадам Полина с Александром.

Первым сбежав на берег, мальчик звонко сказал:

—Наши вещи уже на корабле, капитан. Позвольте, я сяду на весла!

—Позволяю, конечно,— Ник взглянул в черные глаза женщины.

— Я целовал их рано утром, на рассвете. И ресницы, и шею, и всю ее до самого дальнего уголка, а потом обнял и сказал: «Обещаю, что в Плимут мы приедем уже вчетвером». Полли тогда улыбнулась: «Я одна из двойни, капитан Кроу, и ты тоже, поэтому мы можем приехать и впятером». Господи, как я ее люблю.

—Так, месье де Шамплен, — строго сказала Полли, — библиотекой будет заведовать мадам Маргарита. Она очень аккуратная и я ей все рассказала. Спасибо, что разрешили мне забрать «Комментарии» Цезаря. Теперь Александру будет, что почитать на корабле. И следите за огородами, пожалуйста. Месье Довилль позанимается с мадам Луизой, и она станет заведовать аптекой. Не пропадете, в общем. И не скучайте! — она шутливо погрозила пальцем.

—Все равно, — вздохнул де Шамплен, склонившись над ее рукой, — без вас, мадам Полина, Порт-Рояль осиротеет. Вы говорили насчет тела месье Франсуа, — он помолчал, — конечно, возвращайтесь и забирайте его. Человек должен быть похоронен со своими предками.

—Как странно, — заметил капитан Кроу, — здесь тоже появятся родовые кладбища.

Александр прощался с де Шампленом, а Ник отошел к

самой кромке воды.

— У меня, кроме могилы мамы, и прийти некуда, — понял он. — Один Господь ведает, где на Москве лежат родители отца и его сестра, а папа в Картахене со своим кораблем, как и положено моряку. Приеду туда и помолюсь за его душу, пусть он и не был христианином, — Ник чуть не рассмеялся вслух, — а в Лондоне пойду к матушке и дяде Питеру.

— Капитан, — раздался рядом голос мальчика. Александр немного покраснел и капитан хмыкнул.

— Он похож на Полли, только глаза у него серые. Она говорила, что такие были у Фрэнсиса.

— Капитан, — продолжил ребенок, — можно я стану юнгой, пока мы на корабле? Мама сказала, что, если вы разрешите, то она согласна. Я буду делать все, что надо, и могу даже спать в чулане.

— Никаких чуланов, — строго отозвался Николас. — Будешь жить со мной в капитанской каюте. Я намереваюсь заниматься с тобой латынью по дороге. Мистер Девенпорт, мой первый помощник, уступает свою каюту твоей матушке.

Александр закатил глаза, но капитан, потрепав его по голове, проворчал:

— Нечего, нечего.

Сэмуэль де Шамплен помахал сидящим в шлюпке. «Независимость» стояла под полными парусами и он прошептал:

— Попутного тебе ветра, мой друг, куда бы ты дальше не направился.

Бревенчатые стены форта Порт-Рояль растаяли в легкой дымке. Обнимая сына, Полли весело заметила:

— Теперь тебе можно называть капитана Кроу дядей Николасом. В свободное от твоих обязанностей время, конечно.

— А что там? — спросил мальчик, ловко орудуя веслами.

— В Джеймстауне?

— Там наша колония, — ответил Ник. — Вы поживете там с матушкой, пока я отправлюсь на Карибы, а следующей весной я вернусь и мы поплывем в Плимут, домой.

— А в Англии что? — все не отставал Александр.

— В Англии ты пойдешь в школу, — строго ответила ему мать. — Твой дядя Уильям к тому времени будет заканчивать Итон. Туда я тебя и отдам, на его место.

— Латынь тебе там пригодится, — со значением заметил капитан. Помахав первому помощнику, Ник крикнул:

— Сбрасывайте трап, мы поднимаем якорь!

— Раз уж я здесь, — сказала Полли, — то я помогу твоему корабельному врачу, и на камбузе, разумеется, тоже. Прямо сегодня и начну.

— Идите, устраивайтесь, — велел Ник, когда они оказались на палубе. Встав к румпелю, он хозяйским взглядом осмотрел корабль.

— Паруса залатали, канаты поменяли, кое-что починили. Ты, девочка моя, стала просто красавицей.

— И была такой, — хмыкнул Девенпорт, разворачивая карту. Ник ласково погладил теплое дерево борта.

— Хочется прийти к своим в лучшем виде. Дорога здесь прямая, с пути не собьемся, все время на юг. Думаю, — Ник посчитал в уме, — что если нам повезет с ветром, то недели через две мы будем на месте. С Богом, — он повернул румпель. «Независимость», наклонившись, стала выходить из бухты.

Небольшая капитанская каюта освещалась фонарями, висящими на переборках.

— Сколько вы убили белых медведей, дядя Николас? — Александр, открыв рот, разглядывал брошенную на пол шкуру.

— Больше десятка, — отозвался капитан, — а ты не отвлекайся, потому что мы только начали.

Полли, идущая с камбуза с оловянной миской, остановилась, услышав голос сына.

— *Gallia est omnis divisa in partes tres, — читал Александр, — quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae, nostra Galli appellantur. Hi omnes lingua, institutis, legibus inter se different.*

Постучав, она весело сказала:

— На обед рыбный суп с пряностями и свежий хлеб. Я взяла закваску, поэтому до самого Джеймстауна ни одной галеты вы больше не увидите.

Николас забрал у нее миску.

— Пообедаем и будем заниматься дальше, а потом ты ляжешь спать, мой дорогой юнга.

— А вы, дядя Николас? — поинтересовался мальчик.

— А я, — Ник незаметно подмигнул Полли, — пойду стоять свою вахту.

На палубе дул свежий северный ветер. Запахнув кашемировую шаль, Полли поднялась наверх. Ник стоял на носу, вглядываясь в темное волнующееся море.

— Здравствуй, — тихо сказал он, почувствовал легкий запах роз. — Здравствуй, любимая. Господи, как я счастлив.

Ветер заполоскал подолом ее шелкового платья цвета граната, разметал по плечам темные волосы.

— Иди ко мне, — он обнял Полли. — Я никогда тебя не отпущу. Будь со мной, любимая.

— Буду, — она раскинула руки и шаль забилась на ветру.

Полли показалась Нику перелетной птицей, распахнувшей крылья и готовой броситься в пропасть. Белые паруса затрепетали под сильным порывом ветра и в борт «Независимости» ударила волна. Полли, смеясь, подставила Нику пахнущие солью и цветами губы.

Эпилог

Тула, октябрь 1607

В избе стояла зябкая сырость. В неверном свете раннего утра Федор видел только рыжий затылок сына, который спал,

укрывшись грязным кафтаном, уткнув голову в сгиб руки.

— Не буду пока его поднимать, — решил Федор. — Ему четырнадцать лет, а он в седле и с мечом который день кряду. Пусть мальчик отдохнет.

За ставнями, в конском ржании и скрипе тележных колес, кто-то заливисто матерился. Войско потихоньку просыпалось. Пошарив рядом с лавкой, Федор отхлебнул кваса.

— Четвертый месяц мы здесь торчим, — усмехнулся Воронцов-Вельяминов. — На совесть итальянцы кремль построили, ничего не скажешь. Сколько ядер мы потратили, а все равно он стоит, хотя опосля завтрашнего дня не будет более.

Закинув руки за голову, потянувшись мощным телом, он сладко зевнул. Одевшись, перекрестившись на образа, Федор вышел на двор, где моросил мелкий осенний дождь. Окунув рыжую голову в чан с ледяной водой, он отфыркался.

— Хорошо!

— Федор Петрович! — позвали с улицы. Кровный гнедой жеребец танцевал под боярским сыном Кравковым. Парень крикнул:

— Они в кремле ночью зашевелились. Пойдемте, посмотрим, что такое!

— Сейчас, — вернувшись в избу, Федор отодвинул пестрядинную занавеску.

— Государь, я к Тайницкой башне. Вроде задвигался Иван Исаевич сотоварищи. Вы потом подходите, хорошо?

Шуйский устало потер покрасневшие глаза.

— На плотину отправь кого-нибудь. Там еще десять сотен мешков должны подвезти, как ты вчера велел. Михаил Васильевич сим занимается.

— Петр пойдет, — коротко поклонившись, Воронцов-Вельяминов шепнул сыну:

— Петька, просыпайся и дуй на плотину. Проследи, чтобы все в порядке было и смени Михайлу Скопина-Шуйского. Пусть хоша поспит немного, он там с вечера еще.

Сын вскочив, стал одеваться.

— Вы осторожней, батюшка, — сказал он, когда Федор, пригнув голову, выходил в сени. Воронцов-Вельяминов обернулся.

— Раз меня, Петр, под Кромами, Ельцом, и Москвой не ранило, так здесь вряд ли заденет. У них и ядер не осталось, только пищали. Однако ж ты тоже не лезь на рожон.

Петя распахнул ставни. Отец садился на огромного вороного жеребца. Украдкой перекрестив мощную спину, парень пробормотал:

— Хорошо, что Степа в Андрониковом монастыре, там безопасно

Копыта жеребца разъезжались в жирной черной грязи. Огромная, с полверсты длиной, плотина перегораживала Упу. Равнина была залита водой по горло человеку. С высоты своего роста Федор заметил в темной реке вздутые трупы.

— Сие с виселиц, что ли? — спросил он Кравкова. — Госу-

дарь же велел не снимать их, пока костей одних не останется.

Кравков ухмыльнулся:

—Нет, Федор Петрович, те висят, как и положено им, — он указал себе за спину.

На правом берегу реки, над высоким холмом неподалеку от лагеря кружила туча воронья.

—Два десятка той неделей вздернули, — вспомнил он, — тех, что из Кремля пытались выбраться, и тех, что Болотников разговаривать заслал. Петька тоже вешал.

Кравков махнул на мокнущие под дождем белые стены тульского кремля, разбитые артиллерией царского войска.

—Сие они своих мертвых выбрасывают по тому ходу в Тайницкой башне.

—Посмотрим, что они на сей раз выбрасывать собрались, — процедил Федор. Окинув зорким взглядом плотину, он крикнул:

—Михайло!

Гарцуя на белом жеребце, Скопин-Шуйский спустился на правый берег.

— Мешки все привезли, Федор Петрович, — он сдержал зевок, — будем класть в те места, что вы вчера велели.

—Ты езжай и поспи, — сварливо велел Федор юноше, — сейчас мой Петька сюда явится. Впрочем, вот и он. Покажи ему все, он сделает. Поехали, Иван, — Воронцов-Вельяминов прищипорил коня, — они сами справятся.

Петька издалека заорал что-то веселое и Михайло расхо-

хотался.

Федор хмыкнул:

— Михайло и вправду воин. Ему всего двадцать один год, а он уже разбил Болотникова под Калугой. И Петька тоже такой, а я смотрю на кремль, и жалею, что мы такую красоту рушим. Здесь тоже ласточкины хвосты, как в Москве, и фланговый обстрел они отлично придумали, вынесли башни далеко за линию стен. Когда возьмем город, надо заглянуть в пороховую башню. Я слышал, что там потолок сделан на итальянский манер, сферой. Все зарисую.

Федор хотел потянуться за угольком и бумагой, но вовремя вспомнил, что он в седле. У Тайницкой башни всадники спешили и Федор пригнулся. Осажденные остатки армии Болотникова, проснувшись, начали стрелять. Они с Кравковым подошли к воде, подступающей почти к самой стене.

— Отсюда они и поплывут плотину взрывать, — усмеялся Воронцов-Вельяминов, — не зря они зашевелились. Ход в самую реку ведет. Они трупы расчищали, чтобы по нему спуститься.

Взглянув на бесконечное пространство разлива Упы, Кравков спросил:

— Федор Петрович, они собираются подойти к плотине на лодках?

— А как же, — отозвался мужчина. Шальной выстрел взрыл грязь совсем рядом с ними.

— Поехали отсюда, Ваня, — велел Воронцов-Вельяминов.

— Неохота погибать в последний день перед взятием крепости.

Шуйский ждал их у начала плотины.

— Взрывать будут? — хмуро поинтересовался царь.

— Конечно, — безмятежно отозвался Федор. Яростно почесав бороду, он ухмыльнулся.

— Вы как хотите, государь, а я завтра, опосля всего первым делом в баню побегу, ино вши заели, — Федор обернулся к сыну и Кравкову. — Ночью я сам здесь буду, на всякий случай.

— Думаешь, Иван Исаевич лично сюда с порохом приплывет? — хохотнул Шуйский. — Перебежавши к нам, Ляпунов говорил, что он, мерзавец, осторожен сверх меры и сам на опасные дела не ходит, а других подставляет.

Голубые глаза Федора засверкали льдом.

— С Иваном Исаевичем у меня свои счеты, — он помолчал. — Нет, государь, не позволю же я всякой швали дело рук своих портить, — Федор любовался мощной плотинной.

Он добрался до своей избы к вечеру, проверив по дороге пушки в строящемся для штурма войске. Белые стены кремля таяли в серой мороси. За трапезой Шуйский, хлебная горячие щи, сказал:

— Когда мы здесь закончим, надо, бояре, в Брянск наве-

даться, к царю Дмитрию Иоанновичу.

За столом расхохотались и Федор заметил:

—Завтра, когда мы возьмем кремль, его племянник, самозванный царевич Петр, в Москву поедет, в Разбойный Приказ. Отчего бы и не навестить Брянск? Заодно и дядю к нему посадим.

—Жалко, что атаман Заруцкий отсюда ушел, — вздохнул Михайло Скопин-Шуйский, — иначе бы мы всю шайку вместе взяли. Говорят, что он к самозванцу в Брянск отправился. Там его и захватим.

Прочли молитву и Шуйский поднялся.

—Хоша щей нам налили, — усмехнулся государь, — и то хорошо, ино не до разносолов сейчас. Федору Петровичу дайте отдохнуть, ему сегодня всю ночь на плотине быть, а мы гуляй-города для завтрашнего дела посмотрим, все ли там ладно. Пошли, пошли, — он подогнал бояр.

В окна избы вползали холодные осенние сумерки. Федор вышел на крыльцо. В стане вздували еще тусклые костры. В низком небе каркали, метались птицы. Всем телом почувствовав тоску, он вытер слезы рукавом кафтана.

—Нельзя, — сказал себе Федор . — Ничего нельзя. Все завтра.

Взяв из сеней факел, он зажег его у какого-то костра, пошутив со стрельцами. Спешившись у плотины, Федор на мгновение остановился.

—Какие ивы золотые. Сколько мы ядер уже выпустили, а

они все равно стоят. Господи, — он взглянул на молчаливый кремль, — помоги нам.

Факелы капали смолой на влажный каменный пол. Засунув руки в карманы истрепанного кафтана, Болотников рассматривал в узкой бойнице костры, мерцающие вдалеке, в царском стане. Тульский Кремль возвышался заболоченным, промозглым островом над залитой водой равниной.

—Суки, — бессильно подумал Болотников, — они знают, что у нас подвалы затоплены. Вся провизия там и людям нечего есть. Летом я говорил, что надо перенести зерно в верхние ярусы башен, но воевода Григорий Петрович не послушал. Зачем боярам холопа слушать, хоша сей холоп на своем веку побольше сражений выиграл, чем все они, вместе взятые. Ладно, если удастся взорвать плотину и вода начнет спадать, может быть, мы и выберемся. К царю надо бежать, в Брянск, и оттуда опять идти на Москву.

Заметив на плотине движение, он присвистнул:

— Ничего, не век они там простоят. Лодки готовы, тако же и порох. Сегодня ночью здесь все взлетит на воздух.

В темной воде под стенами Кремля виднелись смутные очертания трупов.

—Хорошо, что я велел кипятить воду на кострах, — устало вздохнул он, — иначе мы бы передохли за месяц. Сие дело рук мерзавца пана Теодора, потому что никто, кроме него, такое Шуйскому не подсказал бы. Я приказал прицельно по

нему стрелять, однако он из стана без кольчуги не выходит. Да и попробуй достань его, — Болотников прищурился, — их лагерь за версту отсюда.

Он измучено потер лицо.

— Где же ты, Господи? Я и Путивль весь перевернул, и все, что окрест, однако не видел вас никто. Больше года прошло. Жива ли ты, Лизонька, любовь моя?

У порога кашлянули и Болотников, не открывая глаз, сказал:

— Готовы люди, Илья Иванович? Спускайте лодки и грузите порох.

— Может, не стоит? — осторожно спросил воевода Илейко Муромец, однако сразу же отшатнулся. В лоб ему смотрело дуло пищали.

— Я бы тебе прямо сейчас голову прострелил, дорогой царевич Петр Федорович, — издевательски сказал Болотников, — однако я должен доставить тебя к государю в целости и сохранности. Иди, распоряжайся.

— Шуйский нам жизнь сохранить обещал, ежели ворота откроем, — дрожащим голосом сказал казак.

Железными пальцами ухватив его за потертый воротник кафтана, Болотников подтащил воеводу к бойнице.

— Вон воронье клюет мясо с тех, кого мы к Шуйскому говорить отправили, — прошипел атаман. — Тако же и с тебя будет, и с меня. Я Шуйскому не верю, и тебе не советую, Илья Иванович. Поговори с народом, пообещай им, что рать

царя Димитрия Иоанновича сюда придет на подмогу.

—Иван Исаевич, — сглотнул казак.

—Даже если здесь один человек останется с оружием, — жестко сказал Болотников, — и то им ворота не откроют. Что встал, иди! И лодками займись, наконец.

Муромец, бормоча что-то, спустился по сырой лестнице. Болотников взглянул на стоячую воду.

—Ежели с плотиной ничего не получится, надо завтра уходить отсюда. Плаваю я хорошо, выберусь по ходу из Тайницкой башни и никто ничего не заметит. На западе разбежусь, что дальше делать.

Плотину окутывала густая тьма. Вглядевшись в сумрачную ночь, Воронцов-Вельяминов обернулся к стрельцам.

—Вот и они.

—Как вы узнали, Федор Петрович? — изумился кто-то.

—Услышал, — усмехнулся боярин. — Факелы зажигайте!

Стена огня озарила воду, сухо затрещали пищали. Грузженные порохом лодки взлетали в воздух.

—Когда все закончится, — пообещал себе Федор, — надо поработать. Синьор Марко Поло писал, что китайцы создают из пороха огненные цветы и животных. Мы так же красиво сделаем.

Полюбовавшись отражением пылающих лодок в черной воде, он пошел на правый берег. В избе было тихо, только

Шуйский писал что-то при свете свечи.

—Что там, Федор Петрович? – отложив перо, царь запечатал грамотцу.

—Пороха они достаточно потратили, — Воронцов-Вельяминов налил себе водки, — да только без толку. Горят их лодки, тако же и Кремль завтра сгорит.

—Думаете? – Шуйский тихо свистнул. Пестрядинная занавеска отодвинулась и в горницу скользнул неприметный мужичок в потрепанном армяке.

—Жив? – Федор, наклонившись, обнял Михаила Татищева. — Я уж и не чаял. Ты, как под Калугой в их стан ушел, дак и не видел я тебя почти год уже.

Татищев легко рассмеялся.

—Ты у нас, Федор Петрович, мужик видный, а я моргни, и не заметишь.

Выпив водки, он поморщился.

—Не обессудьте, бояре, я хоша в сухое и переоделся, но все одно мертвечиной тянет. В озере, кое вы так разумно устроили, трупов не перечесть, а я по нему плыл, и обратно еще отправлюсь.

Шуйский поднял бровь.

— На рассвете нам ворота откроют без всякого штурма. Рассказывай, Михайло Никитич, что о самозванце слышно. Сия шваль, — Шуйский брезгливо махнул в сторону Кремля — нам более неинтересна, потому что завтра она сдохнет на виселицах.

Татищев закончил и Шуйский испытующе посмотрел на Федора:

— Ты Болотникова допрашивать будешь, дак теперь тебе легче станет. Покажи ему, что мы их планы знаем, и он быстрее тебе все расскажет, а ежели не расскажет... — государь со значением помолчал.

— На сие клещи у нас имеются, — Федор рассмеялся.

— Проводи Михайлу Никитича, — велел Шуйский. — Посмотри, чтобы он спокойно добрался, а я невесте своей отпишу. Опосля Рождества венчаемся, а она, бедная, с Успения от меня ничего не слышала.

Они медленно шли по спящему лагерю.

— Я, видишь ли, — наконец, сказал Татищев, — не был уверен, что у меня получится, поэтому вы готовились к штурму. С плотиной ты, Федор Петрович, отлично придумал. У нас все подвалы затопило, люди уже и кошек съели. Ничего, прямо завтра на рассвете и возьмем Ивана Исаевича. А что там за невеста?

— Марья Буйносова-Ростовская, дочь князя Петра, — ответил Федор. — Я у него сватом был, тако же и дружкой стану.

Татищев помедлил, вспоминая.

— Перестарка за себя берет, — хмыкнул он, — ей как бы не к тридцати.

— Помилуй, Михайло Никитович, — отозвался Федор, — ему пятьдесят пять сим годом. Да и по нынешнему време-

ни девицам особо выбирать не приходится. Сам знаешь, где сейчас все женихи. Кто в могиле лежит, кто к самозванцу переметнулся, а кто воюет.

—И все равно, — упрямо сказал Татищев.

—Сей разговор ты брось и более к нему не возвращайся, — Федор покачал головой. — Я тебе еще тем годом сказал, Михайло, что не будет сего. Ладно, вот и озеро наше. Давай, друг, завтра увидимся.

Татищев легко, даже не вздрогнув, нырнул в стоячую воду. Взглянув на догорающие остатки лодок и черную громаду плотины, Федор пошел обратно к избе.

Проснувшись до рассвета, Болотников полежал, рассматривая низкий потолок башни.

— До того, как они стрелять зачнут, я успею отсюда выбраться.

Вскочив с рассохшейся лавки, он быстро оделся. Засунув за пояс саблю и пистолет, Болотников взглянул в бойницу. Над серой водой и окутанным белесым туманом царским лагерем стояла мертвая тишина.

—Взять Муромца и убираться отсюда восвояси, — сказал себе Болотников. Атаман даже поежился, таким одиноким показался ему собственный голос.

—Плотину подорвать не удалось, значит, незачем здесь сидеть.

Пройдя по широкой крепостной стене к башне, где обрелся Муромец, он услышал сзади чей-то тихий голос:

—Иван Исаевич!

—Что за... — выматерился Болотников, и, обернувшись, застыл. На него смотрело дуло пищали.

—Не надо за оружием тянуться, Иван Исаевич, — посоветовал невидный человек.

—Я его встречал, — понял Болотников. — Я помню. Я думал, что сие наш.

Попытавшись взмахнуть саблей, он схватился за окровавленные пальцы. Незнакомец оказался быстрее.

—Ворота открыты, Иван Исаевич, — рассмеялся он, — сами посмотрите.

Болотников бросил взгляд вниз. Стрельцы рассыпались по всему кремлю, а войска переходили по плотине в крепость.

—Золото, — неподвижными губами сказал он. — У меня много золота.

—Я и не сомневался, — вежливо ответил незнакомец, — однако же, какая незадача, мне оно совершенно не нужно. Пойдемте, Иван Исаевич, вас ждет старый приятель. Торопитесь, мы и так задержались.

Он шагнул в зал, чувствуя лопатками упершееся в спину дуло пищали. Внизу сухо трещали выстрелы и кто-то истошно орал. У бойницы стоял огромный рыжеволосый мужик в потрепанном кафтане и тусклой кольчуге. Не оборачиваясь,

он заметил:

—Придется новые виселицы строить, ино на старых помостах места не хватит.

Отступив на шаг, упершись в закрытую дверь, Болотников пробормотал:

—Пан Теодор...

Федор с размаха ударил его кулаком в лицо.

—Теперь ты мне, сука, расскажешь, где моя жена и дочь!

Что ты с ними сделал?

Выплюнув кровь изо рта, Болотников прошлепал разбитыми губами:

—Я не...

—Не лги мне, мерзавец, — холодно потребовал Федор.

— Я знаю, как ты их выследил, как выжег глаза невинной девице, и как в спину человеку стрелял. Где они?

Болотников мертвенно побледнел и Федор опять занес руку. Выбитый зуб полетел на пол.

—Сие поклон от поляка того, он передать просил. Не тому человеку ты дорогу перешел, Иван Исаевич, ох, не тому. Впрочем, — Федор холодно рассмеялся, — тако же и мне. Сейчас тебя на Москву отвезут, в Приказ Разбойный, где я с тобой дальше говорить буду.

Открыв дверь, Федор велел:

—Увести его.

Проводив взглядом сторбившуюся спину Болотникова, Федор пошел вниз. Из разобранный плотины надо было ско-

ЛОТИТЬ виселицы.

Часть шестая

Джеймстаун, Виргиния, февраль 1608

Вытащив шлюпку на мелкий песок, он достал из кармана карту. На горизонте темнела полоска континента.

—Так вот куда плавал дорогой папа, — Майкл рассматривал искусно вычерченный изящный рисунок. На полях рука отца вывела столбик цифр.

—Надо же, — Майкл удивился, — он сюда наведывался тридцать лет подряд и успел заглянуть на остров даже за месяц до гибели. Посмотрим, что мне достанется.

Сухие коричневые камыши шелестели под ветром, а серая вода океана немного топорщилась. Майкл вспомнил, как они с братом, стоя у борта «Святой Марии» следили за белым парусом, удаляющимся в бесконечный морской простор.

—А куда сэр Стивен плывет? — робко спросил брат у Бери.

— По делам, — усмехнулся кок, подогнав их:

—Что застыли, пора разносить ужин.

Отряхнув черный плащ, Майкл пробормотал:

—Сложи мерзавец Ник себе голову в Картахене, мне стало бы легче. Придется что-то делать с этой девкой, отродьем шлюхи, моей так называемой сестрой. Ладно, сначала деньги, а потом все остальное.

Денег Майклу требовалось много, потому что через два года он хотел двинуться на запад с верными ему людьми. На

каждой проповеди он внушал общине, что в Джеймстауне нет благодати.

—Здесь один разврат и бесчестная жизнь, — хмыкнул преподобный, — и только в земле обетованной мы обретем спокойствие и праведность.

Майкл ожидал, что паства не преминет принести ему свои сбережения. Как глава церкви, он собирался распоряжаться всем ее имуществом.

На вершине небольшого холма завывал ветер. Майкл построил заступ поудобнее.

—Дорогой папа Библию знал назубок.

—А теперь она пересажена в пустыню, в землю сухую и жаждущую, — прочел Майкл на полях карты, — и вышел огонь из ствола ветвей ее, пожрал плоды ее, и не осталось на ней ветвей крепких.

Среди серого, поросшего высохшей травой песка возвышалось обгоревшее, расколотое молнией дерево. На западе, над континентом собиралась набухшая грозой туча. Ветер усилился и священник решил на обратном пути положить парус в галфвинд. Иначе его могло отнести далеко на север.

Он хотел оставить все привезенное в своем кабинете, куда не смели заглядывать ни Мэри, ни, тем более, Энни. После неминуемой смерти жены Майкл собирался обвенчаться с падчерицей в своем новом поселении на западе. Он намеревался разрешить мужчинам брать по несколько жен.

— Тогда у меня не будет отбоя от неофитов, — усмехнул-

ся священник, — и я сам тоже возьму пять женщин или даже больше. Мне надо много детей.

Он спустился к почерневшему дереву, вздымающему потрескавшиеся ветви в холодное небо. Легкая земля посыпалась ему под ноги и вскоре заступ ударился о крышку шка-тулки. Старое серебро тускло заблестело из ямы.

Майкл наклонился, тяжело дыша, чувствуя краску на ще-ках.

— Не думай, — велел он себе, — не смей думать о раз-вратниках и прелюбодеях, которых ждет адское пламя!

Высокая женщина в шуршащем шелке, протянув ему ру-ку, весело сказала:

— Здравствуйте, кузен Майкл! Вы меня не знаете. Я ваша свояченица, Полли, сестра Мэри. Полина Говард, вдовству-ющая графиня Ноттингем. Это мой сын, Александр Филипп.

Темноволосый мальчик вежливо поклонился.

— Рад знакомству, дядя Майкл.

— Будь ты проклята, — злобно подумал священник, глядя на ее красивое, смуглое лицо и темно-красные губы, — плод насилия, убийца мамочки.

Черные глаза блеснули непокорным золотом и она взмах-нула пышными ресницами, напомнившими Майклу мате-ринские. Почувствовав прикосновение мягких рук мамочки, вдохнув запах свежего хлеба, Майкл невольно повел носом.

От женщины веяло сладкими розами.

—Вы хорошо укрепились, — одобрительно сказал Ник, рассматривая мощную ограду поселения. Коричневая вода реки сверкала под августовским солнцем.

—И гавань здесь отличная, глубокая, — добавил брат, — с защитой от ветра. Кузина Полли два года жила на севере, во французском поселении Порт-Рояль. Ей надо выступить перед советом и рассказать о планах тамошних колонистов.

Ребенок переминался с ноги на ногу и кузина кивнула.

—Беги в наши комнаты и начинай раскладываться. Я потом приду.

Мальчик исчез за дверью и Майкл неприязненно сказал:

—Женщинам запрещено выступать публично, тем более на заседаниях совета поселения. Это идет вразрез с учением церкви.

—Какая чушь! – ее темная бровь взлетела вверх. — Или я выступлю, или ваш Джеймстаун расстреляют французские корабли, дорогой кузен. Выбирайте, — она улыбнулась.

Ник присвистнул:

—Дорогой брат, не лезь туда, куда тебя не звали. Я не учу тебя проповедовать, а ты не учи меня воевать. Кузина Полли знает то, что здесь никто не знает. Пусть совет ее выслушает, если вы не хотите, чтобы сюда явились французы.

—Хорошо, — Майкл искоса взглянул на ее шелковое платье. — Только у нас не принято одеваться вызывающе.

—Как хочу, так и одеваюсь, — отрезала Полли. — Одна-

ко не беспокойтесь, кузен, у меня есть платья для церкви. В Порт-Рояле у нас тоже был священник, и служили мессы.

Майкл даже отшатнулся.

—Католические?

—Разумеется, — удивилась женщина. — Я и венчалась в католической церкви. Во второй раз, так надо было по работе. Александра же крестил его Святейшество папа Климент.

—Ты так не бледней, — брат рассмеялся. — Я тоже отправлюсь в Картахену не капитаном Николасом Кроу.

—А где Мэри? — озабоченно спросила Полли. — И где моя племянница, Энни? С ними все хорошо?

—Энни сейчас убирается в церкви, — ответил Майкл, — а Мэри заболела речной лихорадкой. Я сам за ней ухаживаю. Немочь заразна, кузина Полли, но дня через три Мэри встанет на ноги, и вы с ней увидите.

—Да, — хмыкнул тогда Майкл, — дня через три у нее сойдут синяки с лица, а что останется под одеждой — неважно. Все равно этого не видно. Дрянь, мерзавка, она без моего разрешения пригласила индианок, некрещеных тварей, в дом, и все там осквернила. Хорошо, что я вовремя пришел.

Вечером, поднявшись к жене, он сказал:

—Приехали твоя сестра Полли и племянник Александр. Их привез мой брат и они проживут здесь до весны. Если ты, Мэри, больше не выйдешь из моей воли, я разрешу тебе с ними видаться.

Подняв запухшие, подбитые глаза, жена тихо спросила:

—Как Энни?

Майкл, не отвечая, пристально посмотрел на нее.

—Мне больно, — прошептала жена. — Ты сломал мне ребро, Майкл. Пожалуйста, не надо. Я ношу твое дитя, Майкл, зачем ты так?

—Ну! — только и сказал он. Покорно отодвинув одеяло, подняв рубашку до пояса, Мэри только сдавленно заплакала.

—Энни хорошо, — застегнувшись, он поцеловал жену в щеку. — Я принесу тебе поесть, сделаю примочку и почитаю из Евангелий. Ладно, милая?

—Спасибо, — она смотрела на яркое небо в окне. — Спасибо, Майкл.

Протянув руки к шкатулке, священник не справился с дрожью в длинных пальцах.

—Не думай, — велел он себе. — Не вспоминай.

Притаившись в гуще леса, он рассматривал залитую солнцем зеленую лужайку. Их одежда валялась в траве, темные волосы женщины разметались вокруг. Откинув голову, она застонала:

—Еще!

—Полли, — тяжело дыша, пробормотал брат. — Полли, любовь моя!

—Мы неосторожны, мой капитан, — весело сказала женщина. Брат, отдышавшись, ответил:

—Обещаю через несколько мгновений быть еще более неосторожным, дорогая жена.

Женщина рассмеялась, а Майкл отвел от них взгляд.

—Ничего, я подожду.

Достав кинжал, он подцепил крышку шкатулки. Хлынул крупный дождь, а над морем загрохотали молнии. Окунув руки в ледяной блеск золота и россыпи драгоценных камней, Майкл благоговейно закрыл глаза.

Выбравшись на берег, развернув сверток с одеждой, Александр натянул бриджи и рубашку. Мальчик быстро поднялся по откосу холма к густому девственному лесу. Отсюда весь Джеймстаун был как на ладони. Черные точки рыбацких лодок дрейфовали по реке, а за частоколом, окружающим поселение, зеленели огороды. На горизонте вздымались стройные мачты кораблей, пришвартованных в бухте на восточной оконечности острова. Заметив церковный шпиль, мальчик презрительно скривил губы.

Третьего дня, сидя с Энни на речном песке, Александр недовольно сказал:

—На твоем месте я бы вырвал эти розги и ткнул ими прямо ему в глаза. Он тебе не отец, а всего лишь отчим и какое он имеет право?

—Других родители тоже наказывают, — прошептала девочка, — отец Чарли Уильямса бьет его почти каждый день, и не розгами, а плетью.

Александр взял ее маленькую, с обгрызенными ногтями и заусенцами, руку.

—Твой отец, сэр Роберт покойный, да хранит Господь его душу, хоть раз тебя ударил?

Девочка помотала головой, укрытой коричневым, грубой шерсти чепцом.

—Никогда, — Энни шмыгнула носом. — Он был очень добрый, и даже никогда меня не ругал. Папа Майкл говорит, что я плохая, и Господь забрал к себе моего отца потому, что я дурно себя вела. Еще он сказал, что если я буду такой же непослушной, то Господь заберет к себе маму и не рожденное дитя! Тогда я останусь круглой сиротой и он станет обо мне заботиться — испуганно сказала девочка и ее губы задрожали.

—Еще чего не хватало, — сплюнув в реку, сочно ответил Александр. — Мой отец погиб, когда мне исполнилось только шесть лет, но я помню, что он тоже ни разу меня не ударил. Я так твоему отчиму и сказал в школе, еще в сентябре.

—Ты очень смелый, — восхищенно вздохнула девочка, вспомнив ледяной блеск серых глаз и высокий, ломкий голос мальчика:

—Вы мне не отец, ваше преподобие, и не отчим. Если у вас есть жалобы, то вызовите мою мать и поговорите с ней. Только она имеет право меня наказывать, а никак не вы.

—И поклонился так изящно, и вышел, только не удержался и хлопнул дверью, — хихикнула Энни.

—Я все-таки граф, дорогая моя леди Энни, — ухмыльнулся Александр. —Мне положено красиво кланяться и у меня есть шпага. Правда, пока детская, — помолчав, он добавил:

—Что хорошего в такой смелости? Меня преподобный отец теперь боится трогать, а вам достается в два раза больше. Уехали бы вы с нами, а? — тоскливо сказал мальчик. — Весной вернется дядя Николас и мы поплывем в Плимут, к бабушке и дедушке Виллему.

—Мама никуда не уедет, — вздохнула девочка, — потому что в марте у нее родится дитя и я никогда не брошу ее здесь одну. Может быть, когда у папы Майкла появится ребенок, он от меня отстанет, — с надеждой добавила Энни.

—И примется за него, — мрачно подытожил кузен. — Почему все так его любят? В вашем совете ему смотрят в рот и делают все, что он говорит.

—Из-за денег, — Энни презрительно усмехнулась. — Дочка капитана Рэдклиффа, главы совета, по секрету сказала мне, что там нет никого богаче папы Майкла. Он вложил в поселение очень много золота.

—Хоть бы он им подавился, — пожелал Александр, — золотом этим.

Пройдя по узкой тропинке вглубь леса, мальчик свистнул. Кусты рядом с ним раздвинулись. Смуглая девушка в расшитой бисером юбке поинтересовалась на ломаном английском

ском:

—Принес?

—Конечно, — ухмыльнулся Александр. Порывшись в замшевом мешочке, висящем на шее рядом с крестом, он протянул девушке записку. Перья на черноволосой голове задрожали и девушка спрятала свернутую бумагу.

—Спасибо!

—Было бы за что, — пробурчал Александр. Церемонно поклонившись, девушка протянула ему два мешочка.

—От моей матери твоей матери. Та что пахнет сладко — до, а та, что неприятно — после. Твоя мать поймет. Спасибо, — девушка подала Александру изящную, расписанную соком ягод руку. Мальчик склонился над ней.

—Рад был помочь, мисс Покахонтас.

Проводив взглядом его темноволосую голову и стройную спину в белой рубашке, девушка пробормотала:

—Пусть выгоняют! Тогда я уйду к нему, и все!

—Вечно любящий тебя капитан Джон Смит, — по складам прочла она в записке. Опустившись на траву, Покахонтас вздохнула, слушая пение птиц.

Полли проснулась от солнечного луча, бьющего ей в глаза. В распахнутых ставнях зеленел разбитый под окнами огород. Полли давно решила привезти в Англию семена из Джеймстауна. Она была уверена, что здешние овощи приживутся в Старом Свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.